Станислав Гончаренко

АФГАНИСТАН – ЖРЕБИЙ СУДЬБЫ

Интернациональная миссия

Историко-документальная повесть

Екатеринбург
2018

Снимки из фотоархивов С. Гончаренко, Н. Бурбыги, А. Краузе.

Гончаренко, С. П.
Афганистан – жребий судьбы. Интернациональная миссия : историко-документальная повесть / Станислав Гончаренко. – Екатеринбург, 2018 г.

Военный журналист Станислав Петрович Гончаренко в 1980–1981 годах проходил службу в 201-й мотострелковой дивизии Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (ОКСВА).

Ныне полковник в отставке Гончаренко С. П. активно занимается общественной работой, является заместителем председателя Свердловской областной общественной организации инвалидов войны в Афганистане и членом комиссии по связям с общественными организациями, СМИ и культурно-массовой работе при правлении Свердловской областной организации общероссийской общественной организации «Российский союз ветеранов Афганистана».

В этой книге автор делится своими воспоминаниями о начале афганской войны, мужестве и героизме воинов-интернационалистов. Рассказывает о жизни советских людей в начале 80-х годов и о роли М.С.Горбачева и Б.Н.Ельцина в развале многовековой России, а также подробно раскрывает систему идеологического воспитания военнослужащих Советской армии в переломном периоде истории нашей страны 80-х годов XX века.

«Для меня офицер или солдат, который служил в Афганистане, всегда был и остается человеком, заслуживающим особого внимания и уважения. Нам нечего стыдиться. Мы в Афганистане выполняли воинский долг, обеспечивали безопасность южных рубежей Союза, хранили покой державы. Время показало: это необходимо и по сей день. Кто подзабыл, могу напомнить, что на границе с Афганистаном и поныне стоит 201-я мотострелковая дивизия. Свой второй орден Красного Знамени она заслужила в Афганистане».

Генерал-полковник В. С. Родин

С 1977 по 1982 год – начальник политического управления Туркестанского военного округа. В 1979 году принимал непосредственное участие в организации и проведении операции по развертыванию Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Оглавление

Предисловие----------

Глава 1. Дорога на войну

Страна не знала, что война уже началась----------
«Вперед и с песней!»----------
Почему советские войска были введены в Афганистан?
(Правда и ложь об афганской войне)----------
Прифронтовой город Термез----------
Аукцион должностей----------
«Глаза боятся, а руки делают!» ----------
«Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут!»
(Краткая справка для любителей истории)----------

Глава 2. Афганская война

Здравствуй, Афганистан!----------
Первый бой----------
«С экспортом социализма в Афганистан мы поспешили…»----------
Дивизия учится жить в боевых условиях----------
Родина – далекая и близкая----------
На войне, как на войне----------
Трагедия у кишлака Шаеста----------
Соколы Кундуза----------
Прием у губернатора провинции ----------
Командировка в Ташкент----------
«Вши едят ваших солдат, товарищ полковник!..»----------
«Голубой Дунай»----------
Отпуск на Родину----------

Глава 3. Маршбросок по северным провинциям Афганистана

«Это есть наш последний и решительный бой!»
(Из гимна коммунистов «Интернационал»)----------
«Дедовщина» по-афгански ----------
Смерть по имени «агитгруппа»----------
ППР – совершенная система идеологического воспитания военнослужащих
Как летчики меняли вертолет на афганских «невест»----------
«Вот пуля пролетела и – ага…» (Из старой солдатской песни)----------

Глава 4. Дорога домой

«Дембельская» командировка в Кабул----------
«Заменщик»----------
Прощай, Кундуз!----------

Эпилог----------

Предисловие

После окончания в 1971 году Свердловской юношеской спортивной школы № 1 мне был выдан диплом тренера по стрелковому спорту. Тогда я не мог и предположить, что всего через девять лет навыки меткой стрельбы мне пригодятся на войне. В моих руках будет не спортивная винтовка, а боевое оружие, и прицеливаться я буду не в спортивную мишень, а в опасного врага. А позже, уже в другом бою, я окажусь в ситуации, когда я сам буду мишенью, и мне придется уповать только на счастливый жребий судьбы...

Мои воспоминания предназначены прежде всего для читателей, родившихся в постсоветский период российской истории. К сожалению, документов и свидетельств очевидцев событий, происходивших в 1979–1980 годах, из-за существовавшей тогда жесткой цензуры опубликовано не так уж много. Исторический период, о котором идет речь, – чуть более одного года. В книге дается подробное описание не только деятельности личного состава 201-й Гатчинской дважды Краснознаменной мотострелковой дивизии, но и повседневной жизни военнослужащих Советской армии и простых граждан СССР накануне и в начале интернациональной миссии в Афганистане.

Афганская война постепенно уходит в далекое прошлое нашей истории. Прошедшим сквозь огонь этой войны «афганцам» уже за пятьдесят лет. Порой по ночам им снятся горы Афганистана, смертельные схватки с врагом и гибель товарищей. Все чаще напоминают о себе полученные в боях раны. В городах и поселках России воздвигнуты памятники, на которых начертаны имена погибших воинов-интернационалистов. Есть мемориал и в столице Среднего Урала Екатеринбурге. Его назвали «Черный тюльпан». Ценой своих жизней почти десять лет советские воины сдерживали продвижение на запад идеологии

наиболее реакционной части ортодоксального ислама и наркотиков.

В Афганистане мне довелось служить в 201-й мотострелковой дивизии военным журналистом. Все указанные в книге фамилии подлинные. К сожалению, я не вел дневников и не всегда записывал имена смелых и мужественных офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат, что встречались мне в частях и подразделениях прославленного соединения. Фамилии многих из этих прекрасных людей по прошествии лет уже стерлись из моей памяти, поэтому заранее прошу у них за это прощения. Зато я бережно храню фотографии, сделанные мной и моими сослуживцами во время афганской войны. Большинство из них уникальные и публикуются впервые. На пожелтевших и потрескавшихся от времени черно-белых снимках, как в зеркале, отражена суровая правда о тяжелой и опасной службе воинов-интернационалистов за пределами отчизны. На них запечатлены лица командиров и солдат, с которыми я прошел нелегкий путь по дорогам и горным тропам Афганистана. Об их подвигах и нелегком воинском труде рассказывали сотрудники нашей редакции на страницах дивизионной газеты «За честь Родины».

С большой благодарностью я обращаюсь к своим товарищам и коллегам, которые помогли мне написать и опубликовать воспоминания о начальном периоде афганской войны.

В книге я постарался показать главное – высокие духовные и моральные качества советских людей на войне, их самоотверженность, взаимопомощь, отвагу и героизм. Эту книгу я посвящаю именно им – живым и павшим, тем, кто с честью выполнил свой воинский долг и интернациональную миссию в Афганистане.

Глава 1. Дорога на войну

Страна не знала, что война уже началась…

Декабрь 1979 года в небольшом городке Мерефа близ Харькова, где я проходил службу, выдался холодный, но малоснежный. Все офицеры и члены их семей были заняты подготовкой к празднованию Нового года. Предновогодний ажиотаж чувствовался и среди солдат нашего отдельного учебного полка гражданской обороны, в котором я служил в должности заместителя командира учебной роты по политической части, сокращенно – замполит. Замполитами в Советской армии офицеры и солдаты между собой называли всех войсковых политработников.

1979 г. Украина, г. Мерефа. Курсанты отдельного учебного полка гражданской обороны принимают военную присягу

В моей роте шесть месяцев обучались и затем отправлялись в войска механики-водители инженерных машин на гусеничном ходу.

В конце 70-х годов XX века служба в учебных подразделениях существенно отличалась от службы в обычных частях. Разница была прежде

всего в точном выполнении распорядка дня, исключительно строгом выполнении общевоинских уставов и, как следствие, в высокой воинской дисциплине.

Полком командовал полковник Хотов. Мне не была известна его национальность, но, по-видимому, он был родом с Кавказа и говорил с легким акцентом. Это был очень интересный человек – суровый, требовательный, но справедливый. Авторитет его в части был необычайно высок. И не только по причине высокой должности и звания, но и по единодушному признанию в нем всеми категориями военнослужащих полка неформального лидера.

Партийное собрание части. С докладом выступает полковник Хотов (стоит в центре)

Мне довелось служить в других учебных частях, но такого жесткого соблюдения распорядка дня, который существовал здесь, я не встречал больше нигде. В части был разработан план-график боевой учебы, партийно-политической, агитационно-массовой и культурно-просветительской работы на полгода вперед с точностью до минуты! В учебных ротах этот документ, уменьшенный до карманного формата, имелся у каждого офицера. Заглянув в него, каждый командир мог узнать, где он должен находиться и что будет делать, например, через три месяца после обеда в 17 часов 15 минут. Нарушить план-график могли только чрезвычайные обстоятельства или стихийное бедствие.

В ночь с 31 декабря 1979 года на 1 января 1980 года я был назначен ответственным офицером своего подразделения. В Советской армии должность «ответственный офицер» не была прописана в общевоинских уставах, однако ответственный офицер нес полную дисциплинарную, а порой и уголовную ответственность в случае ЧП в подразделении, где он дежурил.

В нашей учебке (так сокращенно в армии называют учебные подразделения) в последний день каждого уходящего года контроль над личным составом был многослойным. Назначались ответственные офицеры на уровнях рот, батальонов и в целом по всей части. Поэтому в новогоднюю ночь происшествий не предвиделось.

После того как солдаты просмотрели новогоднюю телепередачу, съели все булочки и конфеты, символично поднимая кружки с лимонадом во время боя курантов, я подал команду «Отбой!». Подождав еще немного, пока в казарме всё успокоится, я пошел в канцелярию. Там была установлена койка, на которой в новогодние праздники могли отдыхать ответственные офицеры. Сняв сапоги, не раздеваясь, я улегся поверх одеяла и заснул спокойным, безмятежным сном.

Как и ожидалось, в новогоднюю ночь в нашей учебке происшествий не произошло.

Наступил 1980 год. Ничего не предвещало беды. Никто из нас тогда не знал и не мог знать, что в Афганистане уже несколько дней идут бои, а для Союза Советских Социалистических Республик наступал самый трагичный, переломный период его истории.

Для граждан СССР афганская война началась незаметно. В СМИП (так сокращенно в СССР назывались средства массовой информации и пропаганды) сообщения о событиях в Афганистане советскими людьми воспринимались как-то просто, буднично. Будто речь шла об обычной помощи очередной стране, «приступившей к строительству социализма» где-то у наших южных границ. О том, что советские войска ведут боевые действия, многие узнали значительно позже, когда на железнодорожные вокзалы начали поступать в сопровождении солдат большие деревянные ящики со страшными цинковыми гробами.

Страна продолжала жить мирной жизнью. И большинство ее граждан даже не догадывались, что в Афганистане раскручивается, набирает обороты

маховик войны, льется кровь и гибнут наши люди – советские солдаты, сержанты, прапорщики, офицеры, военные советники и гражданский персонал. По правде говоря, начавшуюся войну в Афганистане нельзя называть «афганской войной». СССР не объявлял войну ДРА. Советские войска вошли на территорию Афганистана по официальной просьбе и с разрешения афганского Правительства.

Официально началом афганской войны считается 27 декабря 1979 года, но для солдат и офицеров Советской армии афганская война началась уже 25 декабря. В этот день в 15:00 по московскому времени, в соответствии с секретной директивой МО СССР № 312/12/001 от 24 декабря 1979 года, армейское командование приступило к переброске в Афганистан воздушно-десантных дивизий. В столице Афганистана 27 декабря спецподразделения КГБ СССР начали операцию «Шторм», и войска приступили к активным боевым действиям. И только 29 декабря в советской прессе появились первые сообщения о том, что Правительство СССР удовлетворило просьбу Правительства ДРА об оказании Афганистану всесторонней помощи, в том числе военной.

Газета «Правда», 29 декабря 1979 года:

«КАБУЛ. 28 (ТАСС). Сегодня состоялось заседание Политбюро ЦК Народно-демократической партии Афганистана, сообщило кабульское радио. Генеральным секретарем ЦК единогласно избран Кармаль Бабрак.

Политбюро ЦК НДПА рассмотрело и утвердило основные направления внутренней и внешней политики ДРА.

Радио передало также сообщение о сформировании президиума Революционного совета. Кармаль Бабрак стал Председателем Ревсовета, Асадолла Сарвари и Султан Али Кештманд – заместителями.

В президиум Ревсовета вошли также Нур Ахмад Нур, генерал Абдул Кадыр, подполковник Гуль Ага, подполковник Аслам Ватанджар.

Радио отметило, что революционный суд за преступления против благородного народа Афганистана, в результате которых были уничтожены многие соотечественники, в том числе гражданские и военные члены партии, представители

мусульманского духовенства, интеллигенции, рабочих и крестьян, приговорил Х. Амина к смертной казни.

Приговор приведен в исполнение.

Объявлено о сформировании нового состава Правительства Демократический Республики Афганистан во главе с председателем Революционного совета премьер-министром Кармалем Бабраком.

В состав правительства вошли: Асадолла Саравари – заместитель премьер-министра, Султан Али Кештманд – заместитель премьер-министра и министр планирования, Мухаммед Рафи – министр национальной обороны, Шах Мухаммед Дост – министр иностранных дол, Абдул Вакиль – министр финансов, Сайд Мухаммед Гулабзой – министр внутренних дел, Анахита – министр просвещения, Ширджан Масдурияр – министр транспорта, Мухаммед Хан Джалалар – министр торговли, Фаиз Мухаммед – министр по делам границ.

В передаче указывается, что Кармаль Бабрак назначен главнокомандующим вооруженными силами ДРА».

Газета «Известия», 29 декабря 1979 года:

«КАБУЛ, 29 (ТАСС). Как здесь объявлено, новое правительство Демократической Республики Афганистан освободило из тюрем многих афганских граждан – членов народно-демократической партии Афганистана, военных и гражданских, представителей рабочих и крестьян, религиозных мусульманских деятелей, незаконно арестованных и осужденных по приказу Х. Амина.

Невинно осужденные люди с радостью и волнением восприняли это справедливое решение народного правительства.

В числе освобожденных из заключения такие видные деятели, как Султан Али Кештманд, Мухаммед Рафи, Абдул Кадыр, Азгар, супруга бывшего генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра Н. М. Тараки, активная деятельница женского движения Сорейя, супруга А. Сарбари и многие члены НДПА, игравшие видную роль в Апрельской революции и незаконно репрессированные Х. Амином».

Газета «Красная звезда», 29 декабря 1979 года:

«КАБУЛ, 28 (ТАСС). Кабульское радио передало сегодня заявление правительства Демократической Республики Афганистан. В нем говорится:

«Правительство ДРА, принимая во внимание продолжающееся и расширяющееся вмешательство и провокации внешних врагов Афганистана и с целью защиты завоеваний Апрельской революции, территориальной целостности, национальной независимости и поддержания мира и безопасности, основываясь на Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 г., обратилось к СССР с настоятельной просьбой об оказании срочной политической, моральной, экономической помощи, включая военную помощь, о которой правительство Демократической Республики Афганистан ранее неоднократно обращалось к правительству Советского Союза.

Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу афганской стороны».

Вслед за десантниками, переброшенными в ДРА по воздуху, границу с Афганистаном начали пересекать соединения и части советских сухопутных войск. Они входили на территорию Афганистана и обустраивались в местах своей постоянной дислокации вплоть до весны 1980 года.

«Вперёд и с песней!»

За полгода до начала войны в Афганистане я женился. Свою супругу Людмилу я привез в снятый мной маленький домик, который находился на краю двора усадьбы работника железнодорожной станции Мерефа, в пяти минутах ходьбы от воинской части. Домик, где мы поселились, походил на классическую украинскую хату, раньше в нем проживали хозяйские куры. Бытовые неудобства нас не смущали, да и выбора жилья на небольшой станции не было.

С молодой женой мы быстро навели порядок. Пока она соскабливала с окон куриный помет и отмывала пол, я сколотил из досок широкую кровать и принес из части выданные старшиной моей роты во временное пользование два матраса и постельные принадлежности.

В СССР особых проблем с обеспечением военнослужащих жильем не было. В городах почти в каждом построенном новом доме Министерству обороны выделялся определенный процент квартир. Поэтому старшие офицеры

и офицеры, имевшие детей, получали жилье или сразу, или в течение всего нескольких месяцев. Женатым младшим офицерам без детей предоставлялась комната в двухкомнатной квартире. На офицерском сленге такая коммунальная квартира называлась «распашонка». Неженатые офицеры и прапорщики поселялись в общежитии.

Так что в «курятнике» мы прожили всего несколько дней и вскоре переселились в только что отремонтированную комнату в «распашонке» ДОСа (дом офицерского состава), расположенного на территории части.

Через неделю после новогодних праздников я должен был получить отпуск и намеревался с женой поехать в Свердловск. Тогда я еще не знал, что по приказу командующего войсками Киевского военного округа офицерам и прапорщикам уже отменены все отпуска и мне скоро придется ехать не к родным в Свердловск, а в далекую, мало кому известную тогда страну Афганистан.

Утром 1 января нового 1980 года, сдав дежурство по подразделению другому офицеру, я поспешил домой. Однако возле штаба полка меня остановил дежурный офицер части:

– Гончаренко! Тебя срочно вызывает начпо («начпо» на военном сленге – начальник политического отдела отдельной части, заместитель командира по политической части полка, дивизии, армии).

В кабинете, кроме начальника политотдела полка, сидели командир полка и особист («особист» – начальник особого отдела части военной контрразведки КГБ СССР).

Разговор состоялся короткий:

– Пришел приказ из штаба округа, – произнес глухо полковник Хотов. – Из нашей части должны быть направлены в Афганистан два офицера-политработника, морально благонадежных и физически хорошо подготовленных. Выбор пал на вас и лейтенанта Храмли. В полку вы самые молодые и толковые замполиты. На сборы и прощание с родными вам, товарищ старший лейтенант, остается совсем немного времени. Уже завтра вы должны убыть в город Белая Церковь, где идет формирование и отправка войск в Афганистан.

– Может, устроить торжественные проводы на вокзале? – предложил начальник политотдела.

– Ни в коем случае! – прервал его особист. – Ввод войск в Афганистан осуществляется в особом режиме...

– Вопросы есть? Нет! – подытожил комполка и, обращаясь ко мне, добавил: – Желаю удачи!

Несмотря на строгие меры секретности, весть о том, что из части отправляют двух офицеров в Афганистан, мгновенно облетела наш небольшой военный городок. Многие откровенно завидовали. Некоторые из офицеров даже подходили ко мне, как к счастливчику, и вполне серьезно предлагали поехать вместо меня.

– Слушай, друг, давай я поеду вместо тебя, – обратился ко мне капитан, замполит соседней роты. – Серьезно! Там, наверное, зарплата будет в валюте, а у меня трое сыновей, и каждый по велосипеду просит.

Об этом разговоре, уже будучи в Афганистане, я потом не раз вспоминал, когда после очередного боя с моджахедами было только одно желание – вернуться домой живым…

Тогда, в 1980-м, мы и предположить не могли, что война в Афганистане затянется почти на десятилетие и поломает жизни многих советских людей.

Прощание с женой было тяжелым. Проговорили всю ночь. Она с трогательной наивностью решительно заявила, что у нее тоже есть военный билет медсестры, выданный ей в педагогическом институте, и она вместе со мной готова ехать в Афганистан.

Прошло чуть больше полугода после нашей свадьбы. По моей просьбе руководство Свердловского педагогического института, где училась жена на последнем курсе, направило ее на стажировку в детское учреждение, расположенное рядом с моей воинской частью. Супруга была на шестом месяце беременности и очень нуждалась в моем внимании и поддержке. Но приказ есть приказ. И я, оставив юную жену на попечение своих родителей, начал готовиться к отъезду в Афганистан.

В соответствии с шифрограммой из штаба округа, офицеры, убывающие в Афганистан, должны были взять с собой три формы одежды и получить деньги за два месяца вперед. Меня и лейтенанта Храмли долго инструктировали начальники всех уровней. Потом нас, как лиц, отправляющихся на «особо важное правительственное задание», старший офицер из штаба части на отполированной до блеска черной «Волге»

начальника политотдела привез в аэропорт прямо к трапу самолета и пожелал на прощание удачи на новом месте.

Прилетев в Киев, мы с лейтенантом Храмли пошли устраиваться на ночлег в военную гостиницу, но там свободных мест не оказалось. Попытали счастья в гражданской гостинице, но и здесь наткнулись на табличку: «Свободных мест нет!». Однако, узнав, что мы едем в Афганистан, администратор тут же предоставила нам два места в шикарном номере, предназначенном для особо важных персон.

Рано утром мы покинули столицу Украины и на поезде отправились в небольшой тихий городок с необычным названием – Белая Церковь.

Части, вводимые в Афганистан, готовились во многих военных округах СССР. В Киевском военном округе эшелоны с людьми и техникой формировали в Белой Церкви. Прибыв на сборный пункт, я сразу пошел в отдел кадров.

Сборный пункт представлял собой небольшое старое серое здание. В коридорах бегали, ходили и сидели на чем придется офицеры и прапорщики. С трудом я нашел отдел кадров. За столом сидел измученный недосыпом капитан, заваленный папками личных дел офицеров и прапорщиков, направляемых в Афганистан. Я подал ему документы. Капитан быстро пробежал по ним взглядом и направил меня в казарму, где заканчивалось формирование артиллерийского дивизиона.

– Но я же танкист! – попытался протестовать я.

– Ну и что, что танкист! Из документов следует, что вы заканчивали Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. То есть с артиллерией вы знакомы?

– Так точно, но я заканчивал танковый факультет – я танкист!

– Ничего, что вы по военной специальности не артиллерист. В танке тоже есть пушка. Поэтому не будем дискутировать. Нужен замполит в артиллерийскую батарею. Так что без лишних вопросов идите, куда назначено. Где найти расположение артиллеристов, вам расскажет дежурный по сборному пункту. Быстро принимайте все дела и приступайте к выполнению своих обязанностей. Сегодня ночью будет отправлен первый эшелон. Через день должен уйти ваш. Так что запаса времени для формирования партийно-политического актива в подразделении у вас очень мало. Поэтому не теряйте ни

минуты и работайте очень быстро.

– Но… – попытался я снова возразить.

– Никаких «но», – устало махнул рукой кадровик, – отправляйтесь в свою батарею. Прибудете к месту назначения, там с вами разберутся, кто вы: танкист или артиллерист. Пока принимайте батарею!

Выйдя из кабинета, я попрощался с лейтенантом Храмли и прошел к дежурному, который показал мне, где находится артиллерийский дивизион.

Кругом стояли эшелоны, туда-сюда бегали путейцы. Паровозы перемещали вагоны с военными грузами и пассажирские вагоны. Формировался очередной эшелон для отправки личного состава и техники в Афганистан. Увидев издали гаубицы, я подошел к капитану, который руководил погрузкой.

– Старший лейтенант Гончаренко! – представился я и спросил: – Где мне можно найти артиллерийскую батарею, отправляющуюся в Афганистан?

– Да здесь, браток, – ответил мне офицер и добавил: – Я командир батареи. Ты попал как раз туда, куда надо.

Мы накоротке познакомились. Комбат тут же запросто перешел на «ты» и отдал приказ:

– Побыстрее знакомься с личным составом, формируй партийно-политический актив. Времени очень мало, так что «вперед и с песней»!

– Все ясно, – ответил я и пошел в направлении, куда указал рукой командир батареи.

Недалеко от эшелона с вещмешками стояли группами солдаты. Кто-то курил, кто-то просто дремал, подняв воротник. Некоторые бойцы были одеты в летнее обмундирование и летнее нижнее белье. Они ежились на холодном ветру, засунув свои закоченевшие руки без перчаток в рукава шинелей.

Помянув недобрым словом тыловиков и командиров, отправивших нам в таком виде солдат, я стал знакомиться со своими новыми подопечными. С первого взгляда сразу понял, что контингент не самый боеспособный. Кто-то в прежней части служил хлеборезом (солдат, занимающийся в солдатской столовой хранением, нарезкой и выдачей порций хлеба и масла), кто-то был ротным каптерщиком (кладовщик склада имущества подразделения). Словом, многие солдаты только назывались артиллеристами, а о настоящей службе и боевой подготовке большинство и понятия не имели. Военным имуществом

были укомплектованы кое-как, а точнее – подавляющее большинство солдат было вообще не укомплектовано. Многих просто подняли в частях по тревоге и в чем были, в том и отправили к месту формирования.

Поговорив с солдатами, я окончательно убедился, что личный состав воинских частей для отправки в Афганистан отбирался, очевидно, не методом подбора лучших, а путем избавления от нарушителей воинской дисциплины.

«Ничего не поделаешь, придется работать с теми, кто есть, – с горечью оценил я ситуацию. – Хорошо хоть сержантов толковых прислали...». С благодарностью я вспоминаю сержантов А. Пойдюка, В. Антипова, В. Кульбака, С. Ивлева, П. Жукова, А. Титенко, В. Заднепрянского, В. Джуса. Они оказали мне большую помощь в наведении порядка в моей батарее и «сколачивании» боеспособного воинского коллектива.

Переговорив с командирами взводов, я стал формировать партийно-политический актив подразделения, и к моменту отправления поезда он был полностью готов. В каждом взводе были назначены комсгруппорги (руководители комсомольского актива взводов), агитаторы и редакторы «Боевых листков» (своего рода настенного печатного органа каждого взвода форматом со стандартный лист). В штабе нашего артдивизиона оперативно было проведено собрание членов КПСС (Коммунистической партии Советского Союза), где меня избрали заместителем секретаря парторганизации артиллерийского дивизиона.

Методике проведения партийно-политической работы с личным составом в быстро меняющейся боевой обстановке нас, курсантов военно-политического училища, «натаскивали» четыре года. Но реально в необходимости и значимости такой работы с солдатами и офицерами перед отправкой в район боевых действий в полной мере я убедился только здесь, в Белой Церкви, когда формирование было закончено, и пришел приказ следовать на восток. Ввиду того, что было мало информации о задачах войск, отправляющихся в Афганистан, и в открытой печати ничего не публиковалось о целях нашего там присутствия, вся тяжесть разъяснительной работы легла на плечи политработников эшелонов.

Перед нашей отправкой на сборном пункте всех политработников подразделений собрал прибывший в Белую Церковь полковник из политуправления округа. Он изложил цели и задачи, которые ставились перед

нашими войсками в Афганистане, суть замысла руководства нашей страны по оказанию интернациональной помощи братскому афганскому народу. И уже в пути, во время следования эшелона, я собрал партийно-политический актив подразделений и разъяснил задачи нашего подразделения в свете информации, доведенной до нас пропагандистом из штаба округа.

Почему советские войска были введены в Афганистан? (Правда и ложь об афганской войне)

Международная обстановка, которая сложилась у южных границ СССР к началу 80-х годов XX века, была напряженной и противоречивой. Попробуем разобраться, почему Советский Союз был вынужден ввести свои войска на территорию исторически дружественного по отношению к России соседнего государства?

О том, что происходило в Афганистане перед вводом советских войск, подробно, с энциклопедической точностью описал генерал-майор А. А. Ляховский в книге «Трагедия и доблесть Афгана». Поэтому, не вдаваясь в подробности всей внутриполитической обстановки в ДРА, кратко остановлюсь лишь на общей картине партийного кризиса в этот период в руководстве правящей партии – НДПА.

После победы 27 апреля 1978 года Саурской (Апрельской) революции, осуществленной группой офицеров – членов НДПА, в Афганистане начались демократические преобразования. Но в декабре 1979 года в результате острой внутрипартийной борьбы руководство в партии захватил Хафизулла Амин и фактически узурпировал в своих руках всю власть в стране. Началась «чистка» внутри НДПА и аресты политических оппонентов.

Ставка Амина на силовые методы управления страной привела к росту недовольства населения и тем самым укрепила позицию противников народно-демократического строя в Афганистане. В провинциях начались антиправительственные мятежи. Оппозиция могла в любой момент отстранить от власти НДПА и прервать демократические реформы.

Уральский военный историк, ветеран афганской войны Николай Салмин в книге «Интернационализм в действии» характеризует внутриполитическую

обстановку в Афганистане тех лет так: «К ноябрю 1979 года сложилась драматическая военно-политическая ситуация, свирепствовал террор, в стране фактически началась гражданская война».

К концу 1979 года в Афганистане возникла угроза свержения народно-демократической власти и перехода ее в руки местной религиозно-буржуазной элиты, поддерживаемой США и рядом проамериканских стран.

В семидесятые годы прошлого века США уже хорошо овладели технологией смены неугодных им правителей, обрекая народы этих стран на хаос и гражданские войны, и потом выкачивали из разоренных стран их природные ресурсы.

После вывода советских войск из Афганистана, США и их сателлиты тут же вторглись туда с оружием. И под знаменем «свободы и демократии», в духе своих исторически традиционных занятий – работорговли и грабежа, стали сеять смерть и разруху на многострадальной земле Афганистана. При этом американцы фактически развязали руки радикальным исламистам и наркоторговцам. А еще позже, в девяностых, когда подобная методика «демократизации» непокорных стран была доведена до совершенства, началось разрушение государств в геополитическом масштабе. Будет сожжена авиацией НАТО Югославия, превращен в руины Ирак, разорены Ливия и Сирия.

После того как Россия и Белоруссия, пережив «перестройку», крушение СССР и «лихие девяностые», заявили о своем суверенитете, мировое «закулисье» «гибридной войной» вновь пошло в атаку на наши братские страны. Спонсируя через посредников «общественные» организации «инакомыслящих» в России и Белоруссии, Ротшильд, Рокфеллер, Морган, Сорос, другие банкиры и крупнейшие воротилы мирового бизнеса попробовали проверить Россию и Белоруссию на крепость духа и силы, организовав «протестное движение». Однако, их замыслы по расшатыванию политической системы в России и Белоруссии провалились. Но на Украине, к великому несчастью, происки мировой олигархической элиты удались. США истратили на формирование «пятой колонны» миллионы долларов. В результате законный президент В. Ф. Янукович был отстранен от власти, а Украина стала экономически и политически зависимой от США и стран западной Европы.

Правители США, воодушевленные удачным вложением долларов в разжигание антироссийской истерии на Украине, уже готовились превратить

Крымский полуостров в свой непотопляемый авианосец. Однако, его население, в основном русскоязычное, не захотело жить в стране, где после государственного переворота стал процветать национализм и русофобия, и на всенародном референдуме проголосовало за отделение от Украины. Таким образом, Крым, оторванный в 1954 году Н.С.Хрущевым от Российской Советской Федеративной Социалистической республики, наконец, возвратился под юрисдикцию России.

Жители Донбасса попытались, как крымчане, отстоять свое право на самоопределение и право разговаривать на русском языке, но украинские националисты, вскормленные американскими долларами, развязали там кровавую гражданскую войну. Славяне стали уничтожать друг друга. Именно этого веками добивались наши исторические противники: США, Великобритания и другие недруги России.

По аналогичному сценарию в 80-е годы прошлого века ЦРУ фактически спровоцировали гражданскую войну в Афганистане. США спонсировало антиправительственное сопротивление в провинциях, вооружали антиправительственные отряды душманов и тем самым способствовали разжиганию клановой вражды и разорению молодой Демократической Республики Афганистан.

Был и другой, тоже немаловажный аспект, повлиявший на решение советского правительства о вводе войск в Афганистан. Речь идет о международной политике США, как всегда, исключительно «с позиции силы». Поэтому оказание интернациональной помощи афганскому народу было необходимо Правительству Советского Союза для осуществления стратегической задачи по сдерживанию агрессивной политики США в Юго-Восточной Азии.

В тот исторический период, в рамках своей геополитической стратегии в холодной войне против СССР, США сделали главную ставку на ракеты среднего радиуса действия.

Еще в 1948 году ЦРУ и военным командованием США разрабатывались планы создания системы военных баз вокруг СССР, в том числе у его южных границ. Так, в соответствии с планом «Гиндукуш» предусматривалось не допустить развитие дружественных отношений СССР с его южными соседями и, прежде всего, с Афганистаном путем дестабилизации внутриполитической

обстановки в этой стране. А позже, в 1979 году, в Брюсселе руководство НАТО приняло решение о размещении в Европе ракет среднего радиуса действия «Круз» и «Першинг-2». При успешной реализации этого плана должно было завершиться полное окружение СССР военными базами США. Это давало возможность молниеносного нанесения ракетных ядерных ударов по всей территории нашей страны.

Военно-политическая обстановка вокруг СССР в 1979 году

Американские ракеты «Круз» и «Першинг-2» способны были доставить ядерные заряды до целей, расположенных на территории Советского Союза, буквально в считанные минуты. Сбить же их советскими противоракетными комплексами в то время было очень сложно. СССР не обладал тогда зенитными комплексами, подобными современным российским С-300, С-400 и С-500. К 1979 году по всему периметру границ Советский Союз был окружен многочисленными американскими военно-морскими и военно-воздушными базами, на которых были размещены ракеты среднего радиуса действия. Такие ракеты находились в Турции, в Европе, на Аляске. Ими были вооружены стратегические бомбардировщики, постоянно курсирующие вдоль северных границ СССР. Единственным недосягаемым для американских ракет местом в то время была центральная часть Советского Союза.

Таким образом, в случае отстранения НДПА от власти в 1979 году, США могли привести к власти проамериканское правительство и разместить на

территории Афганистана свои ракеты среднего радиуса действия. Наличие американских ракет у наших южных границ в Афганистане сразу поставило бы под угрозу ядерного удара центральную и южную части СССР – Среднюю Азию, Западную Сибирь и Урал.

Такое развитие ситуации советское политическое руководство допустить не могло. Поэтому было принято решение о вводе советских войск в Афганистан и оказании помощи НДПА в смене непопулярного у афганцев политического лидера. Это было не лучшее решение, и многие это понимали. Но, как говорится, из двух зол пришлось выбирать меньшее. В период жесткого противостояния СССР и США в холодной войне это был, пожалуй, единственный вариант не допустить ядерной угрозы США у наших южных границ.

Вместе с тем в среде историков спецслужб России и США существует и другая версия. Якобы ввод советских войск в Афганистан является итогом «успешно проведенной операции ЦРУ по втягиванию СССР в гражданскую войну, которая разгорелась между сторонниками социалистических преобразований в ДРА и верхушкой афганской родоплеменной знати, ориентированной на ортодоксальный ислам».

В своем выступлении по Кабульскому радио 30 декабря 1979 года Генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Революционного совета и премьер-министр Демократической Республики Афганистан Кармаль Бабрак назвал Хафизуллу Амина «агентом ЦРУ и американского империализма». Слова нового лидера Афганистана не были голословными и основывались на результатах кровавой деятельности его предшественника. За время правления Амина был физически уничтожен лидер НДПА Нур Мохаммад Тараки и расстреляны тысячи членов партии, идейно преданных делу социалистических преобразований в Афганистане. После свержения Х. Амина в его личных документах якобы была обнаружена запись имени и телефона агента ЦРУ в Афганистане. Немаловажен и тот факт, что Х. Амин длительное время учился и жил в США. И если учесть многочисленные настойчивые официальные и неофициальные просьбы Амина к советскому руководству ввести войска в ДРА, то это уже можно расценить как часть хорошо спланированной и удачно осуществленной провокации ЦРУ в отношении СССР.

Задолго до начала афганской войны советские гражданские специалисты

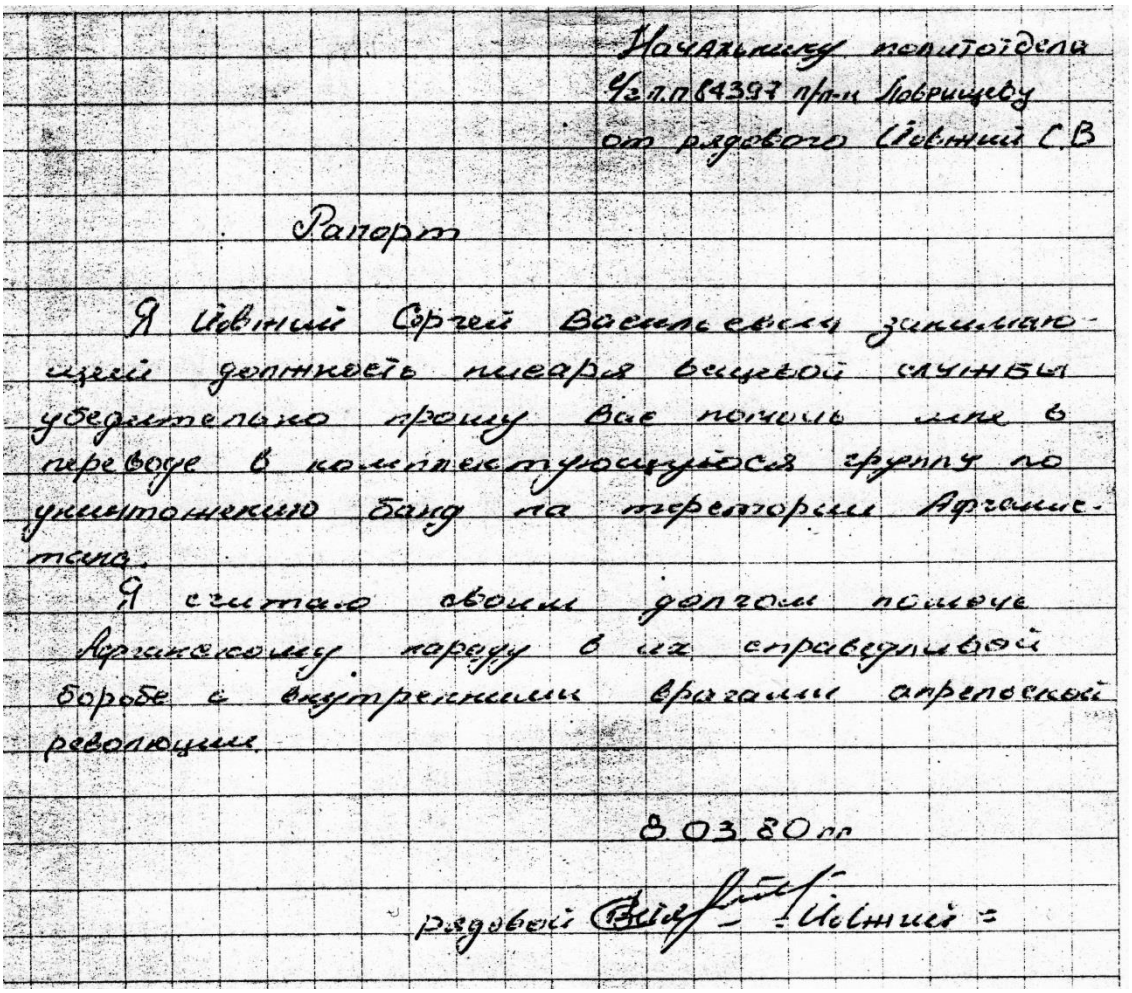
много лет помогали строить в Афганистане дороги, дома и промышленные объекты. Поэтому до сих пор простые афганцы уважительно относятся к шурави (шурави в переводе с языка дари означает «советские», от афганского слова шура – «совет»). Позже словом шурави стали называть и советских солдат.

К американцам же у афганцев сегодня диаметрально противоположное отношение. О солдатах армии США они отзываются очень презрительно. «Американцы – трусливые, подозрительные и алчные люди, – рассказывает корреспонденту одной из европейских телекомпаний старый афганец – когда-то член антиправительственного вооруженного формирования, которое принимало участие в боях с советскими войсками. – Они совершенно не хотят с нами контактировать и не помогают населению выживать в сложившейся сейчас непростой экономической ситуации. Русские же – смелые, отважные воины и были достойными противниками».

Приезжая в Афганистан по туристическим визам, бывшие военнослужащие 40-й армии – ветераны афганской войны порой слышат от пожилых афганцев: «Вас, русских, американцы просто обманули и хитростью заманили в Афганистан…».

Какая из версий является подлинной, рассудит время. А мы в 1980 году просто верили в справедливость борьбы афганского народа за социалистические идеалы и готовы были честно выполнить на территории Афганистана свою интернациональную миссию.

Перед вводом в Афганистан 201-й мотострелковой дивизии среди солдат пронесся слух, что часть военнослужащих оставят в Туркестанском военном округе. В связи с этим ко мне стали обращаться солдаты моего подразделения с просьбой отправить их на службу в ДРА. У меня сохранились некоторые из рапортов. Их не понадобилось передавать в кадровые органы – солдаты и так были направлены в Афганистан. После службы в армии я передал эти рапорты и другие реликвии афганской войны в музеи города Екатеринбурга.



Начальнику политотдела
Ч/п 84397 при-ии Лобрищеву
от рядового Йовжий С.В

Рапорт

Я Йовжий Сергей Васильевич занимаю-
щей должность пиарря вещевой службы
убедительно прошу Вас помочь мне в
переводе в комплектующуюся группу по
уничтожению банд на территории Афгани-
стана.
Я считаю своим долгом помочь
Афганскому народу в его справедливой
борьбе с внутренними врагами апрельской
революции.

8 03 80 гг

рядовой Йовжий

Рапорт рядового С. В. Йовжия

Сейчас с болью в сердце приходится иногда читать непрофессиональные и даже порой «грязные» измышления о войне в Афганистане, написанные некоторыми современными журналистами и писателями, не имеющими не только специального военного образования, но и достаточных знаний по истории. К сожалению, таких «писателей», не понимающих (или не желающих понимать) сути и причин афганской войны, сейчас немало, как немало и рассуждений о том, что решение руководства СССР о вводе войск в Афганистан было якобы «непродуманным» и «безответственным».

Как очевидец, свидетельствую: советские воины находились в дружественной нам стране не как захватчики, а как интернационалисты! В Демократической Республике Афганистан Советская армия выполняла трудную, но почетную интернациональную миссию. И все мы искренне верили в то, что с нашим приходом в Афганистане воцарятся мир и справедливость.

Подтверждением этого исторического факта являются рапорты советских солдат на пожелтевших от времени простых тетрадных листках в музеях города

Екатеринбурга «Шурави», «ВДВ» и Центрального военного округа.

Прифронтовой город Термез

Итак, наш воинский эшелон почти без остановок мчался на юг, к границе Демократической Республики Афганистан.

Во время движения эшелона у меня не было ни одной свободной минуты. С утра до позднего вечера я беседовал с солдатами, сержантами, прапорщиками и офицерами. Проводил анкетирование по схеме, которую я разработал и опробовал еще в учебной танковой дивизии, дислоцированной у города Киева, куда меня направили после окончания военного училища. Под стук вагонных колес я работал с партийно-политическим активом батареи. Солдаты редколлегии стенной газеты «Артиллерист» выпускали стенгазету и боевые листки. Правда, после выпуска очередного боевого листка я получил замечание от работников особого отдела армейской контрразведки: в стенной печати нельзя было даже упоминать слово «Афганистан». Пришлось в стенгазете и боевых листках везде слово «Афганистан» закрасить гуашью.

В пути мысленно, про себя отметил день рождения жены и, несмотря на постоянную занятость, написал ей небольшое письмо. На какой-то маленькой станции, стараясь не попадаться на глаза офицерам особого отдела (во время движения эшелона было запрещено посылать письма и телеграммы), я бросил конверт в почтовый ящик.

Ночью, не останавливаясь, проехали Волгоград. Солдаты и офицеры увидели в свете прожекторов величественную и огромную статую Родины-матери, зовущей своих сыновей на подвиг. И, наверное, в тот момент каждый из нас спрашивал себя: готов ли он к подвигу, сможет ли смело посмотреть в лицо смерти?

Узбекистан встретил нас сыростью, промозглостью и дождем. Эшелону, видимо, везде давали зеленый свет, поэтому в дороге мы практически нигде не стояли и вскоре прибыли на железнодорожную станцию города Термеза.

К Термезу эшелон подъезжал через полигон, он находился в нескольких километрах от границы с Афганистаном. На этом полигоне была развернута 201-я мотострелковая дивизия. Нас поразило, что вдоль железной дороги

стояли военнослужащие, одетые в непривычную форму одежды: серые шинели, подпоясанные ремнями из кожзаменителей, пряжки ремней выкрашены зеленой краской. Возраст солдат был немалый – под тридцать-сорок лет. Офицеры тоже были в кирзовых солдатских сапогах и одеты в такую же форму одежды, как и солдаты. Встречая нас, они радостно кричали и бросали вверх солдатские шапки-ушанки.

Как позже выяснилось, это были «партизаны». Так на армейском сленге называли временно призванных на военную службу гражданских лиц. По боевому расписанию они были приписаны к кадрированной (сокращенного состава) Душанбинской 201-й мотострелковой дивизии и в случае начала боевых действий пополняли личный состав этого соединения. Все они имели необычный внешний вид и отличались отсутствием привычки к дисциплине и слабой воинской подготовкой. Однако к моменту прибытия регулярных воинских частей они свою задачу выполнили: военная техника была снята с хранения и развернута на месте дислокации дивизии. Некоторые из «партизан» не без гордости рассказывали, что уже успели побывать в боях, и демонстрировали нам пулевые пробоины в грузовых машинах.

Прибыв со своей батареей на полевой сборный пункт, я вновь был вызван в отдел кадров. Там меня встретил небритый майор-кадровик с красными от усталости глазами.

– Зря вы сюда приехали, – с ходу осадил меня майор неожиданным известием, – дивизия разворачивается по боевому штату, и замполиты батарей в нем не предусмотрены. Мы решим, куда вас направить, а пока идите на склад, получите там имущество, оружие, боеприпасы и ждите нового назначения.

Сдав свои дела одному из офицеров батареи, я отправился «затариваться». На складе прапорщик плотного телосложения без лишних вопросов быстро сложил передо мной огромную кучу полевого личного имущества и оружия, проверил его по своему списку и, не дав мне опомниться, громко объявил стоявшим за мной офицерам и прапорщикам:

– Следующий!

– Подождите, товарищ прапорщик! – изумился я. – А за гранаты, патроны, пистолет и автомат не надо расписываться?

Прапорщик не удостоил меня ответом, лишь пожал плечами и, не глядя на меня, показал рукой в сторону стоявшей неподалеку тумбочки с ведомостью

на получение оружия и боеприпасов, словно хотел сказать: «Ну, если тебе очень нужно, то распишись в получении», как будто речь шла о получении простых карандашей. Ведомости были исписаны фамилиями и подписями вдоль и поперек, даже на полях. С трудом отыскав в углу небольшое пространство, я мелким шрифтом вписал свою фамилию и поставил подпись. Остальные присутствующие, получив имущество и оружие, проходили мимо, не обращая внимания на листок бумаги, лежащий на тумбочке...

Надев на голову тяжелую стальную каску и взвалив на плечи матрас, полевое имущество и оружие, я со своим чемоданом едва протиснулся в двери склада. С поясного ремня свисали гроздьями подсумки с гранатами и патронами, а также штык-нож и кобура с пистолетом. Едва передвигая ноги, я с трудом пошел в офицерскую казарму, которая находилась на территории расположения танкового полка. Здесь в несколько рядов были поставлены обычные двухъярусные солдатские кровати, на которых офицеры и прапорщики расстелили свои постельные принадлежности. В тумбочки сложили предметы первой необходимости.

Оружие складывать на хранение было некуда. В помещении, где разместили офицеров и прапорщиков, специальной комнаты для хранения оружия и боеприпасов не было. Поэтому, когда нам было необходимо выйти из казармы, мы перемещались по городу Термезу вместе со всем своим личным оружием и боеприпасами.

Питались офицеры и прапорщики в небольшой столовой, расположенной относительно недалеко от военного городка. Сидеть за столиками и тем более есть там было очень неудобно, так как на коленях у всех лежали автоматы. На спинках стульев висели подсумки с гранатами и патронами. Некоторые туда же развешивали ремни с пистолетами и штык-ножами. Чем-то эта картина напоминала американские вестерны о диком Западе. Полное вооружение и абсолютная бесконтрольность личного времени офицеров и прапорщиков приводили к тому, что вечером над Термезом небо расцвечивалось следами от трассирующих пуль. Время от времени в разных частях городка слышались взрывы гранат. К счастью, от случайных выстрелов военнослужащих никто из местных жителей не пострадал, но опасность ранений от шальных пуль и осколков гранат существовала всегда.

Стоит отдельно остановиться на ситуации, которая сложилась в этом

небольшом узбекском городке в связи с огромным наплывом вооруженных «до зубов» военнослужащих.

Местных жителей на улицах практически не было. По городу ходили в основном военнослужащие, вооруженные, что называется, с «ног до головы» автоматами, пистолетами и гранатами. У каждого был полный комплект боеприпасов. По улицам проезжали только военные машины. Сотрудники местной милиции, наверное, тоже предпочитали лишний раз не появляться на улице. По крайней мере, за все время моего пребывания в Термезе я не увидел ни одного милиционера и ни одной машины местной ГАИ.

Складывалось впечатление, что в период пребывания войск в Термезе местная власть была парализована и никаких признаков деятельности местных чиновников не наблюдалось. Работала только военная комендатура. Реальная же власть на период доукомплектования 201-й мотострелковой дивизии в городе Термезе фактически принадлежала военным.

«Аукцион должностей»

Каждое утро все мы, не приписанные ни к одной воинской части и находящиеся за штатом, должны были являться к 8 часам на сборный пункт и до обеда слушать объявления о вакансиях на ту или иную должность. Время от времени на крыльцо штаба выходил офицер отдела кадров и выкрикивал список имеющихся вакансий. Кто-либо из присутствующих офицеров поднимал руку, выходил вперед, изъявляя желание занять ту или иную должность. Затем кадровики проверяли документы претендентов и сразу принимали решение о возможности назначения их на эти должности. Если с документами все было в порядке, офицеры и прапорщики тут же отправлялись в части и подразделения 201-й мотострелковой дивизии. Когда перекличка заканчивалась, не получившие нового назначения офицеры и прапорщики вновь возвращались до утра в казарму, чтобы поутру снова идти на «аукцион должностей».

Среди обитателей офицерской казармы прошел слух, что те, кому не достанутся должности в 201-й дивизии, в Афганистан не попадут и останутся служить в частях и соединениях Туркестанского военного округа. А так как

многие офицеры и прапорщики осознанно и вполне искренне хотели принять участие в интернациональной миссии в Афганистане, то ради зачисления их в состав частей, уходящих в Афганистан, готовы были занять даже нижестоящие должности.

В наихудшем положении оказались мы – политработники, так как нас оказалось очень много за штатом. Двое суток перед строем офицер-кадровик выкрикивал должность редактора многотиражной дивизионной газеты. Среди нас профессиональных журналистов не было. Из-за чьей-то нерасторопности в военном кадровом аппарате в Термез не прибыло ни одного военного журналиста. Командование дивизии вынуждено было укомплектовывать редакцию и типографию своими силами из числа войсковых замполитов подразделений.

Однако добровольно никто из офицеров-политработников не осмеливался взять на себя ответственность возглавить дивизионную газету. Большинство из нас могли выпускать только стенгазеты, боевые листки и листовки. Все мы в военно-политических училищах изучали основы полиграфии и бесшрифтовой полиграфический комплекс (БПК-63). Однако практике работы на нем отводилось лишь несколько часов. Поэтому достаточного опыта эксплуатации оборудования походной типографии ни у кого из нас не было.

На третий день я наконец решился – поднял руку и вышел из строя, когда в очередной раз озвучили вакантную должность редактора газеты.

Меня пригласили в кабинет кадровика, который радостно сказал:

– Нашелся наконец-то редактор. Вы журналист?

– Нет. Я не имею специального образования журналиста, но я знаком с работой походной типографии, – ответил я.

– Ну, ничего, как говорится, в процессе работы всему научитесь, – подытожил кадровик, – принимайте должность редактора и формируйте газету.

– Товарищ майор, – честно признался я, – кроме стенгазеты и боевых листков я ничего не выпускал, ни одной газеты. Если есть возможность, то прошу назначить меня заместителем редактора. Когда придет профессионал-журналист, он скажет, что нам делать, а пока я мог бы заняться формированием коллектива редакции и типографии.

Если бы я тогда знал, что должность заместителя редактора называется «ответственный секретарь», а это именно тот специалист в редакции, который

непосредственно, собственными руками делает газету и должен быть в первую очередь профессионалом!

Мое упорное нежелание занять должность редактора явно огорчило кадровика.

– Ну, как хотите, – сказал он, – тогда вы назначаетесь ответственным секретарем редакции. Принимайте от «партизан» оборудование и набирайте личный состав. Мы вам пришлем в помощь прапорщика – начальника типографии и офицеров в редакцию. Пока займитесь принятием походной типографии и набирайте солдат для работы. Если у вас, товарищ старший лейтенант, вопросов ко мне нет, то немедленно приступайте к формированию редакции 201-й дивизии.

Вот так, в одно мгновение я стал журналистом. Хотя до настоящего журналистского профессионализма мне было, мягко говоря, очень и очень далеко. Позже, когда я уже учился в Москве на факультете журналистики Военно-политической академии им. В. И. Ленина, ко мне пришло понимание того, что журналист, по большому счету, это не просто профессия или должность. Это особенная форма мышления, своеобразный стиль поведения и образ жизни. Не каждый человек способен, как говорил журналист и писатель Владимир Гиляровский, в обычном увидеть необычное и в необычном – обычное. И самое главное – на журналистах лежит огромная ответственность за то, о чем они пишут. Журналисты, как и врачи, должны работать по принципу: «Не навреди!». Настоящие журналисты – истинные профессионалы своего дела, чаще всего обладают острым ощущением внутренней самоцензуры.

Итак, 22 января 1980 года я был назначен журналистом. Тогда я еще не знал и не понимал, какой груз ответственности взвалил на себя, вступая в должность ответственного секретаря многотиражной газеты 201-й мотострелковой дивизии.

В тот же день на должность журналиста-организатора был назначен и лейтенант Александр Краузе.

– Товарищ старший лейтенант! – обратился ко мне голубоглазый молодой лейтенант с аккуратными небольшими усами. На нем отлично сидело новое офицерское обмундирование, а на ногах были надраенные до зеркального блеска хромовые сапоги, которые странно смотрелись на фоне убогого полевого быта. – Вы ответственный секретарь газеты?

– Да. А вы военный журналист? – с надеждой в голосе спросил я.

– Нет, – ответил офицер и представился: – замполит мотострелковой роты, лейтенант Александр Краузе. Назначен к вам на должность корреспондента газеты.

Александр Краузе по национальности немец. Он закончил Новосибирское военно-политическое училище и имел достаточный опыт работы с личным составом. К тому же он умел хорошо фотографировать.

Меня очень огорчило, что лейтенант Краузе, как и я, тоже не был журналистом. Про себя я послал несколько «крепких» слов в адрес кадровиков и сказал лейтенанту:

– Ну что же, в редакции я пока один офицер, и мне очень нужен помощник. Так что тоже подключайся к работе. Оружие и боеприпасы получил?

– Вот, только пистолет выдали на складе и к нему две обоймы патронов.

– Ладно, с оружием потом разберемся. Сейчас главное – работу типографии наладить.

Мой разговор с Краузе прервал подошедший к нам коренастый подполковник.

– Товарищи офицеры! Это вас назначили в редакцию?

– Так точно! Старший лейтенант Гончаренко, ответственный секретарь газеты, и корреспондент-организатор лейтенант Краузе, – представил я себя и лейтенанта Краузе.

– Заместитель начальника политотдела 201-й мотострелковой дивизии Костюк Степан Афанасьевич, – в свою очередь представился подполковник и без лишних слов приказал нам с вещами тут же последовать в его УАЗик.

Заместитель начальника политического
отдела 201-й мотострелковой дивизии С. А. Костюк

Штаб дивизии располагался на окраине Термеза в открытом поле. Дул холодный пронизывающий ветер. Моросил мелкий дождь. Под ногами хлюпала жижа из земли и воды.

Нас с корреспондентом разместили в палатку офицеров управления соединения. Определившись с жильем и перетащив в палатку все свои вещи и оружие, мы сразу пошли осматривать типографскую машину БПК-63 (бесшрифтовой полиграфический комплекс).

Справка для любознательных (читать не обязательно)

Бесшрифтовой полиграфический комплекс БПК-63 предназначен для выпуска в полевых условиях газет, листовок и других печатных материалов. Его можно использовать для выпуска листовок и газет на любом иностранном языке.

Полиграфический комплекс смонтирован в специальном кузове-фургоне КУНГ (кузов универсальный нормального габарита), установленном на шасси грузового автомобиля. В качестве источника питания используется бензоэлектрический агрегат.

В основное оборудование БПК-63 входят: походный электрографический комплект, офсетная печатная машина, наборно-пишущая машина.

Техническое оборудование типографии дополняется портативным фотокомплектом и принадлежностями для изготовления заголовков бесшрифтовым способом.

Полиграфическое оборудование БПК-63 позволяет выпускать за 8–10 часов работы 30–40 тысяч экземпляров двухсторонних однокрасочных листовок формата стандартного листа или до двух тысяч экземпляров двухполосных газет формата 30×42 см.

Экипаж типографии – 4 человека.

Внутри типографского КУНГа сидели «партизаны»-журналисты из местных гражданских газет.

– Старший лейтенант Гончаренко. Ответственный секретарь газеты 201-й дивизии, – представился я и, кивнув в сторону корреспондента, добавил: – лейтенант Краузе – корреспондент-организатор нашей газеты. Мне приказано принять у вас типографию.

Наше появление в типографии было воспринято «партизанами»-журналистами с большим восторгом. Уже много дней эти уставшие, небритые, пропахшие дымом костра люди находились на полигоне и ждали того момента, когда их сменят профессиональные военные. Они уже соскучились по своим семьям и с нетерпением ожидали, когда же мы наконец примем у них оборудование и они разъедутся по домам.

Прием оборудования был символическим: станки не включались, и «партизаны» имели лишь смутное представление о том, как они работали. Непосредственно же производить на этом оборудовании газету и агитационные материалы они тоже практически не умели.

«Партизаны» сбивчиво пытались рассказать о том, как работает типография, как включается оборудование, где хранятся запасные части к станкам и расходные материалы. Многих запчастей не хватало. Всё оборудование длительное время стояло без работы и хранилось на складе. Автомобиль ЗИЛ, на базе которого была типография, не заводился, и было непонятно, как он вообще сюда был доставлен. Видимо, в район сосредоточения дивизии его притащили на буксире.

Плачевное состояние полевой типографии меня сильно озадачило. Предстояла напряженная работа по приведению всего оборудования в порядок. Практической пользы от «партизан» не было, поэтому задерживать их на воинской службе не было никакого смысла. Подписав документы о приеме типографии, я отпустил их домой, пожелав «партизанам» на прощанье успехов в мирной жизни.

«Глаза боятся, а руки делают!..»

На должность начальника типографии кадровики мне обещали прислать прапорщика, а вот подобрать трех солдат – водителя, печатника и наборщика – мне предстояло самому, да еще в кратчайшие сроки обучить их типографскому делу и наладить производство печатной продукции. Но, как говорится, «глаза боятся – руки делают».

В Термезе было холодно, но держалась плюсовая температура, и временами шел дождь. Вместо шапки я надел свой танковый черный берет, в котором еще лейтенантом мне довелось начать службу в танковых войсках, и отправился по расположившимся рядом мотострелковым частям дивизии искать себе помощников.

Сначала было необходимо сделать редакцию мобильной. В любой момент мог поступить приказ о пересечении границы, и типография должна была его выполнить. Всё остальное можно было наладить в пути. Поэтому основная моя задача была найти водителя.

Поскольку кадровик наделил меня неограниченными полномочиями в подборе кадров для типографии, я мог пойти в любую воинскую часть и выбрать солдата, отвечающего моим требованиям. Поэтому я беспрепятственно ходил по подразделениям, беседовал с солдатами, офицерами и отбирал солдат для типографии в соответствии с тем психологическим образом, который я себе составил.

В сложившейся ситуации водитель, кроме профессиональных навыков вождения, должен был обладать специфическими качествами: быстротой мышления, сообразительностью и предприимчивостью, так как необходимо было в кратчайший срок «поставить на колеса» нашу походную типографию.

Когда я проходил мимо группы вновь прибывших на пункт формирования дивизии военнослужащих, ко мне подбежал солдат и спросил:

– Товарищ старший лейтенант, вы не из спецназа?

– Почему вы так думаете?

– Ну, у нас все офицеры носят фуражки с красным околышем, а у вас черный берет, и вы в черной куртке, всех опрашиваете и подбираете себе

человека, активного и шустрого. Возьмите меня к себе!

Это был рядовой Юрий Машков. Несмотря на то, что он в ДОСААФ закончил автошколу, его направили служить в мотострелковое подразделение. Увидев меня, он подумал, что мне нужен водитель в какое-то особое подразделение. Солдат был немного разочарован, узнав, что черный берет на мне – танковый и водитель мне нужен не в разведку, а на машину походной типографии.

Поговорив с солдатом, я понял, что он как раз тот человек, который мне нужен, и соответствует всем моим требованиям. О своем выборе я тут же сообщил кадровику. Вскоре ко мне в палатку явился Машков и бодро доложил о своем прибытии.

– Ну что, товарищ Машков, времени мало. В любой момент может поступить приказ о выдвижении на территорию Афганистана. Я не знаю, в каком состоянии машина нашей походной типографии, но вам придется в течение двух, максимум трех суток восстановить автомобиль и сделать его способным совершить многокилометровый марш. Задача ясна?

– Так точно! – не моргнув глазом, ответил Машков.

– Ну, тогда пошли к машине.

Подойдя к типографии, я показал солдату место его службы на ближайшие два года. Автомобиль был новый, но очень долго стоял на хранении, поэтому необходимо было проверить его техническое состояние и подготовить к длительному маршу. Уж не знаю, где пропадал Машков двое суток (я его видел лишь изредка, когда он устанавливал на машину запчасти), но вскоре наш ЗИЛ был полностью укомплектован и прекрасно заводился.

В то время как Машков занимался ремонтом машины, я искал печатника. Он тоже должен был обладать особыми качествами. В нашей ситуации печатником должен быть умелый, сообразительный солдат, человек, что называется, с золотыми руками, своего рода народный Кулибин. Инструкции к импортным печатным станкам были написаны на плохом русском языке и были совершенно непонятны. Необходимо было очень хорошо «поковыряться» в этих станках, чтобы понять принцип их работы. Печатнику предстояло, что называется, до болтика, до гаечки разобраться в строении станков, чтобы понять, как они работают. Все это надо было сделать в предельно сжатые сроки.

Очень долго мне пришлось ходить по подразделениям и спрашивать, не знает ли кто солдата с качествами народного умельца. В одном из инженерных подразделений мне сказали:

– Есть у нас такой – рядовой Стасенко.

Я попросил позвать его. Ко мне подбежал светловолосый солдат небольшого роста, на лице его была счастливая улыбка. Глаза с хитрецой смотрели на меня открыто и смело.

– Товарищ старший лейтенант! Говорят, вы ищете солдата, который хорошо разбирается в технике, – не совсем по-уставному обратился ко мне солдат. – Я смогу всё что угодно разобрать и всё что угодно собрать…

– Всё что угодно разобрать, мне не нужно, – прервал я быстрый монолог солдата. – Ваша фамилия Стасенко? Мне нужен печатник. Вы когда-нибудь имели дело с печатной техникой?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант, но я разберусь, не сомневайтесь!

Движения солдата были резкие, порывистые, в глазах – энтузиазм. Мне всегда нравились энтузиасты и веселые люди. Что интересно, Стасенко (к сожалению, время стерло из памяти его имя) всегда улыбался. Плохо ему было или хорошо, когда он с кем-нибудь разговаривал, его рот «от уха до уха» всегда расцвечивала жизнерадостная улыбка. Он прямо излучал позитив, и этим он мне особенно приглянулся.

– Хорошо. Сообщите мне все ваши данные, я беру вас к себе печатником.

– Ура! – не выдержал Стасенко, подпрыгнул радостно вверх, но тут же взял себя в руки и уже по-уставному приложил руку к головному убору.

– Разрешите идти, товарищ старший лейтенант?

– Идите. Вам поступит распоряжение явиться на новое место службы. Со всем личным имуществом придете в расположение редакции. Задача ясна?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – радостно промолвил Стасенко и убежал в солдатскую палатку за своими вещами.

Найти наборщика оказалось еще труднее, чем печатника. К нему предъявлялись очень серьезные личностные требования. Это должен быть, прежде всего, очень усидчивый человек. Ему предстояло на пишущей машинке долго набирать большие объемы текстов. И еще от него требовались внимательность и хорошее знание русского языка. Этот солдат должен был все

время находиться в помещении редакции и исполнять своего рода роль дежурного. По натуре он должен быть неторопливым и несколько замкнутым, способным длительное время обходиться без общения с сослуживцами.

Солдата с такими качествами пришлось искать довольно долго. Наконец, разговаривая с одним из офицеров, я узнал, что в его роте есть очень медлительный солдат, который держится особняком от всего личного состава, ни с кем не общается, ведет замкнутый образ жизни и вообще не вписывается в коллектив мотострелков, которым командовал этот офицер. На мое предложение забрать этого солдата к себе командир роты с радостью согласился и отдал распоряжение позвать рядового Виктора Евдокимова.

Внешний вид солдата мне очень не понравился. Передо мной стоял долговязый худой боец в грязных сапогах. Форма на нем была измята и смотрелась мешковато. Однако в его глазах читался интеллект, и мне показалось, что парень был начитанный и интеллигентный. Поговорив с рядовым Евдокимовым, я окончательно понял, что он именно тот человек, который мне нужен, и к вечеру рядовой Евдокимов уже был в редакции.

Прежде всего, я приказал Евдокимову привести себя в порядок, постирать свое обмундирование и хорошо почистить сапоги. На следующий день передо мной стоял пока еще не идеальный, но уже довольно приличного вида солдат. Показав Евдокимову рабочее место, я кратко рассказал ему о его будущих функциональных обязанностях и послал помогать рядовому Стасенко, который буквально до винтика уже разобрал мудреный иностранный печатный станок.

Ежедневные мои походы в отдел кадров по поводу незанятой вакансии начальника типографии вскоре увенчались успехом. В редакцию наконец прибыл прапорщик Сапега.

– Ну что, здесь типография? – с ходу, не представившись, без церемоний спросил широколицый прапорщик, залезая по ступенькам в типографский КУНГ.

– Да. Это редакция газеты, – ответил я.

Передо мной стоял человек небольшого роста, крепкого телосложения, значительно старше меня по возрасту. Внимательными глазами он в упор изучал меня.

– Назначен к вам начальником типографии. Зовут меня Григорий, а фамилия моя Сапега, – представился прапорщик.

– Ну наконец-то! А я – ответственный секретарь газеты Станислав Гончаренко. Пока я в редакции за старшего. Ждем прибытия редактора. У нас большие проблемы с печатными станками. Поэтому, Григорий, сразу подключайтесь к работе, чтобы вместе со Стасенко скорее запустить полиграфическое оборудование.

– Есть, сделаем! – не моргнув глазом, весело ответил прапорщик.

Поставив свой небольшой чемодан рядом с моим столом, он, засучив рукава, тут же стал помогать Стасенко прикручивать крышку печатного станка.

Григорий Сапега по национальности белорус. Позже я узнал, что он пришел к нам с должности начальника склада химзащиты и никогда не имел дело с полиграфией и печатным оборудованием. Однако он оказался единственным из нас, кто имел хоть какое-то отношение к журналистике, так как являлся членом Союза журналистов СССР. На мой вопрос о том, как он стал членом Союза журналистов, заведуя складом химзащиты, Сапега рассказал, что писать заметки было его увлечением на протяжении нескольких последних лет. И так как на складе он не сильно был отягощен обязанностями, то время от времени писал заметки о солдатах и офицерах, которые проходили службу в его части. Эти заметки он регулярно отправлял в военные газеты, а после вырезал их из газет и аккуратно складывал в чемодан. Когда накопилась увесистая пачка заметок, Григорий просто пришел в местное отделение Союза журналистов СССР города Душанбе Таджикской Советской Социалистической Республики (сейчас Республика Таджикистан) и написал заявление с просьбой принять его в члены Союза журналистов СССР. Там, конечно, были очень удивлены такой просьбе обычного войскового прапорщика. Но Григорий без лишних слов достал чемоданчик и извлек из него увесистую пачку публикаций. Против такого солидного аргумента у руководителей местного отделения Союза журналистов возражений не последовало, и прапорщик Сапега был принят в члены организации.

В итоге на время формирования редакции единственным журналистом с документом, подтверждающим его профпригодность для работы в газете, оказался Григорий Сапега. Солдаты за глаза называли его «батя». Очень радушный, добрый и позитивный человек. В то же время прапорщик Сапега, как бывший начальник склада, был аккуратный и прижимистый. Все проблемы он решал последовательно и по-хозяйски. Сказывался долгий период его

службы на хозяйственных должностях.

Первым делом он проверил комплектность оборудования, быстро нашел то, чего недоставало, и принял меры для доукомплектования типографии.

– Ну что? Скоро заработает иностранный станок? – спросил я рядового Стасенко через двое суток.

– Да уж не знаю, товарищ старший лейтенант, что и делать, – чуть не со слезами в голосе сказал Стасенко. – Я уже два раза его разобрал-собрал, должен работать, но почему-то не работает, хоть что ты с ним делай!

Печально вздохнув, солдат облокотился о станок. Стеклянная крышка, которая была поднята на станке, от этого прикосновения покачнулась и закрылась. Тут же сработал датчик безопасности, и печатный станок заработал! В инструкции по эксплуатации станка, косноязычно переведенной на русский язык, об этой блокировке не было ни слова…

– О-о-о! – вырвался у всех возглас радости.

– А я-то думал, почему он никак не включается? Оказывается, крышка была поднята. Вот чехословаки, всё предусмотрели! Обеспечили безопасность работы на станке. Мы с ним столько провозились, а ларчик-то просто открывался! – с восторгом заговорил Сапега. – Всё! Скоро начнем печатать!

Печатный станок Romayor был изготовлен в Чехословацкой Социалистической Республике. До развала СССР, а вместе с ним и краха всей европейской коммунистической системы Чехия и Словакия были единым государством ЧССР, а его граждан называли чехословаками.

Радость начальника типографии, как выяснилось позже, была преждевременной. Пришлось много повозиться с походным электрографическим комплектом – ПЭК. Дело в том, что эксплуатировать его полагалось в специфических условиях и только при определенной влажности воздуха. Типография же была развернута в чистом поле, да еще в сырую погоду. Несмотря на то что КУНГ полевой типографии постоянно отапливался, создать необходимые условия для нормальной работы электрографического комплекта практически не было возможности. Поэтому изображение на фольге-матрице просто не отображалось. Приходилось вручную катать рамку электрографического комплекта со стеклянными маленькими шариками – носителями красящего порошка. Но «худо-бедно» освоили и этот «капризный» станок. И вот, наконец, «колдуя» в очередной раз над непослушным аппаратом

ПЭК, мы услышали сзади уверенный голос:

– Ну что, здесь редакция находится?

Я обернулся: передо мной стоял высокий, крепкий, голубоглазый, с аристократическими чертами лица старший лейтенант.

– Вы будете Гончаренко? – спросил он.

– Да, – ответил я, – а вы кто?

– Я назначен редактором газеты. Зовут меня Николай. Будем работать вместе. Вы готовы доложить о состоянии типографии?

– Да, типография в принципе уже к работе готова. Продукция, правда, идет пока не совсем качественная, но в целом мы в состоянии приступить к изготовлению газеты, листовок и другой мелкопечатной продукции.

– Это хорошо. Показывайте, что у вас здесь есть.

Я прошел с редактором по расположению редакции. Показал нашу палатку, описал наш быт, рассказал устройство типографии, дал краткие характеристики каждому солдату и остальным работникам типографии.

– Нет только корректора, а так редакция полностью укомплектована, – сказал я.

– С корректором вопрос решим в ближайшее время, а сейчас нам надо срочно выпустить первый номер газеты.

– С печатными станками проблема – очень они капризные, по инструкции требуется определенная влажность воздуха. А погода стоит дождливая и холодная. Вот и мучаемся мы с полиграфическим комплектом.

– Ничего не поделаешь. Надо форсировать события – со дня на день может поступить приказ о переходе через границу. Все силы бросаем на выпуск газеты. Вам хватит дня, чтобы набросать макет?

– Вполне, – ответил я и пошел в палатку редакции.

Редактор остался в КУНГе типографии и продолжал знакомиться с техникой и личным составом.

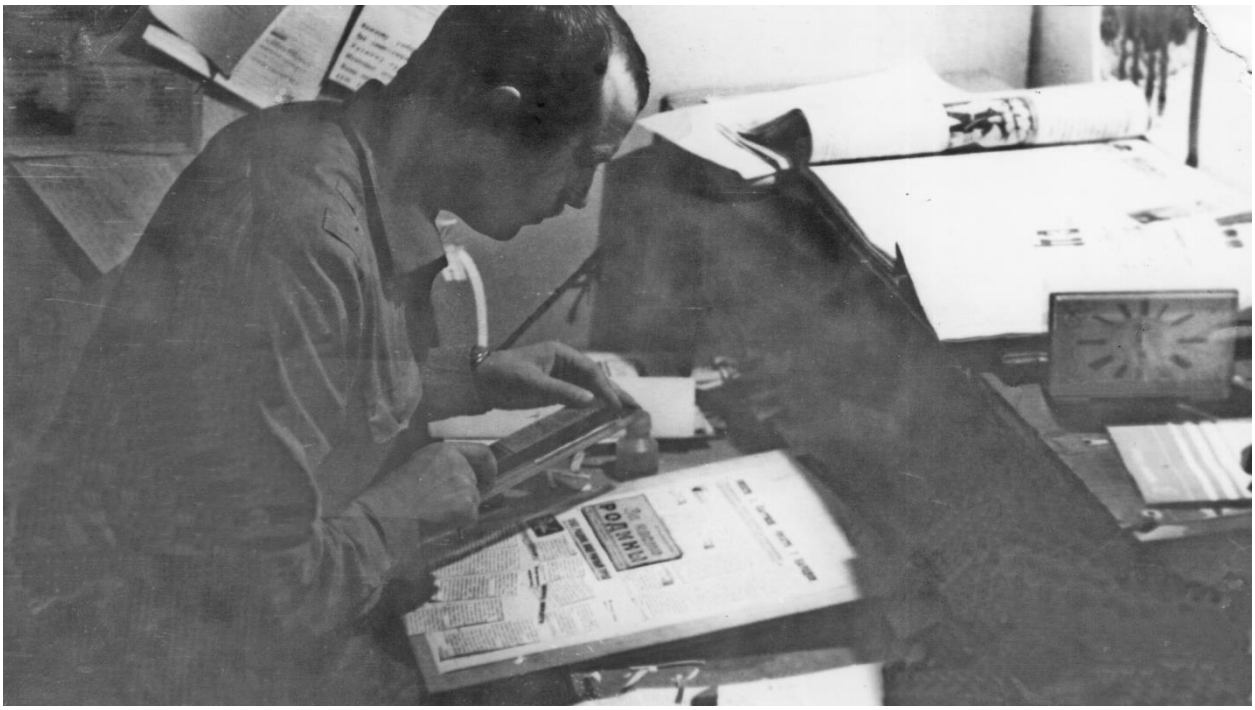
Надо сказать, что с редактором нам повезло: старший лейтенант Николай Бурбыга хоть и не был профессиональным журналистом, но имел достаточно большой войсковой опыт работы. В редакцию он пришел с должности пропагандиста 122-го мотострелкового полка 201-й мотострелковой дивизии. Он знал всё руководство дивизии, офицеров штаба и мог легко решить многие хозяйственные и организационные вопросы. Бурбыга был единственным из нас

офицером, закончившим Львовское военно-политическое училище, где готовили военных журналистов и офицеров-культпросветработников. Кроме этого, он оказался очень деятельным офицером и весьма «пробивным» человеком. Уже через несколько часов в редакцию были доставлены все необходимые расходные материалы для выпуска газеты и целая двадцатилитровая канистра, доверху наполненная спиртом. Оказалось, спирт необходим для обслуживания плоскопечатной полиграфической техники.

Оборудование и запчасти к типографии первоначально были сложены возле походной типографии прямо на грунт. В кузов машины все это не помещалось. Срочно необходимо было решить вопрос о дополнительном транспортном средстве. Нужен был прицеп для погрузки большого количества имущества.

За решение этой проблемы взялся прапорщик Сапега. Вместе с Краузе они отправились в Термез, где очень удачно совершили сделку с местным автопредприятием – за три литра спирта получили старый, но вполне пригодный для эксплуатации прицеп. Подцепив прицеп к БПК-63, мы загрузили в него все запчасти и расходные материалы. Там же разместились и солдаты: поставили кровати и перенесли свое немногочисленное личное имущество. Тем самым была обеспечена круглосуточная охрана запчастей и расходных материалов. Все остальные перебрались в палатку. Редакция была готова выпускать газету.

Вскоре к нам пришло из политуправления сообщение о названии газеты – «За честь Родины», и я занялся макетированием первой в своей жизни газеты.



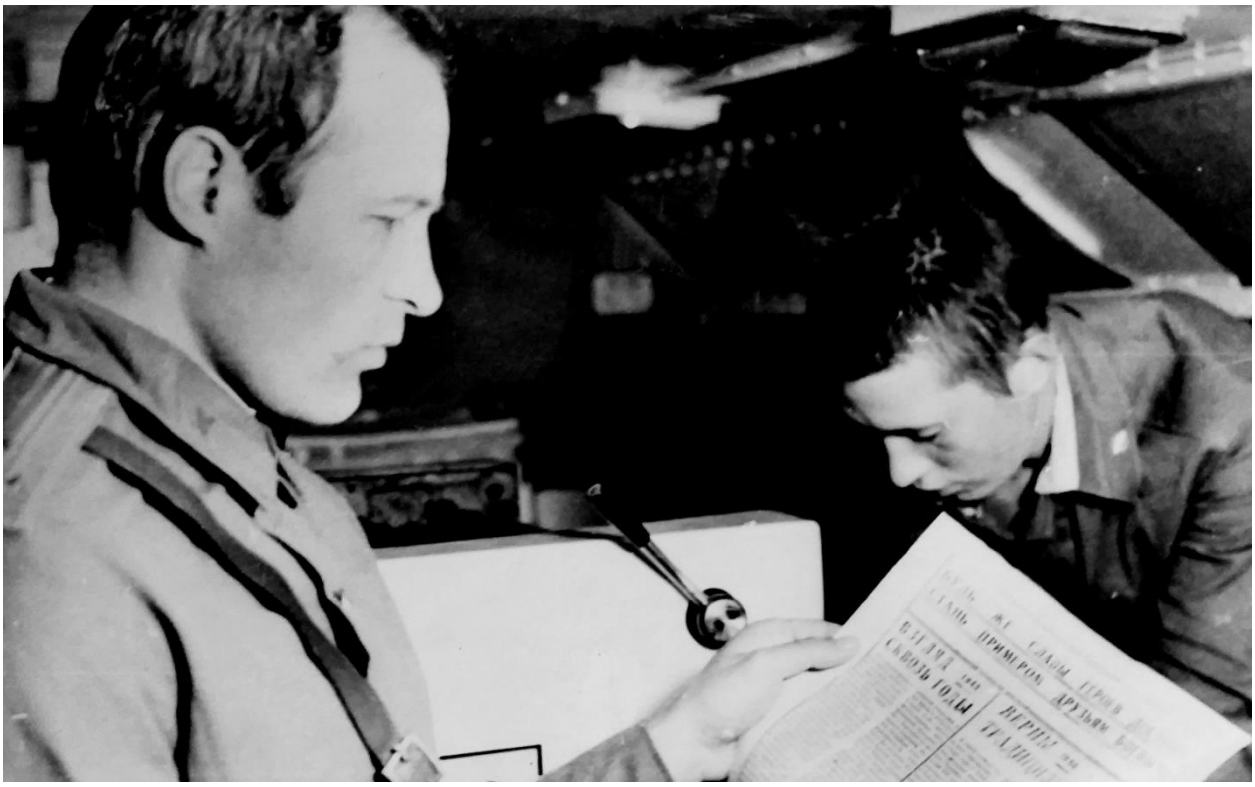
В холодной палатке при тусклом свете лампочки «рождается» первый номер газеты 201-й мсд «За честь Родины»

Сначала я подобрал шрифт названия. В верхнем правом углу макета газеты поместил надпись: «За нашу советскую Родину!». Этот лозунг помещался на военных печатных изданиях советских вооруженных сил. На всех гражданских газетах СССР был другой лозунг – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», который обязательно размещался вверху каждой официально издаваемой газеты. Нарисовав общий эскиз газеты и рассказав редактору о замысле первого номера, я продолжил работу над макетом.

Предметом особого обсуждения стал принцип размещения колонок текста на газетной полосе. Долго мы с Николаем Бурбыгой думали, как нам размещать заметки в газете: строго вертикально или строго горизонтально. Решили взять за образец газеты «Правда» и «Известия». Посмотрели, как там делается верстка, и стали так же верстать нашу газету. В ящике редакционного стола я нашел старый бланк «Боевого листка», вырезал из него рисунок солдата с автоматом и наклеил его слева от названия газеты

Наш небольшой редакционный коллектив в условиях бытовой неустроенности и промозглой среднеазиатской зимы трудился с полной отдачей. И, несмотря на многочисленные технические трудности с оборудованием, уже через несколько дней вышел в свет первый номер газеты 201-й мсд «За честь Родины». Мы очень гордились этим первым номером

дивизионной многотиражки. И пусть он получился бледным и неказисто сверстанным, но он был первым плодом нашей коллективной работы.



Редактор старший лейтенант Н. Бурбыга (слева)
вычитывает один из первых номеров многотиражной газеты

Старший лейтенант Николай Бурбыга служил в 201-й мотострелковой дивизии уже два года. Его часть дислоцировалась в городе Курган-Тюбе. Как позже оказалось, недалеко от него проживала и наш будущий корректор Ольга. Редактору ее порекомендовали как специалиста по языкам, с хорошим знанием русского языка, и он пригласил ее на должность корректора нашей газеты.

Корректор Ольга была молчаливой и немного застенчивой девушкой. Мне неизвестно, какая национальность была записана в паспорте Ольги, но внешне она выглядела как таджичка. Мать ее была украинка, отец – таджик, поэтому Ольга хорошо владела тремя языками: украинским, таджикским и русским. Это обстоятельство очень помогло нам в общении с афганцами, но позже послужило причиной ее перевода в распоряжение разведывательного отдела дивизии.

Итак, с приходом в наш коллектив корректора Ольги редакция была в полном составе и была готова к выполнению боевых задач.

«Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут!»
(Краткая справка для любителей истории)

Зоной ответственности 201-й мотострелковой дивизии предполагалась в основном северная часть Афганистана. Весь север Афганистана заселен представителями трех национальностей: таджиками, узбеками и туркменами.

К сожалению, мало кто знает об истории установления границы на южных рубежах Российской Империи, а именно между Россией и Афганистаном. В XIX веке Российская Империя разрослась до огромной территории от Балтийского моря до Тихого океана. К России был присоединен Крым и Кавказ. С юга навстречу геополитическим интересам России тоже шло движение, связанное с притязаниями английского королевства на господство не только в Индокитае, но и в Средней Азии. После длительной колониальной войны английские экспедиционные войска огнем и мечом сломили сопротивление народов, населяющих Индию, и пошли дальше на север. Войдя в пределы Афганистана, англичане, где силой оружия, а где деньгами, склонили на свою сторону местную афганскую знать и стали распространять свое военно-политическое влияние на территорию Средней Азии.

На южных рубежах России казачьи разъезды русского экспедиционного корпуса появились в 1882 году. Первый пограничный пост у границы с Афганистаном был поставлен на берегу мелководной речки Кушка в зажатой меж холмов низине. Русский отряд состоял из двух рот пехотинцев, двух казачьих сотен и одной батареи трехдюймовых орудий.

В конце концов, произошло столкновение интересов двух крупнейших мировых империй XIX века. Решающее сражение между русскими и англо-афганскими войсками произошло в 1885 году на территории нынешнего Туркменистана южнее города Мары в оазисе Панджшех. Войска под командованием генерала А. В. Комарова одержали тогда блестящую победу над объединенным англо-афганским отрядом, имевшим почти тройное численное превосходство над русскими.

Англичане были вынуждены сесть за стол переговоров. Две великие мировые империи заключили договор о разграничении спорной территории. После официального установления границы с Афганистаном в пойме реки Кушка были образованы два казачьих поселения – Полтавка и Моргуновка.

Позже, в 1890 году, между ними была построена легендарная крепость Кушка – самый южный форпост Российской Империи. Для того чтобы в случае возникновения угрозы войны на юге не перемещать сюда большие объемы оружия через всю Россию, было решено построить в Кушке многочисленные наземные и подземные склады для хранения вооружения и боеприпасов.

Таким образом, в XIX веке среднеазиатские народы были разделены на две части. Одна часть оказалась на территории царской России и позже преобразовалась в Таджикскую Советскую Социалистическую Республику, Узбекскую Советскую Социалистическую Республику и Туркменскую Советскую Социалистическую Республику. Другая часть оказалась на северной территории Афганистана.

Много раз пытались внешние или внутренние враги захватить самую южную крепость Российской Империи, а позже СССР, но этого за всю историю Кушки не удавалось сделать никому, поскольку в крепости был не только огромный запас боеприпасов и вооружения, но и проходил воинскую службу особый контингент из «ссыльных» военных. В Кушку редко приезжали служить по доброй воле. Чаще всего сюда направляли политически или дисциплинарно неблагонадежных офицеров и солдат. Тогда и появилась поговорка: «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут!».

В честь празднования 300-летия дома Романовых, по велению царя Николая II, на самых крайних точках Российской Империи было решено установить десятиметровые сооружения – часовни.

На южной окраине России часовня в виде каменного креста была возведена в 1913 году. На середине креста закреплен большой стальной меч – символ царской власти. Крест до сих пор стоит на вершине одного из холмов, возвышающихся над Кушкой.

Крест-часовня, установленный в г. Кушка (Серхетабáд)
в ознаменование 300-летия правления династии Романовых

17 марта 1991 года был проведен Всесоюзный референдум, на котором 76,4% советских граждан проголосовало за сохранение СССР, 21.7% - против и 1.9% бюллетеней признаны недействительными. Но, несмотря на результаты Всесоюзного референдума и вопреки ему, уже 8 декабря того же года состоялся так называемый «беловежский сговор», а по существу государственный переворот. Главами России, Украины и Белоруссии – бывшим членом Центрального Комитета КПСС Б.Н.Ельциным, бывшим членом Центрального Комитета КПСС Л.М.Кравчуком и бывшим членом КПСС С.С.Шушкевичем была проигнорирована воля народов СССР и подписано «Соглашение» о том, что «Союз ССР, как субъект международного права и геополитическая реальность, прекращает свое существование». Таким образом, группой высших партаппаратчиков КПСС, возглавляемых Б.Н.Ельциным, в 1991 году СССР был

насильственно расчленен на отдельные территории по национальному признаку. В некогда братских республиках начались гражданские войны и вооруженные конфликты, унесшие миллионы жизней бывших советских людей.

Туркменистан стал самостоятельным государством, а город Кушка в 1992 году был переименован в Серхетабáд.

Глава 2. Афганская война

Здравствуй, Афганистан!

«Высокие Договаривающиеся Стороны, действуя в духе традиций дружбы и добрососедства, а также Устава ООН, будут консультироваться и с согласия обеих сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран.

В интересах укрепления обороноспособности Высоких Договаривающихся Сторон они будут продолжать развивать сотрудничество в военной области на основе заключаемых между ними соответствующих соглашений».

(Статья 4 Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА от 5 декабря 1978 года)

14 февраля 1980 года 201-я мотострелковая дивизия начала пересечение государственной границы Демократической Республики Афганистан. Части и подразделения дивизии колонна за колонной выдвигались к понтонной переправе через реку Амударья.

И вот наступила последняя ночь нашего пребывания на территории Советского Союза. Солдаты спали в прицепе. Александру Краузе досталось место в кабине водителя. Остальные разместились в КУНГе типографии между станками и на столах. Завтра предстояло выдвижение к границе. Все заснули тревожным сном.

За час до пересечения советско-афганской границы.
Сотрудники редакции и типографии газеты «За честь Родины».
Слева направо стоят: Ольга, А. Краузе, Г. Сапега, Н. Бурбыга.
Сидят: Ю. Машков и В. Евдокимов

Рано утром 15 февраля 1980 года на машине БПК-63 с прицепом, доверху загруженным бумагой, краской и имуществом редакции, мы подъехали к пограничному КПП (контрольно-пропускной пункт), расположенному перед рекой. За ней начиналась таинственная для всех нас страна – Афганистан.

КПП пограничников представлял собой обычную строительную будку. Рядом находился наспех сколоченный шлагбаум. Пропускной режим через границу осуществлялся по общим спискам личного состава подразделений. Офицеры пропускались по военным билетам, гражданские служащие Советской армии – по паспортам. И тут мы столкнулись с серьезной проблемой: у нашего корректора Ольги не оказалось с собой паспорта. По этой причине, несмотря на то, что она была включена в список на пересечение границы, пограничники категорически отказались пропускать Ольгу без документов. Пока редактор решал неожиданно возникшую проблему, мы наблюдали, как через КПП проходили колонны техники и грузы 201-й мсд.

Дождь закончился. В тылу рычала техника, шли танки. Чтобы не мешать продвижению колонны, мы отъехали за небольшую сопку и там стали ждать

редактора. Все проверяли оружие, готовились к пересечению границы. Вскоре появился редактор и сказал, что с оформлением документов на корректора ничего не получается. Однако редакция газеты должна быть готова к успешному выполнению поставленных задач во что бы то ни стало. А для этого штат ее должен быть в полном составе! Вот тут-то и проявился твердый и решительный характер Николая Бурбыги.

– Границу будем пересекать вместе Ольгой в составе артиллерийского дивизиона, – сказал редактор и, увидев сомнение на наших лицах, добавил: – С командиром артиллеристов я хорошо знаком. Он смелый и надежный человек, в прошлом году мы с ним трудились на «целине» – собирали урожай пшеницы. Уверен – поможет.

Мы быстро переодели Ольгу в солдатский бушлат, на голову надели большую армейскую шапку-ушанку и посадили в кузов грузовой машины с артиллеристами у самой кабины водителя, где ее никто не видел. С артиллеристами мы снова подъехали к пограничному КПП, предъявили список, в котором Ольга уже не значилась. Так как подразделения проходили в составе машин и пограничники не проверяли солдат персонально, то Ольгу пограничники не заметили. Шлагбаум поднялся, и мы благополучно пересекли границу СССР. Конечно, это был рискованный шаг, но в данном случае – вынужденный. Позже по почте родственники все же прислали ей необходимые документы, и Ольге был оформлен заграничный паспорт.

Первые километры чужой страны. Мы напряжены и сосредоточены. Все взволнованны и внимательны. В кабине с водителем находился редактор. В кузове за старшего – я. Автоматы только у меня, водителя и редактора. У корреспондента и начальника типографии – пистолеты. Остальные солдаты редакции не имели никакого оружия. Догоняем колонну артиллеристов, с которыми нелегально пересекла границу наша корректор Ольга. Забираем девушку и пытаемся обогнать бесконечно длинную колонну.

Первые часы на афганской территории. Местное население встречает советских солдат с улыбками и неподдельным любопытством

По дороге нам встречаются афганцы. Они улыбаются, машут в приветствии руками и что-то кричат. В руках держат портреты Генерального секретаря ЦК НДПА Н. М. Тараки.

Вдруг колонна останавливается. Нас тут же обступают афганцы. Многие довольно сносно говорят по-русски. Сказывается многочисленный контингент военных и гражданских специалистов, уже много лет работающих в Афганистане.

Они предлагают нам купить или обменять что-нибудь на наркотики. Тогда, в 80-е годы, мало кто в СССР знал о наркотических веществах, а слова «наркотики», «наркоторговец», «наркобарон» у нас ассоциировались исключительно только со «звериным оскалом капиталистического образа жизни». Поэтому мы вежливо отказались от очень «выгодного», с точки зрения афганцев, предложения купить «по дешевке» у них анашу.

Одному толстому афганцу очень понравилась наша Ольга. Он предложил нам за нее калым и даже для демонстрации своих серьезных намерений вытащил из-за пазухи большую пачку местной валюты – афгани.

Купюра афганских денег «10 афгани» с изображением президента Афганистана (до 1978 г.) Мухаммеда Дауд Хана

Но мы отклонили и это предложение местного «предпринимателя», объяснив ему и рядом стоящим афганцам, что наши женщины не продаются, а выбирают себе мужей сами.

Когда в шутку «торговались» с афганцами за нашу Ольгу, мы не знали причины остановки колонны. Оказалось, в то время, когда мы беседовали с афганцами, в нескольких километрах от нас в придорожной низине за небольшой каменистой грядой душманы убили старшего машины и водителя. Они отошли от колонны всего на пару минут по «малой нужде». Когда обнаружилась пропажа офицера и солдата, то разведчики стали их искать и нашли неподалеку от дороги. Тела советских воинов были обезглавлены. Головы унесли душманы, чтобы получить за них гонорар. За убитого офицера главари моджахедов платили хорошие деньги. За солдата давали немного меньше. Вот такова была специфика местного кровавого «бизнеса»!

Не зная об убийстве советского офицера и солдата и видя, что афганцы по отношению к нам ведут себя дружелюбно и мирно, мы беззаботно фотографировались с ними на память. Эти первые встречи с местными жителями на афганской земле показали, что мы попали совсем в другой мир, с другой системой духовно-нравственных ценностей, о которой мы имели лишь общие понятия.

Неожиданная остановка в пути. Местные афганцы дружелюбны и охотно фотографируются с советскими военнослужащими

Колонна снова начала медленно двигаться по шоссе. На очередной остановке мы, посовещавшись с редактором, пришли к выводу, что с такой скоростью наша редакция вряд ли засветло доберется до Кундуза. Исходя из сложившейся ситуации, старший лейтенант Бурбыга принял решение двигаться дальше самостоятельно, оторвавшись от общей колонны.

Лавируя между машинами, уходим далеко вперед. Как показали дальнейшие события, мы очень рисковали, оказавшись одни, без охраны на никем не охраняемой дороге.

На очередном перекрестке у моста через узкую речку встречаем афганский контрольный пост. Офицер афганской народной армии жестом приказал нам остановиться.

– Вы с ума сошли! – сказал подошедший к нашей машине афганский офицер на русском языке с едва заметным акцентом. – С этого места начинается неконтролируемая нами территория моджахедов, а вы едете без охраны!

– А мы тоже не лыком шиты и вооружены, – не замедлил с ответом Николай Бурбыга и спросил: – Где вы так хорошо говорить по-русски научились?

– В вашей стране я окончил военное училище! – ответил с улыбкой афганский офицер.

В это время я внимательно следил из окна кузова за разговором редактора и, поняв, что опасности нет, облегченно вздохнул и поставил автомат на предохранитель. Краузе, Сапега и я выскочили из машины и подошли к редактору.

– Понятно. Давайте знакомиться, меня зовут Николай, а вас? – спросил афганского офицера редактор и протянул ему руку.

– Махмуд, – представился тот и ответил редактору крепким рукопожатием.

– А это мои коллеги – журналисты Станислав, Александр и Григорий, – представил нас Николай Бурбыга и пригласил командира афганского подразделения с нами пообедать.

Прием иностранного гостя решили провести в машине типографии: накрыли стол, поставили тарелки с нехитрой закуской. В кружки налили спирт, поставили на стол воду, чтобы запивать спирт. Подошел Махмуд. Мы сели за стол. Редактор поднял кружку и сказал тост:

– За дружбу между Советскими и Афганскими вооруженными силами! Будем вместе бороться за светлое будущее афганского народа!

Мы сомкнули кружки, выпили, крепко крякнули. Махмуд, не моргнув глазом, выпил из своей кружки и запил спирт водой. Хмель быстро ударил ему в голову. Немножко опьянев, он начал рассказывать о своей учебе в СССР. Махмуд очень тепло отзывался о русских людях, особенно о женщинах.

– Мне кажется, – говорил он, – русские женщины – самые прекрасные женщины на Земле. Афганские женщины тоже красивые и хорошие, но только русская женщина может пожертвовать жизнью ради любимого мужчины.

Все его горячо поддержали. Затем речь пошла о традициях афганского народа.

– Вы учтите, – говорил Махмуд, – афганский народ уважает только тех, у кого есть сила. Так уж исторически сложилось на этой земле: кто имеет силу, тот и обладает властью. Испокон веков мы жили по этим правилам. Поэтому не удивляйтесь, если народ будет вас бояться меньше, чем бандитов. Бандиты приходят в любое время, днем или ночью. Они не такие добрые, как русские, не разбирают, кто прав, кто виноват. Если посчитают, что ты нарушил законы

шариата и продался неверным, то убьют и тебя, и всю твою семью. В целом народ наш очень добрый и гостеприимный. Если судьба сведет нас еще раз, я с удовольствием приму вас у себя дома, и мы вместе сядем за стол.

К редакционной машине подбежал афганский солдат. Он звонко щелкнул каблуками, на внутренних сторонах которых были закреплены специальные металлические пластины. В афганской армии, обращаясь к офицеру, солдаты, оказывается, должны были непременно звонко щелкнуть этими металлическими набойками.

Солдаты афганской армии проводят досмотр проезжающих через контрольный пост местных жителей

Солдат что-то сказал своему командиру на афганском языке. Офицер резко ответил ему. Повернувшись к нам, афганский офицер коротко бросил: «У меня дела…», поспешно выскочил из машины типографии и ушел с солдатом на свой контрольный пост.

Мы убрали спирт, доели закуску и стали ждать, когда подойдет хорошо охраняемая колонна.

Сейчас, вспоминая этот эпизод встречи у моста с афганским офицером, я иногда думаю о том, как сложилась его судьба и судьба всех тех, кто плечом к плечу с советскими воинами сражался с бандами душманов за светлое будущее

своего народа. Когда советские войска были выведены из Афганистана, то все те, кто искренне желал свободы, счастья и мира своей стране, были отданы на растерзание афганской оппозиции. Члены Народно-демократической партии Афганистана, офицеры афганской народной армии, которые верой и правдой служили афганскому народу, после ухода советских войск с территории Афганистана были схвачены и закончили свой жизненный путь в мучениях под пытками религиозных фанатиков.

Судьба же тех, кому удалось эмигрировать в Советский Союз, тоже была незавидной. «Перестройка», экономический кризис, разгул преступности – всё это они пережили вместе с советскими людьми.

К афганскому посту подошла колонна, состоящая из бензозаправщиков и грузовых машин 122-го мотострелкового полка, охраняемых бронетранспортерами (БТР) взвода старшего лейтенанта Приходченко. Мы быстро заняли места в своей машине, пристроились в середину колонны и продолжили движение со спокойной душой под прикрытием БТРов.

Первый день на земле Афганистана подходил к концу. Быстро наступили сумерки. Наша колонна съехала на обочину дороги в районе городка Пули-Хумри и остановилась. Стали готовиться ко сну. Старший колонны, офицер из штаба дивизии, организовал боевое охранение. Как нам сказали офицеры из разведотдела, дальше двигаться ночью на этом участке шоссе было очень опасно: мы находились в зоне активных действий местных племен, не признающих кабульское правительство и лидеров НДПА.

На ночлег все с трудом разместились, кто в кузове машины, кто в прицепе. В середине ночи мы проснулись от сильного грохота. Выскочив на улицу, мы увидели только сильно дымящие выхлопные трубы задней части прошедших мимо нас двух танков афганской народной армии «Т-34». Борт прицепа был сломан, рядом стояли с испуганными лицами солдаты редакции, а на земле валялось имущество редакции и расходные материалы. Афганские танкисты, видимо, даже не заметили столкновения с прицепом. Несмотря на то что у одного из танков был поврежден навесной топливный бак, из которого обильно выливалось дизельное топливо, танкисты медленно продолжили свой путь. Предъявлять претензии к афганцам, сидящим за толстой стальной броней, было бесполезно и бессмысленно. Пришлось ночью нам все собирать и в темноте укладывать обратно в прицеп. К утру только управились и снова

заснули. Имущество не пострадало, пропала только канистра со спиртом. Тайна ее исчезновения так и осталась неразгаданной…

Осмотр повреждений на прицепе после ночного столкновения с танком

Утром снова двинулись в путь. Мы с интересом разглядывали из окон проплывающий мимо нас безлюдный, как казалось, горно-пустынный пейзаж. Нам по-прежнему встречались мирные афганские крестьяне, и ничто не говорило о том, что в Афганистане идет кровавая гражданская война. А мы оказались между противоборствующими силами этой пока совершенно непонятной для нас войны.

Первый бой

«Начальнику политического отдела
в/ч п.п. 84397

Донесение

Докладываю, что в районе Кишима была обстреляна колонна машин в/ч п.п. 39705, следующая по маршруту Кундуз – Кишим.

В результате обстрела был тяжело ранен рядовой Рудаков Евгений Борисович, 1959 года рождения, русский, член ВЛКСМ с 1975 г., в СА с ноября 1978 года, призван Керченским райвоенкоматом. Проживает по адресу: г. Керчь, ул. Бардина д. №..., кв. №... В результате тяжелого ранения в 18:00 рядовой Рудаков Е. Б. скончался.

Ранение в область сердца. Брат Рудакова Е. Б. рядовой Рудаков А. Б. отправлен в отпуск на родину одновременно для сопровождения тела со старшим лейтенантом Илюхиным.

И. о. зам. ком. части по политчасти
ст. л-т Лаврентьев»[1]

Длительное монотонное гудение мотора грузовика и добродушное отношение к нам афганцев постепенно приглушило чувство опасности. На ходу обедаем. Все расслабляются. Кажется, не будет конца этой виляющей между холмами дороги. Солдаты дремлют.

Вдруг все мгновенно меняется. От резкого торможения мы все валимся на пол. В кабине редактор сильно ударился головой о лобовое стекло. К счастью, он был в каске и не получил ранения. Рядовой Машков судорожно дергал за ствол автомат, пытаясь вытащить его из крепления за сиденьем водителя, и возбужденно кричал:

– Засада! Засада, товарищ старший лейтенант! Засада!..

Наконец Машков вытащил автомат и кубарем скатился в кювет, успев на ходу снять его с предохранителя и дослать патрон в патронник. Вместе с редактором они заняли огневую позицию в придорожном кювете у редакционной машины.

Вокруг нас была бешеная стрельба из автоматов и пулеметов.

– Лечь на пол и не высовываться! – приказал я всем, кто ехал со мной внутри КУНГа.

Противника не было видно, но со всех сторон в нашу сторону летели трассирующие пули. Не отрывая взгляда от окна, я передвинул планку предохранителя на автоматический огонь и приподнялся на правое колено. Резким движением руки дослал патрон в патронник своего автомата и осторожно выглянул в небольшое окно кузова. Отовсюду в сторону колонны

[1] Здесь и далее приводятся дословные боевые донесения и другие служебные документы в политотдел 201-й мсд с небольшими сокращениями. Пунктуация и орфография в текстах оригиналов сохранены.

летели трассирующие пули. Им навстречу летели «трассеры» от нас. В первые секунды боя все мы испытали тяжелый шок. В одно мгновение нам пришлось перейти из состояния психологической и физической расслабленности в готовность к встрече со смертельной опасностью.

Вспоминая порой этот первый в моей жизни огневой контакт с противником, я удивляюсь тому, что мы все остались живы. Автомат АК-74 калибра 5,45 мм без труда в упор пробивает броню БТР, прошивает навылет несколько стальных автомобилей или толстое дерево. В Термезе сам проверял. Прострелил стальной рельс насквозь. Аккуратная такая дырка, как в пластилине. Меня же прикрывал лишь тонкий фанерный лист обшивки КУНГа походной типографии.

Насмотревшись в детстве американских фильмов, где герои Голливуда лихо отстреливались, укрываясь за тонкими стенками декораций или дверями автомобилей, я открыл окно кузова и прицельно посылал короткие очереди по два выстрела в кусты, откуда в нашу сторону велся огонь. Тогда я наивно полагал, что если меня не видно, то я в безопасности. Нас спасло от верной гибели только то, что весь огонь душманы сосредоточили на десантниках. Для бандитов мы были, очевидно, лишь грузом, который охраняли спецназовцы.

Как-то неожиданно быстро кончились патроны в рожке автомата. Несколько пуль моджахедов все же прошили обшивку машины. Дырки от них навылет в верхней части кузова образовали над печатными станками перекрестие в виде лучей заходящего уже за горизонт солнца. Быстро сообразив, что такие же дырки сейчас могут быть и в моем теле, я выкатился кубарем из двери кузова в придорожный кювет. На ходу трясущимися руками выдергиваю из автомата пустой магазин и с трудом вставляю заряженный.

Страха нет, он придет позже, когда я по памяти буду восстанавливать эпизоды боя. Действую, повинуясь рефлексам. На раздумья нет времени. Продолжаю стрелять лежа из кювета. У солдат, что были со мной в кузове редакции, оружия не было. Им и корректору Ольге оставалось лишь вжаться всем телом в пол машины и уповать на благополучный для нас исход боя. Вслед за мной в кювет выпрыгнули из типографского КУНГа Саша Краузе и Григорий Сапега. Они стреляли по кустам из пистолетов. Рядом грохотал крупнокалиберный пулемет БТР.

Из придорожного дома на другой стороне дороги со второго этажа,

расположенного немного выше высокого глиняного забора, начал стрелять пулемет. Но особого вреда он нам причинить не успел. БТРы из крупнокалиберных пулеметов быстро в щепки разметали окно и подавили пулеметную огневую точку моджахедов.

С уничтожением пулеметчика прекратился огонь и из кустов. Либо моджахеды поняли, что БТРы с крупнокалиберными пулеметами им не по зубам, либо у них просто боеприпасы кончились. Словом, огонь неожиданно прекратился, а сами нападающие исчезли в подземных норах. Позже мы узнали, что эти норы назывались кяризами и располагались вокруг афганских домов. Это было интересное инженерное сооружение и предназначалось для сбора талой и дождевой воды. В своем фильме «9 рота» российский кинорежиссер Федор Бондарчук хорошо показал эпизод о том, как в таких норах мгновенно скрываются афганцы в случае опасности.

Кяризов было полно вокруг афганских усадеб, обнесенных высоким, около трех метров, глинобитным забором, который трудно разрушить даже осколочным артиллерийским снарядом.

Вместе с нами в колонне были десантники в голубых беретах. Они стремительно развернулись цепью и, повинуясь наступательному порыву, бросились через поле к двухэтажному дому, со второго этажа которого совсем недавно бил по нашей колонне пулемет.

Солдаты продолжали стрелять по дому и кустам. Чтобы бойцы из колонны не задели десантников, мы с редактором стали громко кричать:

– Прекратить огонь! Всем немедленно прекратить огонь!

Команду о прекращении огня солдаты передали по цепи вправо и влево от нас. Стрельба смолкла.

Подойдя к дому, десантники попытались открыть ворота во двор, но они были заперты. Тогда они подложили под калитку наступательную гранату и укрылись за углом глинобитной стены. Прогремел взрыв, который никакого вреда воротам не нанес. Других, более мощных гранат у солдат, видимо, не было. Заглянув в сарай возле дома, десантники обнаружили спрятавшегося там афганца. Им оказался слуга владельца дома, из которого по колонне вел огонь душманский пулеметчик. Слуга согласился показать десантникам потайную дверь в усадьбу с тыльной стороны дома. Через несколько минут за высоким забором усадьбы раздались истошные женские крики.

– Николай, – обратился я к старшему лейтенанту Бурбыге, – мы с тобой, пожалуй, единственные в колонне офицеры-политработники. Пойдем в дом, посмотрим, не натворили бы там чего бойцы…

– Да, согласен. Надо идти, – сказал редактор.

Мы бегом пересекли поле и вошли во двор. Перед нами открылась такая картина: посреди двора сидела группа афганских женщин в парандже, рядом сидел старик, которого здоровенный сержант-десантник держал за шиворот и на украинском языке спрашивал, куда сбежали бандиты, открывшие по нам огонь. Тот что-то в ответ бормотал на языке дари.

Редактор тут же приказал сержанту прекратить допрос:

– Вы же видите – он ничего не понимает и не может вам ничего ответить. Бесполезно его спрашивать. Отпустите деда.

Десантник, разгоряченный боем, с неохотой отпустил пожилого афганца и пошел осматривать второй этаж, откуда недавно вел стрельбу пулеметчик. Чтобы подстраховать десантника, я на всякий случай последовал за ним. Поднявшись по лестнице, мы вошли в комнату. Рама валялась возле дверей, на ковре лежала молодая красивая афганская женщина. Она была мертва. Вокруг валялись гильзы от патронов, но пулемета и пулеметчика не было. Женщина лежала так, будто ее застрелили в упор из пистолета. На виске была маленькая дырочка от пули небольшого калибра. Наверное, женщина подавала ленту с патронами пулеметчику или просто помогала ему. Когда по ним ударил крупнокалиберный пулемет БТР и надо было уходить, пулеметчик, очевидно, убил женщину, чтобы она не досталась противнику.

Осмотрев второй этаж дома, мы с сержантом снова вышли во двор. Женщин и старика там уже не было, ворота были открыты настежь. Вместе с солдатами мы еще раз обошли дом, заглянули в сараи и кяризы, в которых скрылись бандиты. Залезать в кяризы, в эти дышащие смертью норы подземных ходов, искать нападавших и тем более их преследовать у нас уже не было ни времени, ни желания.

Солнце уже давно скрылось за далекой грядой гор. Было очевидно, что мы не успевали засветло добраться до следующего укрепленного пункта, и надо было спешить. К счастью, никто из личного состава редакции во время стычки с душманами не пострадал. Легкие ранения получили только один десантник и водитель грузовика с боеприпасами.

Забросав гранатами подземные норы, в которых скрылись душманы, мы снова двинулись в путь.

Стало совсем темно. Колонна увеличила скорость. Мы мчались по шоссе и уже не отвечали на огонь моджахедов. Душманы стреляли по колонне в основном с дальних дистанций, однако им все же удалось повредить три бензовоза. Водителей подбитых машин тут же на ходу подобрали солдаты из следующих за ними БТРов.

Несмотря на довольно интенсивный огонь по колонне, до Кундуза доехали без людских потерь. На окраине города у обочины дороги в свете фар появляется отряд вооруженных афганцев. То ли местные активисты НДПА, то ли душманы – кто их разберет! Едем медленно. У афганцев настороженные, недобрые глаза. У нас снятые с предохранителей автоматы. Они не стреляют в нас, мы не стреляем в них. По-тихому разъезжаемся…

Немного проехали по шоссе, потом свернули на проселочную дорогу. Тяжело, натужно наш ЗИЛ стал пробираться по бездорожью в каком-то неизвестном нам направлении. Из окна машины совершенно ничего не видно, ни огонька, ни звезд, ни луны – кромешная тьма. Мы ехали куда-то в темноту. Въезжаем на аэродром. На развилке дорог стоит пост комендантской роты 201-й мсд. Бензозаправщики свернули налево, а мы остановились. К нашей машине подошел старший лейтенант Трегук. Редактор и офицер комендантской роты хорошо знали друг друга, и поэтому, поприветствовав нас, старший лейтенант без лишних слов рассказал, что тут уже ночуют штаб дивизии и политотдел. Чуть дальше расположился разведбат и 149-й мсп. Объяснив примерно, где определено место для нас, он махнул рукой куда-то в темноту в направлении предполагаемого расположения редакции. Мы продолжили путь по раскисшей от дождя пашне.

Чувствуем, что колеса машины сильно буксуют по вязкой почве. Проехав так минут пятнадцать, машина наконец остановилась. Стали видны фонарики регулировщиков, указывающих место нашей стоянки.

– К машине! – слышим мы команду редактора из кабины.

Открываю дверь и первым спрыгиваю на землю. Мои ноги тут же увязли по самый верх сапог в липкой грязи. Как выяснилось позже, место дислокации дивизии было выбрано вблизи Кундузского аэродрома, где находились сельскохозяйственные поля. Как раз перед нашим прибытием поля были

вскопаны и даже засеяны пшеницей. Позже, уже весной, пшеница взошла, но убирать ее было некому. Мы оказались в самом центре этого поля.

Стали устраиваться на ночлег.

– Мальчики налево, девочки направо, – шутя, скомандовал лейтенант Краузе.

Необходимости прятаться не было, так как в двух шагах ничего и никого не было видно. Вытащив из кобуры пистолеты и сняв их с предохранителя, мы отошли недалеко от машины и безуспешно попытались что-нибудь разглядеть в темноте. Вернувшись обратно, мы услышали, как редактор распределяет места для ночлега:

– Утром будет видно, что делать, а сейчас располагайтесь следующим образом: Краузе в кабине, бойцы устраиваются в прицепе, остальные – в КУНГе типографии. Оружие далеко не убирать, быть готовыми занять круговую оборону. Вопросы есть? Вопросов нет. Всё, устраиваемся на ночлег. Завтра будет день и будет информация. Всем отдыхать.

Мы разошлись по указанным местам на ночлег. Сон был тревожный, постоянно слышались автоматные очереди то справа, то слева. Успокаивало то, что эти очереди были далеко от нас, но все равно в момент перестрелки мы просыпались и прислушивались: приближается к нам стрельба или нет. Так тревожно прошла наша первая ночь на кундузском аэродроме.

Кундузский аэродром

Наступило хмурое утро. Было холодно. Болел правый бок от кобуры с пистолетом, на которой я пролежал всю ночь. Автомат тоже был со мной, я не выпускал его ночью ни на секунду, так и заснул с ним в обнимку.

Первым на улицу выскочил Гриша Сапега. Было слышно, как он сильно чертыхнулся за дверью, попав в липкую грязь. Я тоже вышел. Первое, что я хотел сделать, – умыться. Это оказалось весьма проблематично. Кружку с водой мне удалось раздобыть только у офицеров политотдела, которые расположились недалеко от нас. Этой кружки воды мне хватило, чтобы почистить зубы и умыться.

– Ну что же, надо налаживать быт, – сказал редактор. – Я пойду в штаб, узнаю место для нашей палатки, и будем обустраиваться. Вы пока приведите в порядок оборудование. Вполне возможно, что поступит приказ выпускать листовки, и надо быть готовыми к его выполнению.

Первым строением, которое появилось в поле, стала щитовая кабинка из четырех кусков фанеры, поставленная посередине места дислокации штаба 201-й мсд по личному распоряжению командира дивизии. Это был туалет. В радиусе километра не было ни кустика, ни даже холмика, за которыми можно было бы укрыться человеку, поэтому туалет предназначался в первую очередь для тех немногочисленных женщин, которые работали в штабе дивизии.

Кому-то из начальников пришла в голову мысль прорыть канавы в качестве границ между подразделениями, пока не построены заборы и другие оградительные сооружения. На первый взгляд, это было рациональным решением и, с одной стороны, упрощало разбивку границ территории, занимаемой частями и подразделениями, с другой – вырытые вместо заборов траншеи стали опасным препятствием для невнимательных военнослужащих. Нередко можно было наблюдать, как солдат или офицер, хорошо видимый на фоне горизонта, вдруг исчезал из виду. А поскольку разграничительные канавы были заполнены дождевыми и грунтовыми водами, то попавший в них человек промокал до нитки. После чего со стороны пострадавшего сразу же раздавались громкие ругательства и проклятья в адрес того, кто придумал прокладывать эти траншеи.

Мы стали устанавливать палатки и обустраиваться. Завели электродвижок. Где электричество, там и свет. Где свет, там и цивилизация, веселье и шутки. Не успели мы устроиться, как пришел заказ из отряда

спецпропаганды – срочно напечатать агитационные листовки на языке дари, призывающие членов бандформирований сдавать оружие и переходить на сторону народной власти.

Мы сразу принялись за работу. Лейтенанта Краузе редактор отправил по подразделениям собирать информацию о том, как дивизия располагается, чтобы сделать общим достоянием полезный опыт тех, кто быстрее обустроился, кто применил какие-то новаторские решения. Мне же предстояло заняться макетом очередной газеты. Перед этим мы уже выпустили несколько ее номеров еще на территории Советского Союза. Сейчас ситуация изменилась. Необходимо было информировать солдат и офицеров, как разворачивается дивизия на новом месте, распространять опыт передовых солдат и офицеров.

Связисты прокладывали кабели. Солдаты комендантской роты устанавливали палатки для штаба, столовой и личного состава.

Тогда, обустраивая свой полевой быт, мы не могли и предположить, что афганская война затянется почти на десять лет и принесет большие страдания афганскому и советскому народам.

«С экспортом социализма в Афганистан мы поспешили…»

«Начальнику политического отдела
в/ч п.п. 84397

Донесение

Взвод разведки ядерных мин под командованием лейтенанта Емяшева О. В. находился в группе по розыску солдата соседней части. При следовании по маршруту группа попала в засаду и была окружена мятежниками. Старший группы, командир танковой роты, отправил лейтенанта Емяшева О. В., мл. сержанта Параскелова и рядового Лех А. В. в лагерь, чтобы сообщить о том, что группа обнаружила мятежников. Продвигаясь по маршруту под огнем противника, группа двигалась по ущелью и была прижата к горам. В это время был убит сержант Параскелов А. Н. Командир танковой роты назначил вместо убитого мл. сержанта Параскелова А. Н. рядового Волкова. Используя складки местности, Волков подполз к Емяшеву О. В. и рядовому Лех А. В. Они сумели на некоторое время уйти от преследовавших их мятежников. В это время лейтенант Емяшев О. В. принимает решение отправить

рядового Волкова через ущелье, а сам, отвлекая внимание мятежников, стал продвигаться вдоль ущелья. Волков, раненый в область живота, проявляя смелость, мужество и смекалку, перешел ущелье, оторвался от преследователей, перешел через гору, где встретил занимавшихся розыском солдат-мотострелков; сообщил командованию отряда о месте нахождения попавшей в засаду группы. Благодаря этому группе была оказана помощь.

В это время лейтенант Емяшев О. В. с рядовым Лех А. В. продвигались по ущелью, преследуемые мятежниками, которые вскоре полностью окружили их. Отбиваясь до последнего патрона, лейтенант Емяшев О. В. и рядовой Лех А. В. уничтожили много мятежников.

На месте боя было обнаружено рядом с трупом лейтенанта Емяшева О. В. два трупа мятежников, которых Емяшев О. В. убил лично. Мятежники надругались над трупами лейтенанта Емяшева О. В. и рядового Лех А. В: у них размозжены лица, на теле много следов насилия, колотых ран и отверстий, которые были сделаны шомполами и ножами.

1. Лейтенант Емяшев Олег Васильевич, 1956 года рождения, русский, член ВЛКСМ, окончил училище в 1979 году, командир взвода.

2. Младший сержант Параскелов Александр Николаевич 1960 года рождения, год призыва – ноябрь 1978 года, член ВЛКСМ, холост, грек.

3. Рядовой Лех Анатолий Владимирович, 1959 года рождения, год призыва – ноябрь 1978 года, член ВЛКСМ, холост, украинец.

Они погибли, выполняя боевое задание, верные военной присяге, проявив геройство и мужество.

Заместитель командира в/ч п.п. 39705
по политической части майор Алексеев»

Сначала мы расположились на той позиции, которую нам указали офицеры штаба дивизии. Но редактор сумел убедить начальника политотдела в том, что редакция должна стоять поближе к воде и электричеству. И, получив разрешение на передислокацию, мы переехали в другое место, к трем одиноко стоящим раскидистым низкорослым соснам. Там было всё необходимое для производства печатной продукции: электричество и водозаборная скважина.

Расположение редакции и типографии газеты «За честь Родины» 201-й мсд на кундузском аэродроме

Так мы оказались хозяевами оазиса, единственного на всем кундузском аэродроме, что впоследствии являлось предметом постоянной зависти офицеров политотдела и штаба дивизии.

На новом месте начали обустраиваться основательно. Установили палатку, в ней оборудовали рабочие места для офицеров и кровати для их отдыха. Для солдат кровати разместили в прицепе.

Вернувшись с совещания в политотделе, Николай Бурбыга позвал меня и прапорщика Сапегу к себе и поставил перед нами задачу: выяснить у тыловиков, где можно помыться личному составу редакции и постирать обмундирование. Взяв свои автоматы, мы пошли с Григорием искать банно-прачечный пункт. Найти его было довольно трудно, поскольку дивизия заняла большую площадь на равнине у кундузского аэродрома. По всему периметру района дислокации частей 201-й мсд были выставлены посты боевого охранения. Они находились в прямой видимости друг от друга, но все равно между ними были небольшие бреши. Пройдя до конца укрепрайона в поисках банно-прачечного пункта, мы поняли, что при желании ночью все-таки есть возможность незаметного проникновения в наш лагерь.

1418-й банно-прачечный пункт располагался на самом краю

расположения дивизии. Работникам довольно опасно было находиться здесь, тем более что в штате были в основном молодые женщины – служащие Советской армии от 25 до 35 лет. Никакой охраны, за исключением ближнего поста охранения.

Нас встретили очень радушно, тут же поставили плитку. Движок уже работал – в каждом подразделении были электрогенераторы. Монтировалось освещение, устанавливали оборудование. Банно-прачечный пункт еще не работал, поэтому мы поняли, что в ближайшее время помывка и стирка белья будет проводиться нами самостоятельно в полевых условиях.

– Ребята! Оставайтесь с нами, – просили работницы комбината, – а то нам здесь, на окраине, как-то страшновато. Нас никто не охраняет, а вы вон какие боевые ребята и вооружены!

Нам было искренне жаль женщин, и мы попытались их успокоить, сказав, что боевое охранение надежное, банно-прачечный пункт находится в прямой видимости бойцов. Солдаты несут службу бдительно, и не стоит опасаться внезапного нападения душманов. В случае чего можно прибежать в центр городка за помощью. Судя по выражению лиц женщин, наши увещевания их мало успокоили. Однако они нас радушно проводили и пригласили приходить к ним еще. Мы поблагодарили их за приглашение и пошли обратно в редакцию.

По дороге мы зашли в комендантскую роту. Там бойцы уже заканчивали строительство полевой бани, которая представляла собой очень интересное сооружение. Сначала была выкопана яма в низине между холмами. В этой яме сложили из кирпичей печь, которую скрепили местной глиной. Кирпич привезли из Союза дальновидные прапорщики. На печь установили бочку с врезанным краном. Рядом поставили бочку для холодной воды. Сверху банное сооружение было закрыто брезентом, труба от печи выводилась наружу под пологом брезента. Таким образом, баня была сделана просто, и мыться в ней было достаточно удобно.

Рядовой Стасенко проявил незаурядные способности к изготовлению редакционной мебели из подручного материала. Довольно ловко из пустых ящиков из-под снарядов он сколотил столы, тумбочки и табуретки, показав, что является не только талантливым техником, но и мастером-столяром.

Питались мы пока сухими пайками, так как походная столовая была еще не готова к работе. К вечеру появился лейтенант Краузе, который собрал

обширную информацию о разворачивании дивизии, об устройстве быта в подразделениях.

افغانان محترم!

دشمنان انقلاب نور وخلق آزادی دوست افغانستان توسط اعمال وحشیانهٔ خود میخواهند شماوا بترسانند اوراق پر از دروغ وتهمت را پخش نموده ومیکوشند شما رابه نوعی بالا نمایند تا در باندهای غارتگرانهٔ شان شامل شوید.

هدف اصلی آنها عبارت ازبرهم زدن زندگی صلح آمیز شهرها و دهات ـ برادر کشی و تسلیم نمودن افغانستان به امپریالیزم امریکا و همدستان آن چین و پاکستان میباشد. اشرار خود را برادران شما (مدافعین اسلام) و مسلمانان حقیقی قلمداد میکنند.

این یك دروغ بی‌شرمانه است: میدانید که این به اصطلاح (مدافعین اسلام) اوامر برادران امریکائی وچینائی خود را اجرا نموده به اعمال وحشیانه دردهات وقریه جات میپردازند. مسلمانهای حقیقی انسانهای بیگناه را به قتل رسانده زنان واطفال معصوم را شکنجه نموده ـ ملاهای وطنپرست را شهید نساخته ـ مکاتب و دهات را به آتش نمی‌کشند.

لیکن اشرار به این جنایات دست میزنند. اینك یك واقعیت که بتاریخ ۱۳ حوت ۱۳۵۸ درقریهٔ مولاعلی ولایت کنر اشرار اهالی را به خاطر بردن شان به کوهها از خانه هایشان بیرون راندند. زمانیکه یك فامیل ازترك نمودن خانهٔ خود ابا ورزید پدر ومادر را به قتل رسانیده ودختر بنجسالهٔ شانرا باطناب خفه کردند.

در اوایل ماه حوت یك واقعهٔ غم انگیز درولسوالی شیگل ولایت کنر قبل از ورود قطعات قوای مسلح به آنجا اتفاق افتاد. اشرار ناآگاه و بی خرد که بروپاگندهای ارتجاعی مانند اینکه سربازان زنان واطفال معصوم را با خود میبرند بالای آنها تاثیر نموده بود زنان واطفال خود را خود شان تیر باران کردند. حتی گربه وزاری اقوام ایشان نیز نتوانست جلو این وحشی گری آنها را بگیرد. بعد ازتیر باران کردن زنان واطفال خویش اشرار به کوه ها متواری‌شدند. سربازان قوای مسلح بعضی از اطفال وزنانیکه هنوز زنده مانده بودند تداوی نموده وبه آنها آب آشامیدنی و نان دادند.

در ماه دلو ۱۳۵۸ در قریه ده بالا ولایت ننگرهار باند اشرار اموال ومواشی را غارت نموده و بعداً خانه هارا آتش زدند. باند اشرار که خود را مدافع اسلام قلمداد مینمایند درعمل محلات مقدس راکه درانثنای هجوم شان دربرابر شان قرار میگیرد تحقیر مینمایند ازمساجد بحیث قرارگاه خود استفاده نموده اسلحه را ذخیره نموده وانسانها را درآنجا به قتل میرسانند.

در اوایل ماه حوت ۱۳۵۸ در یکی از قریه جات ولایت ننگرهار یکه جوان ۱۸ ساله مردم را به قطع خونریزی به خانه های شان بخاطر زندگی صلح آمیز دعوت نمود. اشرار باآمدن خود در ده شکم این جوان بیگناه را در داخل مسجد پاره کردند. درحالیکه دین مقدس اسلام خونریزی را منع قرار داده.

شکست دشمنان حتمی است. به دسایس و دروغگوئی های ضد انقلابیون باور نکنید پیروزی انقلاب حق است.

Агитационная листовка, подготовленная офицерами спецпропаганды для распространения среди населения районов, контролируемых антиправительственными законными вооруженными формированиями

В редакцию пришел офицер из отряда спецпропаганды Алишер Салахетдинов. Он передал приказ начальника политотдела дивизии полковника В. А. Лаврищева о выпуске агитационных листовок с призывом к душманам сложить оружие. Листовки предназначались для заброски в районы скопления вооруженных отрядов антиправительственной оппозиции.

Незаметно наступил вечер. Мы завели бензиновый электрогенератор, провели электричество в прицеп и в палатку, зажгли фонари. Цивилизация!

Городок мерцал огоньками света. По всему полю тарахтели бензоэлектрогенераторы. Кто-то через громкоговоритель включил радио. По разным каналам звучала непонятная для нас речь на арабском языке, изредка

пробивались слова китайских дикторов. Наконец «поймали» русский канал. Звуки Родины, пройдя тысячи километров, отражаясь от горных массивов, звучали как-то отдаленно, а слова дикторов повторялись, как эхо.

Пора спать. Мы укладываемся ночевать в одежде. На кровати мой уже далеко не свежий матрас. Чтобы пистолет не давил в бок, я передвигаю на живот кобуру. Обняв автомат, пытаюсь заснуть. Слышен стрекот автоматных очередей, к которым мы уже привыкли и не обращали на них внимания. Наконец усталость от тяжелого дня побеждает, и мы засыпаем тревожным сном.

С рассветом, проснувшись, я натянул непросохшие за ночь сапоги и отправился за водой для утреннего туалета. Умываясь, слышу смех, звуки радио – городок просыпается. Где-то рычит БМП. Двигаясь между частями, траншеекопатели продолжают рыть пограничные траншеи. Дивизия обустраивается.

Первое время нас не оставляло постоянное ощущение сырости и неустроенности. Корректора Ольгу разместили в женской палатке, которая находилась на территории штаба дивизии.

С пробным оттиском очередной газеты я иду к нашему дивизионному цензору. В Советской армии (как и на всей территории Советского Союза) существовала жесткая, многоуровневая система цензуры. Ни один документ, листовка или газета не могли быть размножены без проверки ее содержания специальными офицерами от соединения и выше. Цензору представлялось для проверки два экземпляра оттиска газеты. Один оставался на хранение у цензора, а на второй ставился штамп, разрешающий выпуск очередного номера газеты. В штампе цензор записывал цензорский знак, состоящий из буквы и регистрационного номера, там же цензор ставил свою подпись.

В СССР все средства копирования (в том числе и пишущие машинки) были номерными и находились на строгом учете. А по образцам оттисков шрифтов при необходимости можно было найти любой из копировальных аппаратов. И никакая печатная продукция не могла быть размножена, и тем более стать достоянием общественности, без указания на ней специального цензорского знака. У военных цензоров имелся довольно большой перечень того, что нельзя было публиковать. Например, нельзя было указывать номера воинских частей, были ограничения по количеству упоминаний имен

командиров рот, батальонов и полков. Запрещалось раскрывать места дислокации войск и многое другое. Больше всего нас угнетало то, что нельзя было писать о боевой деятельности войск.

С первых дней пребывания на территории Афганистана 201-я дивизия каждый день несла потери в личном составе и технике. Почти ежедневно афганские боевики нападали на боевое охранение частей и подразделений дивизии. Однако адекватных ответных действий против боевиков не предпринималось. Войска в основном занимались разведкой и обустройством быта. Такая кажущаяся бездеятельность командования дивизии нам, младшим офицерам, честно говоря, была непонятна. Среди личного состава упорно ходили слухи о якобы готовящемся нападении боевиков на наш гарнизон. Но каких-либо занятий по отражению предполагаемого штурма в частях не наблюдалось. Только время от времени, в основном вечером, в горы уезжали разведывательные группы. И как только они выходили за линию боевого охранения, сразу на склонах близлежащих гор начинали «перемигиваться» фонари душманских наблюдателей. От сознания того, что за нами круглосуточно наблюдает противник, на душе было неспокойно.

Но, несмотря ни на что, работа над газетой шла строго по графику. Каждый номер выходил точно в срок. В очередной раз я привычной тропинкой отправился к палатке дивизионного цензора с двумя экземплярами свежей газеты. Через некоторое время, получив от цензора газету с разрешительным штампом, я отправился обратно в расположение редакции. Вдруг вижу: навстречу бежит варан, за ним с хохотом бегут солдаты. Известно, что в Афганистане вараны не водятся, и было непонятно, как он здесь появился.

«Неужели с собой в Афган привезли?» – удивился я, продолжая наблюдать за чудачеством бойцов.

На рептилии была одета тельняшка. Кто-то вставил в пасть ящерице окурок сигареты. Бедный варан, пытаясь избавиться от окурка, невольно перебрасывал его то в левую часть пасти, то в правую, как будто бывалый курильщик, смакующий курение. Внешне это выглядело очень смешно. Солдаты наконец поймали беглеца, вытащили из его пасти окурок и повели на ошейнике в свое подразделение. Варан отчаянно упирался всеми лапами, но справиться с бойцами ему было не по силам. Мне было понятно стремление бойцов как-то психологически разгрузиться. Они постоянно участвовали в

опасных ночных рейдах и круглосуточных дежурствах на постах, поэтому нуждались хоть в какой-то разрядке.

Вернувшись от цензора в редакционную палатку, я столкнулся в дверях с посыльным из штаба дивизии.

– Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант, – обратился он к Николаю Бурбыге, – полковник Лаврищев приказал срочно прислать к нему вашего корректора в качестве переводчика. В политотдел доставили двух пленных, их необходимо допросить.

– Хорошо, сейчас придет, – ответил редактор и, обращаясь ко мне, отдал распоряжение: – Станислав! Проводи Ольгу в политотдел и заодно сориентируйся по ситуации – может, материал сделаешь в газету.

Ольга на ходу уже надевала пальто. Мы направились в политотдел дивизии.

Когда мы пришли на место, одного из пленных уже допрашивали в палатке начальника политотдела, второй дожидался своей очереди рядом с палаткой.

Очень трудно на войне в одночасье перестроить психику человека с мирного состояния на боевое. Когда я впервые увидел близко уже плененного врага, его черные, кажущиеся без зрачков и абсолютно ничего не выражающие глаза, то воспринял его как себе подобного, из мирного людского сообщества человека. Но это был обман мирного сознания, искажение реальной действительности. На самом деле на тропе войны ты однажды встречаешь не человека, а зверя в человеческом обличье. И этот зверь охотится за тобой, чтобы тебя убить.

Участники незаконных вооруженных бандформирований сдаются в плен

Никто и никогда уже не узнает, что чувствовали военнослужащие нашей дивизии командир взвода разведки лейтенант Олег Емяшев и рядовой Анатолий Лех в последние минуты своей жизни, когда к ним, смертельно раненным и беспомощным, подходили двуногие звери с черными глазами и резали их, еще живых, на куски…

Мы подошли к офицерам, стоявшим рядом с пленным.

– Зачем ты стрелял в нас? Ты ведь, я смотрю, не богат, босой, без обуви. Зачем стрелял, ведь мы такие же трудящиеся, как ты, – говорил афганцу один из офицеров.

Ольга перевела ему вопрос. В глазах пленного, казалось, не было никакой мысли, только животный страх и ненависть. Перед нами стоял типичный афганский крестьянин: засаленная рваная одежда, на голове намотана грязная тряпка, без обуви. На вид лет сорок-пятьдесят.

– Вы пришли к нам, чтобы убить богатых, – хриплым голосом пробурчал пленный на языке дари. – Мне же мой хозяин разрешил работать на его земле. Я собирал урожай, кормился. Часть урожая я отдавал хозяину, и он обещал, что через двадцать лет я бесплатно получу в жены женщину. А если вы убьете моего хозяина, то кто мне тогда даст землю, и как я буду кормить себя и свою семью?.. – ответил пленный.

Услышав ответ моджахеда, я понял, что с экспортом социализма в Афганистане мы очень поспешили. В этой стране царили порядки «дремучего»

феодализма. И зерна идей марксизма-ленинизма, а также пролетарского интернационализма, наверное, никогда не прорастут на афганской земле.

– Что же ты по танку из кремневого ружья стрелял? Ведь танк железный, и пробить его пулей из допотопного оружия никак не получится, – спросил один из офицеров. – Он ведь просто мог тебя задавить!

– Нет, он не мог меня задавить, – ответил пленный душман.

– Это почему? – удивился офицер.

– Потому что мулла благословил меня и дал мне записку, в которой написано, что я не могу быть раздавлен танком, поскольку меня защищает Аллах! И он оказался прав – танк меня не раздавил, и я остался жив!

– О! Сейчас мы это быстренько поправим! – вставил капитан из оперативного отдела. – Сейчас заведем танк, аккуратненько тебя под него подложим и опровергнем слова твоего муллы!

Ольга не стала переводить слова капитана…

– Отставить шутки! – строго сказал подошедший к нам майор из политотдела. – Пленный должен быть отправлен для допроса в разведотдел.

Из этого кремневого ружья моджахед пытался подбить танк

Пленного увели, а мы с Ольгой пошли в палатку к начальнику политотдела. Там находился другой пленный душман, который выглядел совершенно по-другому. Видно было, что это зажиточный афганец. Одежда на нем была чистая и дорогая. Его лицо было холеное, руки ухоженные, а глаза

злые. Он что-то громко кричал на своем языке.

Этого душмана задержал в Кундузе войсковой патруль. Бандит решил похитить двух подростков-пионеров из молодежной организации НДПА и пытался их насильно увезти в своей машине. Однако патрульные, заметив насилие над детьми, вмешались в конфликт и арестовали душмана. Подростки, на которых напал взрослый афганец, рассказали начальнику патруля, что он является одним из местных бандитов, которому дали задание устранить членов местной молодежной организации НДПА. Он долго гонялся за ними и наконец-то нашел. Убийство этих подростков должно было стать назиданием для остальных членов молодежной организации Кундуза. К счастью, этого не произошло, помешал советский патруль.

Начальник политического отдела 201-й мсд
полковник В. А. Лаврищев

– Зачем вы хотели убить подростков?! – спросил душмана полковник Лаврищев.

– Вас всех, коммунистов, надо перебить! – с жаром ответил бандит. – И мы, воины Аллаха, перебьем вас всех и всех ваших приспешников, которые вас поддерживают. Всех вас ждет смерть! Никто живым отсюда не уйдет! – переводила Ольга.

– Ну что же, все понятно, – сказал начальник политотдела, – с крестьянином еще побеседуют наши товарищи из Народно-демократической партии Афганистана и разъяснят ему суть политики народного правительства

по освобождению бедноты от гнета феодалов. А этого – расстрелять!

Решение начальника политотдела о расстреле пленного головореза было для нас неожиданным. Но мы понимали это решение так: под угрозой была жизнь двух мальчиков-пионеров. Если бандита отдать в руки местных властей, то нет гарантии, что он на следующий день не окажется на свободе. Среди работников местных афганских правоохранительных органов было много людей, связанных с бандитским подпольем и оппозицией.

Эти пленные душманы уже не будут больше убивать крестьян, учителей и членов НДПА

Никто не жалел бандита. Но одно дело, когда убиваешь врага в бою, и совсем другое – когда его уничтожаешь безоружного. Однако таковы суровые законы войны, где смерть ходит за каждым буквально по пятам. Нужна сила воли и решимость, чтобы в необходимый момент сделать единственно правильный в условиях войны выбор.

В данном случае на чаше весов были, с одной стороны, жизни двух афганских подростков-пионеров, с другой – жизнь бандита, который ненавидел демократические преобразования в Афганистане, был против передачи земли крестьянам, против возможности самоопределения народа. Душмана устраивало наличие рабов – бесправных крестьян, работающих на полях богатеев за скудную еду. Крестьяне вынуждены были надрываться на тяжелой, многочасовой работе, чтобы прокормить свою семью. А у зажиточного

душмана был богатый дом, гарем, дорогие машины. Это было несправедливо! Поэтому полковник Лаврищев и принял решение о расстреле бандита, защитив тем самым жизни подростков-пионеров и многих других тружеников, простых афганцев, поддерживающих прогрессивные преобразования в Афганистане.

Удостоверение душмана – члена Национального исламского фронта Афганистана

Дальнейшая судьба этих первых пленных на афганской войне мне неизвестна. Может быть, свой приказ начальник политотдела позже отменил. Но именно тогда я увидел, какая интеллектуальная и материальная пропасть разделяет два социальных слоя населения Афганистана – закрепощенных баями и одурманенных религией простых крестьян и богачей, представителей знати и духовенства.

Дивизия учится жить в боевых условиях

«Начальнику политического отдела
в/ч п.п. 84397

Донесение

В 14.45 в г. Тулукан было совершено организованное нападение на боевое охранение с целью захвата оружия. Тремя ударами лопаты был убит находившийся в боевом охранении рядовой Д. Нападавший забрал автомат рядового Д. и подсумок с патронами. Рядовой Титов В. В., находившийся на соседнем посту, открыл огонь по бандиту, но не попал.

Одновременно, очевидно для отвлечения внимания, в городе была взорвана водокачка и открыт огонь по школе.

Рядовой Толпегин А. И. вплавь через реку Тулукан предпринял попытку преследования напавшего на боевое охранение бандита, но из-за

сильного течения ему это не удалось.

Погибший: рядовой Д., член ВЛКСМ с 1975 года, русский, образование среднее, техник-экономист, 1960 года рождения, холост, призван Ждановским РВК г. Москвы 6 октября 1978 года.

Зам командира в/ч п.п. 86997 по политической части капитан Есипов»

Личный состав 201-й мсд постепенно привыкал к жизни в боевых условиях. У всех на руках было оружие и боеприпасы, которые находились в палатках рядом с военнослужащими. К сожалению, не все офицеры и тем более солдаты, только что пришедшие с «гражданки», умели правильно обращаться с вооружением. Случаев халатного или неосторожного обращения с оружием и боеприпасами в первоначальный период пребывания дивизии в Афганистане было немало. За первый месяц пребывания 201-й мсд в Афганистане чуть ли не половина потерь среди личного состава была от неосторожного обращения с оружием.

Из анализа потерь личного состава в/ч п.п. 84397 за первое полугодие 1980 года:

«Разведывательный батальон. Разведчик младший сержант В. Солодуха, прибыв рано утром с боевого задания, увидел в палатке своего подразделения снайперскую винтовку СВД. Заинтересовавшись ею, он взял винтовку в руки. Затем, не отсоединив магазин, сержант В. Солодуха передернул затвор и нажал на курок. В этот момент в палатку зашел рядовой С. и получил ранение в левый бок.

Раненый: рядовой С., разведчик 3-го отделения взвода специальной разведки разведывательной роты, русский, член ВЛКСМ, в СА с 1978 года, призван Рыбинским городским военкоматом Ярославской области, родители проживают в городе… по адресу…

Ранение легкое. В настоящее время проходит лечение на месте».

Несмотря на трудности, 201-я мсд постепенно входила в боевой ритм службы. Все четче и слаженнее работали штабы и службы, солдаты и офицеры накапливали боевой опыт. Случаев неосторожного обращения с оружием с каждым месяцем пребывания войск в Афганистане становилось все меньше и меньше.

Части и подразделения, размещенные на аэродроме Кундуза, продолжали

обустраиваться. Расположение военного городка становилось все более удобным и приспособленным для жизни. Между частями наконец зарыли траншеи и поставили указатели. Как в годы Великой Отечественной войны: «хозяйство Иванова», «хозяйство Петрова» и так далее.

Постепенно налаживался и быт редакции. Мы находились всего в нескольких метрах от здания аэропорта, в котором жили летчики авиаотряда. Недалеко от редакции располагалась десантно-штурмовая бригада.

Первая стирка обмундирования в чистом поле. На втором плане первое сооружение комендантской роты – туалет

БПК-63 и прицеп были поставлены рядом, вплотную к оазису. Место расположения редакции мы позже огородили забором из маскировочной сети. Чтобы хоть как-то укрыться от палящего солнца, сверху тоже набросили маскировку. С внутренней стороны ограждения мы посадили растения, которые хорошо прижились и создали дополнительное озеленение участка. На территории расположения редакции стало красиво и уютно.

Когда мы с прежнего места переезжали в оазис, солдаты разобрали нашу палатку. Под ней, к всеобщему изумлению, оказалось целое мышиное гнездо с только что родившимися мышатами. Немало оказалось мышей и в нашем оазисе. Маленькие «диверсанты» грызли всё, что можно было грызть! Засыпая ночью, мы часто слышали в темноте звуки хруста мышиных челюстей. В этот

момент каждый из нас с тоской думал, чей же чемодан или сумка на этот раз стали жертвой мышей? Ночные разбойники грызли всё, что было изготовлено из натуральной кожи. Целыми оставались только вещи из искусственных материалов.

Скорпион защищается…

Надо сказать, что в отличие от мышей вся остальная живность с приходом нашей дивизии на аэродром словно разбежалась. Даже змей не было видно. Только скорпионы ползали по поверхности, по палатке, по одежде – везде. Опасно было по утрам надевать обувь, скорпионы заползали внутрь и могли сильно ужалить. Яд их не всегда был опасен, но сам удар жалом, расположенным на кончике хвоста, был довольно болезненный, а пораженное ядом место долго не заживало.

Вообще, скорпион – очень интересное существо. При встрече с ним в поле маленький, всего-то до трех-пяти сантиметров в длину, скорпион тут же останавливался, поднимал клешни, принимал боевую стойку и время от времени делал выпады, как бы говоря: «Уходи с моей дороги, а то сейчас ужалю!» Скорпионы никогда не отступали, были очень агрессивны и

совершенно не боялись человека.

Каракурт ищет свою жертву

Каракурты намного опаснее скорпионов. Укус этого небольшого, размером в один сантиметр, но очень ядовитого паучка – смертелен. Однако, несмотря на то что каракуртов было довольно много, смертельных случаев от их укусов в нашей дивизии зарегистрировано не было.

На другое насекомое, фалангу, мы вообще не обращали внимания. Хотя трупный яд на их челюстях довольно опасен для человека. Они ползали вокруг нас постоянно, особенно их было много по ночам. Солдаты на досуге иногда устраивали своеобразные бои этих насекомых. Помещали двух фаланг в консервную банку, и одно насекомое обязательно поедало другое в считанные минуты.

Фаланга атакует…

С наступлением тепла появились мухи. Полчища мух! Они не давали покоя не только работникам столовой, которые боролись с ними постоянно, но и нам всем. Насекомые собирались в палатке возле печки и мешали работать и отдыхать сотрудникам редакции. Чтобы защититься от мух, мы придумали оригинальную конструкцию: на обе спинки кровати натягивались провода, сверху на них стелили простыню в виде полога. Получался своего рода тоннель. У его начала, в ногах, устанавливали включенный вентилятор, который сильным потоком воздуха легко сдувал мух с лежащего на кровати человека и одновременно охлаждал его в жаркую погоду.

Питались мы в офицерской столовой штаба дивизии. Солдаты принимали пищу в столовой комендантской роты. Офицерская столовая представляла собой большую палатку, обтянутую изнутри белой тканью. Работники столовой сделали всё, чтобы внутри было по-домашнему светло, чисто и уютно. Меню было полное и разнообразное: щи, борщ, мясные блюда с гарниром, чай со сгущенкой – одна банка на двоих. Все любители сладкого сначала «налегли» на сгущенное молоко, но через некоторое время на этот продукт мы даже смотреть не могли. Хлеб выпекали здесь же, в военном городке – в нем часто встречались частички песка. Из-за сильного ветра, который постоянно поднимал песок в воздух, укрыть продукты от мелкой песчаной пыли было практически невозможно, и вся пища была почти всегда с песком.

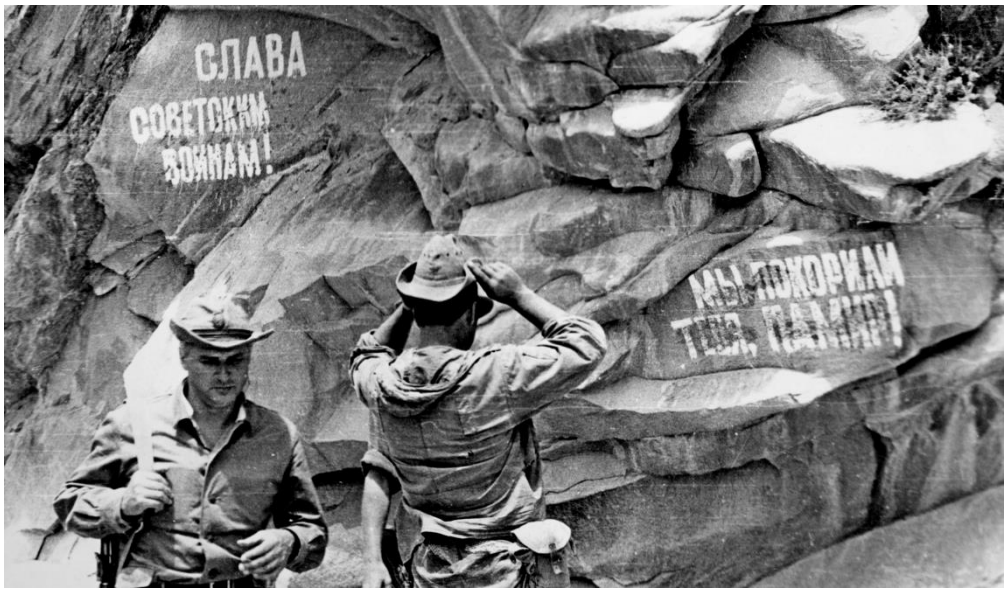
В обеденный перерыв с солдатами типографии.

Слева направо: рядовые Стасенко, Машков и Евдокимов

Распорядок дня работы нашей редакции был однообразный. После завтрака до обеда – работа над газетой, после обеда – снова работа над газетой, вечером, после ужина – доделывали то, что не успевали за день.

Параллельно со своей основной деятельностью по организации работы типографии прапорщик Сапега принимал участие и в написании материалов. Он собирал информацию из рядом расположенных частей дивизии методом «пешего обхода» или «пытал» дежурных офицеров частей по телефону. Ремонт техники, печать листовок и газеты – всё это тоже ложилось на его плечи. Когда начальник типографии был занят выпуском газеты, то сбором информации из частей, расположенных на территории южного и северного городков укрепрайона, занимались мы с редактором.

Корреспондент лейтенант Краузе по распоряжению редактора постоянно пропадал в длительных командировках и бывал в расположении редакции редко. Он постоянно участвовал в рейдах, собирал информацию о боевых действиях. Приезжая с мест боевых действий, он приносил очередную порцию информации и фотопленки.



Один из первых снимков лейтенанта А. Краузе, сделанный им во время боев в провинции Бадахшан в 1980 году после разгрома группировки моджахедов на подступах к городу Файзабаду

Частым гостем в редакции был рядовой Олейников. Он служил в

воинской части, которая располагалась недалеко от нас. Солдат увлекался фотографией и приносил в редакцию интересные снимки о боевой деятельности своих сослуживцев. Проявлять пленку и печатать фотографии в полевых условиях было очень трудно.

Из-за сильной жары поверхность пленок трескалась, и изображение на них нарушалось. Сложно было правильно готовить реагенты для проявления пленок и печати. Всё это сказывалось на качестве снимков и на выпуске газеты в целом. Но в конце концов мы справились и с этим. Газета с каждым выпуском становилась все лучше.

С редактором Николаем Бурбыгой мы, что называется, «на ходу» продолжали учиться делать газету. Обсуждали рубрики газеты, проблемно-тематические направления, искали темы для новых публикаций. Наладили работу и с внештатными военкорами, без которых дивизионная многотиражка (да и любая другая газета того времени) просто не могла существовать. Солдаты и сержанты, прапорщики и офицеры из частей и подразделений дивизии постоянно присылали нам в редакцию письма, в которых они рассказывали о ратных подвигах своих товарищей и командиров. А мы переделывали их в «мирные» заметки об «учебных» боях и «учениях» в горно-пустынной местности.

Запрет «сверху» на публикации в газете заметок о реальных боевых действиях войск дивизии нас очень сковывал. Дивизионный цензор нещадно вычеркивал малейшую информацию о боевых действиях частей и подразделений. Газета выходила с абсолютно мирным, будничным содержанием. В этой связи очередная заметка или статья выглядела примерно так: «Рядовой Сидоров на полевых занятиях «условно» поразил пять «условных» противников, после чего, выполнив «учебную» задачу, подразделение вернулось в расположение части».

За нашу Советскую Родину!

За честь Родины

1980 г.
ноябрь
15
Суббота
№141
ИЗ ЧАСТИ НЕ ВЫНОСИТЬ

ТВОЙ НРАВСТВЕННЫЙ ДОЛГ

ЗАСАДА В ГОРАХ

На последнем учении подразделение, где служит рядовой А.Джафаров, выполняло задачу по поиску и уничтожению "противника". Шаг за шагом воины преодолевали трудный многокилометровый путь. Казалось не будет конца подъемам и спускам. То и дело из под ног выскальзывали угловатые камни. Но, не смотря на трудности пути по горной тропе, воины уверенно продвигались по заданному маршруту. Сказывалась хорошая физическая подготовка и, самое главное, твердая уверенность в себе и товарищах, а также желание выполнить поставленную задачу.

"Противник" напал неожиданно. Из пещеры, где была оборудована "огневая точка", раздались частые выстрелы. Подразделение мгновенно изготовилось к "бою", и по команде командира открыло огонь по засаде.

– Разрешите мне уничтожить "огневую точку", – попросил командира рядовой А.Джафаров, и добавил, – я по владинке подберусь к пещере и забросаю ее гранатами.

Получив разрешение рядовой А.Джафаров стал медленно подползать к пещере. Невольно в памяти промелькнули кадры увиденного когда-то фильма, где вот также, во время великой битвы за Родину наши воины ползли с гранатами на вражеский дот...

Резкий взмах руки; короткий выдох, и граната полетела в цель, за ней остальные, сколько было у смелого воина. Цель поражена благодаря смелым и решительным действиям рядового А.Джафарова.

Мастерство воинов оттачивается и закаляется каждый день на занятиях, чтобы в какой-то момент стать подвигом.

Старший лейтенант С.СЕСЮНИН

★★★МАСТЕРА БОЕВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ★★★

На прошедшем недавно тактическом учении ефрейтор М.Панькив за решительность, мужество и

На первой полосе газеты «За честь Родины» размещались статьи об «учебных» боях, «условном» противнике и «условно раненых» военнослужащих 201-й мсд

В войсках вскоре без труда научились понимать наш эзопов язык. А цензор делал вид, что ни о чем не догадывается. Таким образом, нам всё же удавалось информировать военнослужащих о подвигах солдат и офицеров 201-й дивизии. Когда мы писали «условный противник», «условное поражение», «условно раненый», то каждый, кто читал очередной номер газеты, прекрасно всё понимал, что солдат или офицер, на самом деле выполняя свой воинский долг, совершал очередной подвиг.

Родина – далекая и близкая

«Начальнику политического отдела
в/ч п.п. 84397

Донесение

Докладываю, что в части происшествий не случилось, личный состав занимался согласно плану расписания.

В г. Талукан (в районе бетонного завода) боевая группа под командованием заместителя командира подразделения капитана Бончокан в течение 12 часов вела перестрелку с отрядом местных бандитов. В результате боя было уничтожено 10 мятежников. Захвачено несколько автоматов АК-47 и английский карабин.

В настоящее время личный состав части готовится к выполнению новой боевой задачи командования.

В соответствии с планом агитпропгруппы при партийном бюро в части с личным составом проведена лекция на тему: «Бережливость – черта коммунистическая».

Политико-моральное состояние личного состава здоровое. Состояние воинской дисциплины удовлетворительное.

Исполняющий обязанности заместителя командира части по политической части старший лейтенант Лавритин».

Огромную психологическую поддержку солдатам и офицерам оказывали письма родных и близких. Каждые два-три дня я посылал весточку жене, и сам почти еженедельно получал ответы из дома. В письмах супруга не писала о своих переживаниях за меня, а, наоборот, старалась меня подбодрить, рассказывая смешные истории из будничной жизни. Эти трогательные послания очень помогали нам на чужбине. Благодаря им мы не так остро ощущали оторванность от Родины. Письма нас очень поддерживали, вселяли уверенность в то, что нас любят и ждут нашего возвращения домой.

В начале мая я с радостью узнал о рождении своего первенца. Решено было назвать сына Игорем в честь былинного героя и военачальника князя Игоря. Жена оканчивала последний курс Свердловского педагогического института и ухаживала за грудным ребенком. В институте Людмила была единственной студенткой – женой «афганца». Все об этом знали и помогали, кто как мог. Сотрудники института Зоя Алексеевна Репина, Ара Демьяновна Тююшева и многие другие добрые и отзывчивые люди морально поддержали мою жену в тот непростой для нашей семьи год.

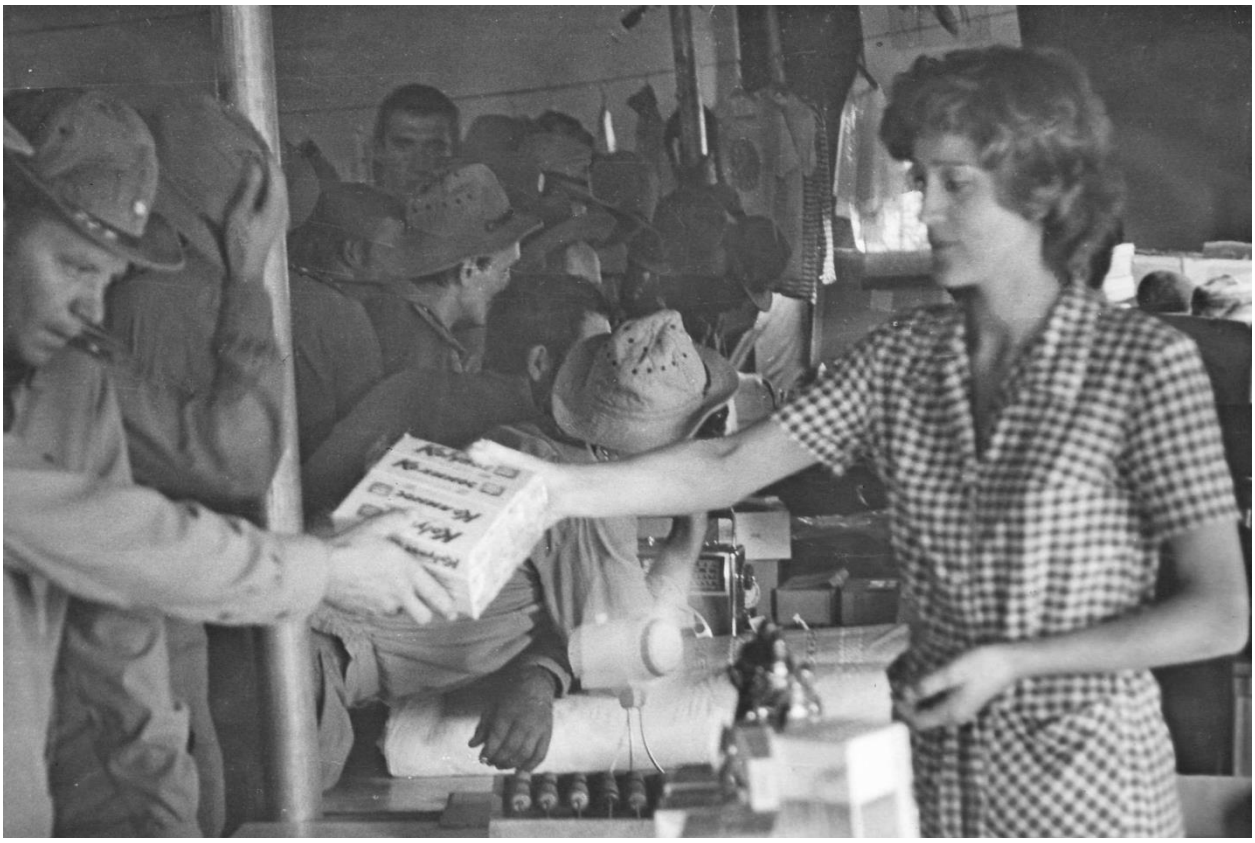
Однообразие полевого быта бойцов 201-й мсд довольно часто скрашивали концерты артистов из Советского Союза и показ кино на стационарной киноустановке. Однажды к нам приехали музыканты из Московской филармонии. Пианист – мужчина лет пятидесяти и молодая женщина-скрипачка лет двадцати пяти.

На площадке возле клуба солдаты расставили скамейки, а сцену оборудовали в кузове грузовой машины с открытыми бортами. Там же установили пианино. Артистов встретили аплодисментами, зазвучала классическая мелодия из произведений Баха. Пианист был одет в строгий черный фрак, а на красивой блондинке-скрипачке было длинное фиолетовое бархатное концертное платье с глубоким декольте и большим разрезом сбоку. Необычно было слышать симфоническую музыку на фоне горного ландшафта аэропорта Кундуз. Взгляды всех были прикованы к музыкантам. Когда музыка смолкла, зрители наградили артистов аплодисментами. Музыканты поклонились благодарным слушателям. Когда же скрипачка склонилась в низком поклоне, площадка возле клуба буквально взорвалась бурными и продолжительными овациями. И было не ясно, что бойцам больше понравилось: музыка или ее исполнительница…

Во время концерта неподалеку в палатках были развернуты прилавки гарнизонного и московского военторгов. Столичный военторговский «десант» возглавлял офицер А. Долженко.

– Условия, конечно, тяжелые. Жарко, песок, – говорил он мне, вытирая пот со лба платком. – Наш военторг впервые в такой дальней и длительной командировке, но ничего, девочки справляются.

Симпатичные столичные продавщицы предлагали покупателям различные товары. Были они в основном импортного производства и продавались в СССР только в валютных магазинах. Солдаты и офицеры столпились возле палаток и фотографировались с девушками из военторга. Наперебой предлагали знакомство, но девушки весело отшучивались и от знакомств уклонялись.



Лучший продавец военторга по итогам социалистического соревнования в честь 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина Зинаида Анисимова предлагает товар покупателям

Побеседовав с работниками столичного военторга, я открыл книгу отзывов. Ни одной жалобы! Книга была почти полностью заполнена благодарственными надписями. Последняя запись в ней была от солдат комендантской роты нашей дивизии:

«От всей души благодарим весь коллектив военторга за отличное обслуживание и внимательное отношение к военнослужащим. Особенно хотим поблагодарить продавца Валентину Воробьеву за ее теплоту и отзывчивость к покупателям!»

Вернувшись в редакционную палатку, я быстро написал заметку о московских гостях, приехавших в 201-ю дивизию, и начал работать над макетом очередной газеты.

Для проведения на макете прямых линий я всегда пользовался металлической линейкой, об истинном предназначении которой мы длительное время даже не догадывались. Это была странная линейка: на обеих сторонах ее были нанесены деления, не соответствующие знакомой нам метрической системе мер. Только через несколько месяцев мы наконец-то узнали, что эта

линейка называется «строкомер».

Наверное, журналистам XXI века этот инструмент неизвестен, но тогда, когда я попал в мир журналистики, он постоянно использовался при верстке газеты и был просто незаменим. Работники газет в процессе своей деятельности при помощи строкомера осуществляли разного рода измерения текста и иллюстраций на газетной полосе. В те годы этот инструмент был почти обязательным атрибутом каждого журналиста, как, например, фонендоскоп у врача. Эту загадочную линейку мы впервые увидели, когда нам привезли из Ташкента станки и запчасти для типографии. Редактор поручил мне получить всё это на аэродроме после прилета очередного самолета с грузами для нашей дивизии.

В списке наряду с запчастями числились большой бумагорезательный станок и строкомер. Мы уже знали, что бумагорезательный станок был огромным чугунным механизмом, но что такое «строкомер», никто из нас не знал.

– А вдруг «строкомер» такой же большой и тяжелый, как бумагорезательный станок? – предположил прапорщик Сапега.

– Не будем гадать, – сказал редактор и отдал мне распоряжение: – Бери в автобате КАМАЗ, на него уж точно можно разместить и «бумагорезку», и «строкомер»…

Проверив по списку получаемое типографское оборудование и запчасти к станкам, я спросил у летчика:

– А где же «строкомер»?

Передающий имущество летчик задумчиво почесал затылок и ответил:

– Черт его знает! Вроде всё было на месте, когда принимали ваши «железяки» в Ташкенте... Остальное-то всё есть?

– Да. Но в передаточной ведомости я отмечу, что станок «строкомер» я не получил.

На том и порешили.

Уже в редакции, вскрыв коробку, среди мелких запчастей, присланных к нам из Ташкента, я нашел металлическую линейку, которая сразу понравилась офицерам нашей газеты своей многофункциональностью. Мы часто использовали ее в быту: делали с ее помощью всё что угодно – разрезали хлеб, колбасу, сыр, отвинчивали и завинчивали болты, но только не измеряли

газетные строки! О том, как нужно использовать этот незаменимый при выпуске газеты прибор, мы узнали гораздо позже, когда я поехал в Ташкент и побывал у своих коллег-журналистов в окружной газете «Фрунзевец». Они-то и научили меня им пользоваться. После этого строкомер потерял свое бытовое предназначение и наконец-то занял почетное место на моем рабочем столе, где версталась газета «За честь Родины».

На войне, как на войне

«Командиру в/ч п.п. 79942
майору Набко Н. К.

Донесение

Партийно-политическая работа в войсковой части 23335 полевая почта 79942 по оказанию интернациональной помощи народу Афганистана в боевой обстановке организуется в соответствии с постановлениями ЦК КПСС и советского правительства, приказами и директивами МО СССР и начальника Главного политического управления СА и ВМФ.

В батальоне при обеспечении боевых вылетов вертолетного полка в районы Кундуз, Файзабад, Гардез, Пули-Хумри, Мезари-Шариф и в ходе их с водителями проводили беседы на темы: «Точное и строгое соблюдение правил движения на аэродроме – залог безаварийной работы», «Поддержание спецавтотранспорта в боевой готовности – долг всех водителей», «Обязанности водителя при перевозке боеприпасов», «Особенности работы в жарких температурных условиях» и другие.

При обеспечении боевых вылетов широко используется пропаганда передового опыта. Так, в батальоне хорошо известно имя водителя рядового Анатолия Мозайло. Работая на топливозаправщике, он за 5,5 месяцев боевых действий произвел более 900 заправок вертолетов. В течение всего времени он работал без аварий и поломок. Особое внимание было уделено быстрой доставке к вертолетам снарядов и бомб. За время боевых действий было перевезено более 40000 снарядов и около 400 бомб.

Водители автомашин воспитываются в духе войскового

товарищества, бдительности, мужества и героизма.

В период обеспечения боевых вылетов для личного состава было скомплектовано 5 передвижных библиотечек, показано 75 кинофильмов различной тематики, выпущено 10 радиогазет, 12 фотогазет.

Заместитель командира в/ч п.п. 79942 по политчасти
майор Остапец М. Г.
Секретарь партийной организации
капитан Малобин В.
Секретарь комитета ВЛКСМ
старший лейтенант Бражник В. П.»

Лето в Афганистане для советских солдат стало настоящим стихийным бедствием. Песок нагревался до такой степени, что на него невозможно было ступить босой ногой. Температура воздуха превышала все пределы, мыслимые и немыслимые. Такая жара особенно трудно переносилась жителями средней полосы России и Урала. Яркое солнце било, казалось, в самые глубины наших зрачков. Мы охотно покупали у афганцев солнцезащитные очки, так называемые «хамелеоны». Конечно, до настоящих фирменных «хамелеонов» им было далеко, поскольку эти очки делали вручную местные афганские умельцы. Внутренняя часть таких очков была зеркальной, что не только не защищало глаза, но еще и портило зрение.

Советская армия оказалась совершенно не подготовленной к ведению боевых действий в условиях столь жаркого климата. Если у солдат была полевая форма, включающая панаму и ботинки вместо сапог, то у офицеров этого не было. Они были одеты в простое хлопчатобумажное обмундирование («ХБ»). Солдатские ботинки были без высоких голенищ, и в промежуток между штанинами и шнуровкой постоянно попадали песок, колючки и трава. Для офицеров же ботинки не были предусмотрены вообще.

Сапоги на ногах, пилотка или фуражка на голове – всё это в боевых условиях оказалось очень неудобным. Кроме этого, оказалось совершенно ненужным ношение офицерской портупеи. Буквально первые же бои с душманами показали, что противник в первую очередь уничтожал командиров и радиостанции. Это происходило потому, что форма офицеров и прапорщиков очень сильно отличалась от солдатской. Вражеские снайперы легко

распознавали командиров и тут же их уничтожали. Поэтому самое первое, что сделали офицеры и прапорщики в Афганистане, – переоделись в солдатскую форму. На погоны без просветов прикрепили защитного цвета звездочки. Именно в начале 80-х годов в Российской армии появилась такая форма одежды: пустые погоны без просветов со звездочками защитного цвета. Издалека эти звездочки были незаметны, а сама форма одежды была абсолютно идентична солдатской. Конечно, это было грубым нарушением установленной формы одежды офицеров. Но война сама внесла свои коррективы. К сожалению, как это часто бывало в российской истории, армия учились на своих ошибках и ценой тяжелых потерь приобретала боевой опыт.

После долгих лет мира советские вооруженные силы с началом афганской войны стали хоть и медленно, но обновляться. Армия стала постепенно перестраиваться во всех аспектах: в вооружении, форме одежды, организации быта и досуга в полевых условиях. С первых же дней пребывания в Афганистане с территории этой страны были выведены наши ракетные части, поскольку в таких локальных войнах использование ракет оказалось нецелесообразным. Действия танковых войск в горных районах были весьма ограничены. Их броневую мощь использовали в основном для охраны каких-либо важных объектов как долговременную огневую точку. Танки использовали также для поддержки мотострелковых подразделений и частей во время операций по прочесыванию местности там, где сопротивление сил оппозиции было особенно сильным.

Боевые действия в районе Кундуза. Первое трофейное оружие душманов. Автомат «ППШ» китайского производства

Война в Афганистане заставила войска быстро приспосабливаться к условиям войны в горно-пустынной местности. Хлопчатобумажное обмундирование совершенно не защищало от сильной жары, а полушерстяная форма от холода. Офицеры, прапорщики и сверхсрочники стали надевать летом прямо на тело специальные халаты КЗС (костюм защитный сетчатый), которые предназначались для использования поверх основной одежды и обладали защитными свойствами от термического разрушения. Такие халаты изготавливались из антибликовой мешковины, и имели маскировочную окраску

«Березка». Такая сетка хорошо защищала тело от солнечных ожогов и в то же время она продувалась, в ней было не жарко. Ввиду того, что не было специальных ботинок, офицеры и прапорщики самостоятельно надевали кроссовки или китайские кеды.

Российские солдаты всегда умели приспосабливаться к тяжелым условиям службы. Очень были неудобны в динамичном бою подсумки для магазинов к автоматам Калашникова. Они крепились на поясном ремне и больно били по бедру при беге. И тогда бойцы разведывательных подразделений стали себе шить нагрудные конструкции для хранения автоматных рожков. Сейчас эта конструкция называется «разгрузка». Конечно, все эти «усовершенствования» не соответствовали установленной форме одежды, но зато спасали жизнь.

Добираться до частей дивизии порой приходилось через пылевые реки

Яркое, слепящее солнце и изматывающая жара, казалось, выжимали из солдат и офицеров последние капли пота. Пыль из-под ног при каждом шаге поднималась вверх и заполняла легкие. Всё это не лучшим образом сказывалось на самочувствии и здоровье военнослужащих.

Недалеко от расположения редакции была пробурена скважина, из которой текла ледяная вода. В жару мы старались не пить холодную воду, но не

всегда удерживались и пили с наслаждением ледяную живительную влагу. В результате – простудные заболевания! Казалось бы, на улице жара, а у многих насморк и болит горло. Состояние простуженности не проходило практически на протяжении всего жаркого периода афганского лета.

Хорошо спасали от жажды афганские дыни. Большие, сладкие, ароматные! Так как аэродром считался гражданским, местные жители часто привозили сюда дыни. Торговцы продавали дыни по очень завышенным ценам. Но, несмотря на явный обман и большую дороговизну, дыни все равно быстро раскупали. Однако, как говорится, «и на старуху бывает проруха». Однажды водитель редакции рядовой Машков без разрешения редактора пошел за дынями к спекулянтам. Вернувшись с дежурства по политотделу в расположение редакции, я увидел возле палатки с десяток огромных спелых дынь, от которых исходил великолепный запах.

– Откуда дыни? – удивился я.

– Купил, – не моргнув глазом, ответил Машков.

Как выяснилось, солдат купил эти дыни у афганца всего-то за один рубль!

– Как тебе это удалось?

– Да очень просто, товарищ старший лейтенант. Нам ведь получку выдали в чеках, по копейке. Пачка в рубль получилась солидная. Я подошел к афганцу и обменял ее на дыни.

– Ну как же ты мог, Машков! – начал я стыдить солдата. – Немедленно найди афганца и верни все дыни!

Машков молчал.

– Товарищ старший лейтенант, ну где он сейчас найдет этого афганца? – вступился за солдата прапорщик Сапега. – Тот давно уже уехал, неизвестно куда. Ну не выбрасывать же теперь дыни…

– Ладно, ешьте, – смирился я, – но чтобы это не повторялось! Понял, Машков?

– Так точно, – ответил солдат, виновато улыбаясь.

Дыни, все как одна, оказались на редкость сочными и вкусными!

В местах постоянной дислокации солдаты и офицеры старались обустроить свой быт таким образом, чтобы не было мучительно жарко. При любой возможности возле подразделений наши военнослужащие высаживали деревья и кустарники, обильно их поливали, несмотря на дефицит воды.

Постепенно вокруг палаток появились кустарники, навесы, спасающие от знойного солнца. Кое-кто умудрялся вырывать бассейны, где спасались от жары. Там, где не было возможности оборудовать бассейн, зарывали пустые металлические бочки в песок, который на глубине был сырой и прохладный. В бочки заливали воду, и в них солдаты спасались от жары.

Прапорщик Г. Сапега угощает внештатного военкора газеты «За честь Родины» холодной водой из знаменитого «потеющего» афганского кувшина

Иногда у афганцев удавалось купить специальные кувшины для воды. Они были изготовлены из особой глины, которая имела микроскопические поры, поэтому поверхность таких кувшинов была постоянно влажная, и даже на горячем ветру вода в кувшине оставалась прохладной.

У старшего комсостава дивизии было несколько палаток. Одна – рабочий кабинет, вторая – для отдыха, третья – столовая. Палатки обносили высоким забором из вкопанных шестов, на шесты натягивали маскировочную сеть. С одной стороны, она маскировала место руководства дивизии, с другой – обозначала для нас территорию его расположения.

Ветер с песком (его называли «афганец») очень часто накрывал мглой кундузский аэродром

Жилые модули для казарм и штабов управления 201-й мсд были построены значительно позже. Нам же пришлось устраивать свой быт в условиях частых ветров. Особенно был неприятен ветер, который здесь назывался «афганец». То есть это был не просто ветер, а ветер, поднимающий в воздух пыль и песок. Когда дул «афганец», то легко можно было заблудиться в песочной мгле, как в густом тумане, поскольку зона видимости при этом составляла три-четыре метра. Были случаи, когда офицеры и солдаты отходили от палаток и долго блуждали потом по укрепрайону в поисках своего подразделения. Поэтому во время песчаной бури командиры всех уровней были очень бдительны и постоянно контролировали личный состав.

Обустраивали свое расположение и мы: выложили камнями дорожки внутри двора, а рядовой Стасенко вырубил топором из деревянных чурок красивые кресла и стол. Работать стало удобно и комфортно.

Внутри расположения редакции ходили в максимально облегченном виде. Однако, как бы мы ни одевались, на боку всегда был пистолет. И потом, когда я уже без оружия пересекал границу, то длительное время чувствовал некоторое неудобство от отсутствия привычной тяжести пистолета на правом бедре.

Все солдаты редакции были укомплектованы необходимым вооружением и боеприпасами для ведения боевых действий. Водитель Машков и печатник Стасенко были очень активными и постоянно стремились попасть в район боевых действий. В связи с этим меня, как офицера, отвечающего за внутренний порядок в редакции, беспокоило то, что наши солдаты время от

времени приносили в редакцию боеприпасы и вооружение, не положенные по штату.

Ящики с боеприпасами в большом количестве без охраны как попало лежали в поле, где рядом с редакцией дислоцировался авиационный отряд. Снаряды и неуправляемые ракеты находились повсюду прямо на земле, рядом с взлетной полосой.

Строевой смотр личного состава типографии с последующим очередным изъятием не предусмотренных штатом боеприпасов и взрывоопасных предметов

Мне приходилось время от времени устраивать рейды в расположении редакции с целью выявления и удаления взрывоопасных предметов из прицепа, загруженного бумагой и типографским имуществом. Под кроватями солдат можно было найти всё что угодно – мины, гранаты, сигнальные ракеты. Взрыв и пожар мог произойти в любой момент и нанести непоправимый урон редакции.

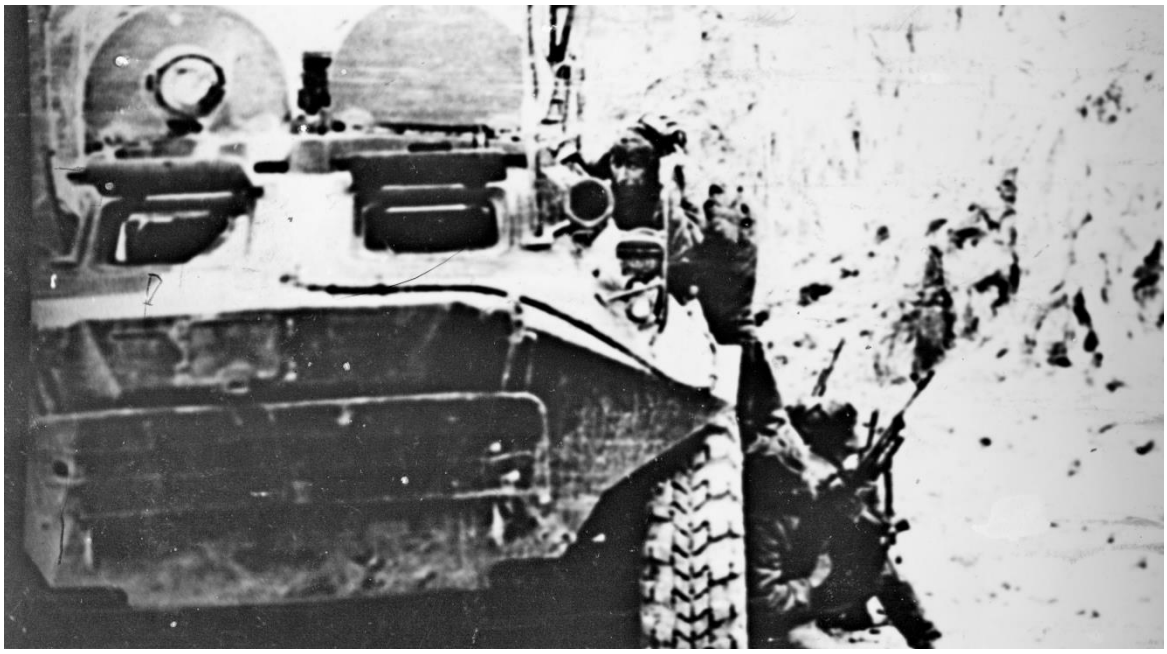
Несмотря на то что сотрудники редакции ежедневно были заняты процессом выпуска газеты, а также изготовлением различных бланков и агитационных листовок, мы не забывали и о боевой подготовке. Мне было поручено проводить занятия по огневой подготовке. Николай Бурбыга организовал тренировки по экзотической тогда японской борьбе карате. Большой любитель этого вида спорта, он собрал из подручного материала тренажеры, на которых тренировался сам и обучал этому солдат.

В это время восточными единоборствами увлекся и я. Спорт помогал нам постоянно поддерживать на достаточно высоком уровне свою физическую форму.

Когда офицеры редакции выезжали в воюющие подразделения и части дивизии, тренировки солдат по физической подготовке продолжались под руководством начальника типографии прапорщика Сапеги

Части дивизии вели активные боевые действия по всей зоне ответственности, а мы в своей газете продолжали публиковать материалы об экономии горюче-смазочных материалов, хорошей работе постов народного контроля, правильной эксплуатации техники и многом другом. Писали обо всем, только не о боевых действиях войск. Мы ощущали некоторую вину перед офицерами и солдатами нашей воюющей дивизии за то, что не имели права открыто писать о героях и их подвигах.

Сотрудники редакции практически постоянно находились в районах боевых действий частей дивизии и неоднократно принимали непосредственное участие в боях. Редактор Николай Бурбыга много раз подавал в штаб представление на награждение отличившихся сотрудников газеты, но наградные документы странным образом куда-то пропадали. Зато некоторые офицеры штаба дивизии, что называется, даже «не нюхавшие пороха», были награждены уже не одним боевым орденом…



Моджахеды с заранее подготовленных позиций напали на колонну мотострелков в узком ущелье

Сейчас, разглядывая снимки Александра Краузе, сделанные им в момент боевых действий, я невольно поражаюсь: как в боевой обстановке он успевал еще фотографировать? Это были боевые снимки, которые мы, к сожалению, не могли в то время поместить в газету и тем более использовать в других средствах массовой информации. Фотографии эпизодов реальных боев тогда, в 1980 году, публиковать было нельзя, и я аккуратно складывал их в отдельную папку. Позже мне удалось тайно провезти их на территорию Советского Союза.

Что и говорить, я очень завидовал нашему корреспонденту. Лейтенант Краузе имел возможность ежедневно бывать в войсках, быть в гуще событий. Мне же постоянно приходилось работать над очередным номером: править статьи сотрудников редакции и заметки военкоровского актива подразделений дивизии, обзванивать части, собирать информацию, осуществлять верстку и взаимодействие с дивизионным цензором. Одним словом, рутинная работа. Время от времени я просил редактора хоть на пару дней отпустить меня в войска, собрать «живую» информацию, так сказать, из первых рук и набраться впечатлений. Но чаще всего получал отказ:

– А кто газету делать будет? – сразу охлаждал мой боевой настрой редактор. – Успеешь еще по горам поползать.

Под огнем снайперов противника экипаж инженерной машины разграждения (ИМР) занимает огневую позицию

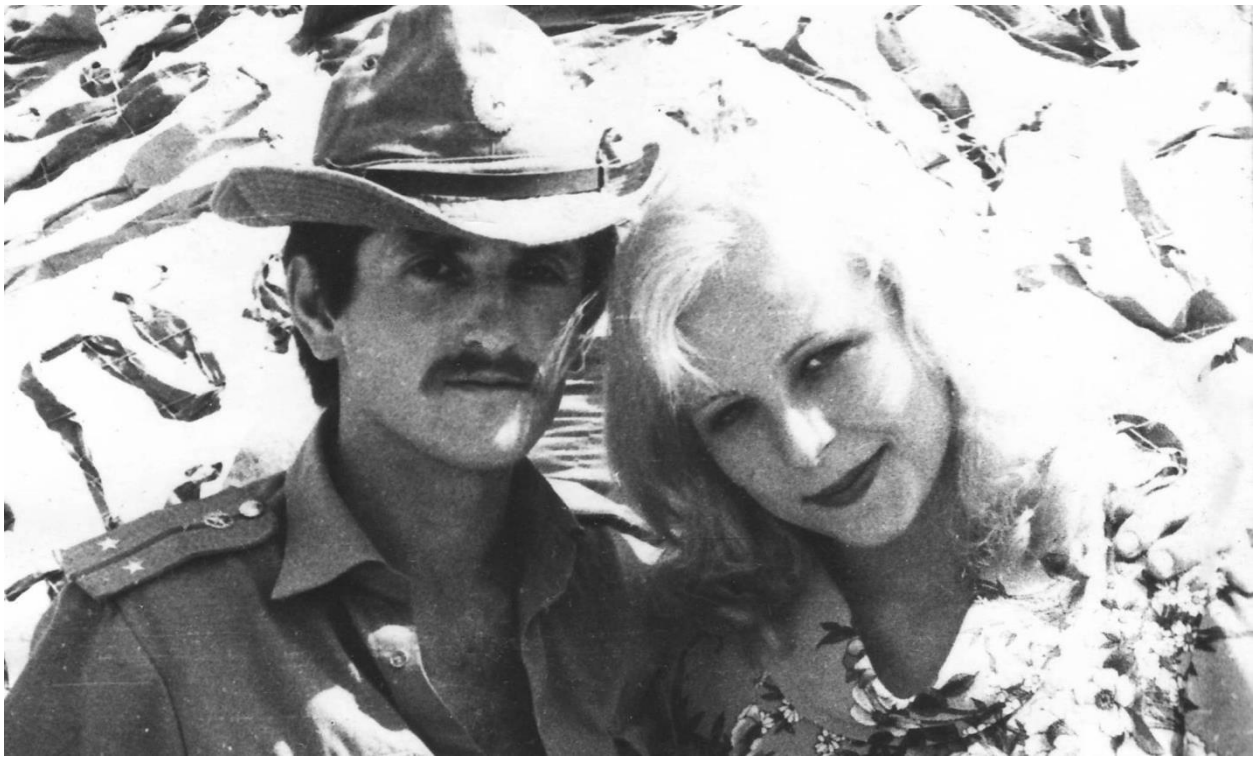
Так как части и подразделения дивизии практически каждый день выполняли ту или иную боевую задачу, начала накапливаться психологическая усталость офицеров, прапорщиков и солдат. Каждый снимал это напряжение по-своему: кто-то на досуге усиленно занимался спортом, а кто-то делал это более простым способом – алкоголем. Правда, спиртное в Афганистане было достать сложно. В магазинах военторга алкогольные напитки не продавали, так что в войсках был почти сухой закон. Случаи употребления спиртных напитков в дивизии были очень редки. Тем не менее однажды мне пришлось наблюдать очень неприглядную картину. Вечером, когда подразделение уже было на отдыхе, из офицерской палатки по-пластунски выполз прапорщик и пополз по направлению к столовой. Путь его лежал вдоль солдатских палаток. Солдаты сидели тут же, на лавочке и беседовали о своем. Прапорщик должен был проползти как раз под ногами своих подчиненных. Обратив внимание на подползающего к ним начальника, солдаты деликатно сделали вид, что не замечают его. И только когда прапорщик подполз к ним, дружно подняли ноги, открывая для старшего по званию военнослужащего путь на ужин. Похоже, прапорщик солдат даже не заметил. Он продолжил свой путь дальше и вскоре скрылся в палатке столовой.

– Ну и что, – прокомментировал наблюдавший вместе со мной эту сцену прапорщик Сапега, – зато он четко знает цель и к ней идет!

Мужчинам на войне тяжело, но женщинам, думается, тяжелее вдвойне.

Вообще, что касается присутствия женщин в Афганистане, то ситуация складывалась по-разному. Первоначально вместе с советскими воинскими частями в Афганистан поехали жены военнослужащих, состоящие на тот момент в штате воинских частей. Но ввиду того, что участились случаи семейных конфликтов и связанные с ними неуставные взаимоотношения в подразделениях, командование приняло решение о возвращении на Родину всех жен военнослужащих. На смену им из Союза направляли незамужних женщин.

На службу в Афганистан военкоматы отбирали женщин очень придирчиво. Главными критериями отбора были знание и опыт в своей профессии, в делопроизводстве, торговле, средствах связи, общепите и многих других специальностях, без которых не может нормально нести службу ни один воинский коллектив. Особо тщательно работники военкоматов изучали характеристики кандидаток. Разрешалось отправлять за границу только добросовестных и морально устойчивых женщин. Подавляющее большинство из них с честью и достоинством выполняли возложенные на них обязанности и порой наравне с мужчинами рисковали своей жизнью. В Екатеринбурге, в музее воинов-интернационалистов «Шурави» на одном из выставочных стендов помещена фотография Надежды Рожневой. Молодая красивая женщина, заболев, умерла в Кабульском госпитале. Так же скоропостижно скончалась от болезни другая уральская девушка – Людмила Бессонова. Она, как и многие ее подруги, поехала на войну не за деньгами и славой, а для того, чтобы нам, мужчинам, помочь в выполнении своего воинского долга. И что бы ни говорили вам, женщины, вслед зануды и лгуны, знайте: мы никогда не забудем ваш гражданский подвиг, ваш самоотверженный труд в госпиталях, штабах и службах обеспечения, вашу материнскую заботу о советских воинах – вчерашних школьниках, волею судьбы оказавшихся за пределами своей страны. Честь и хвала вам, «афганки»!



В Афганистане корреспондент газеты лейтенант А. Краузе встретил свою любовь – служащую Советской армии Татьяну

Как говорится, любовь настигает людей неожиданно и в любом месте. Так было и в Афганистане: люди знакомились и создавали семьи. Именно здесь нашел свою вторую половинку наш корреспондент Александр Краузе. Его избранницей стала красивая, стройная и очень скромная девушка по имени Татьяна. Она работала официанткой в нашей офицерской столовой. Позже, в очередной отпуск, они вместе уехали в Советский Союз и там сыграли свадьбу. Медовый месяц прошел очень быстро, и, оставив молодую жену обустраивать семейный быт, Александр вновь вернулся в Афганистан.

Трагедия у кишлака Шаеста

«До конца выполнил свой воинский долг секретарь комсомольской организации подразделения, командир БМП сержант Власов С. Ю. Подразделение попало в засаду. Бандитам удалось отрезать от основных сил группу воинов. Комсомольский вожак не растерялся и смело вступил в бой, показывая личный пример мужества и героизма. Он вел огонь по противнику до тех пор, пока не кончились патроны. Тяжело раненный в область сердца, осознавая безвыходность положения и угрозу пленения,

отважный воин подорвал себя последней гранатой. За мужество и героизм сержант Власов С. Ю. посмертно представлен к высокой правительственной награде».

(Из информационного сборника политотдела 40-й армии)

В начале августа мне наконец выпал жребий ехать в длительную командировку в район боевых действий, которые начала вести 201-я мсд в афганской провинции Бадахшан. Помимо сбора материала для газеты мне надлежало доставить пачку свежего номера нашей и центральных газет в войска, участвующие в операции против незаконных бандформирований душманов.

Утвердив очередной номер газеты «За честь Родины» у нашего дивизионного цензора, я пришел в редакцию и дал солдатам распоряжение по поводу выпуска этого номера, а сам пошел готовиться к командировке.

Я надел маскировочный халат, представляющий из себя сетку, выкрашенную под камуфляж. Ноги обул в простые, грубые солдатские ботинки. На голове была выцветшая от палящего афганского солнца панама (она и сейчас лежит у меня в шкафу как память о службе в ДРА). На пояс повесил фляжку для чая, сумку с рожками для автомата, нож и кобуру для пистолета. Почистил свой «Макаров», проверил и тоже почистил автомат. Взял комплект боеприпасов, «лимонку» (граната Ф-1). Вставил фотопленку в свой безотказный «Зоркий-4». Больше решил ничего не брать, поскольку у меня с собой еще будет большой пакет с газетами.

Собравшись, я пошел на обед в офицерскую столовую. На первое был горячий вкусный борщ, на второе – мясная котлета с картофельным пюре и половинка ароматного огурца. На третье чай со сгущенкой. Плотно пообедав, я попросил поваров налить мне во фляжку чай. Осторожно взяв раскаленную больше от солнца, чем от чая, фляжку, я вернулся в расположение редакции.

В офицерскую палатку, где я ожидал оттиск свежей газеты, заглянул рядовой Стасенко и с улыбкой на лице доложил:

– Товарищ старший лейтенант! Газета готова, я ее хорошо упаковал, можете выезжать.

Потом добавил, глядя мне прямо в глаза:

– Товарищ старший лейтенант, возьмите меня с собой. Можно, я вам помогу везти газету, то есть поехать с вами в командировку!

Просьба Стасенко меня не удивила потому, что каждый раз, когда старший лейтенант Николай Бурбыга, лейтенант Краузе или прапорщик Сапега выезжали в войска, солдаты типографии просились с ними в район боевых действий. Однако это не всегда было возможным. Во-первых, поездка в район боевых действий была рискованной для жизни солдат; во-вторых, постоянный производственный процесс требовал, чтобы все работники типографии были на своих местах и выполняли свои обязанности. Выход газеты не должен был прекращаться ни на минуту, к тому же всегда было много заказов на мелкопечатную продукцию. Словом, работы всегда хватало для всех. Поэтому я, зная, что редактор не отпустит печатника вместе со мной в командировку, отказал солдату в его просьбе. Стасенко огорченно вздохнул и направился в типографию обслуживать печатную офсетную машину, а я пошел докладывать редактору о своей готовности к поездке.

– Ну, ты там поаккуратнее, – сказал мне на прощание старший лейтенант Бурбыга, – и не лезь туда, куда не просят! А то в прошлый раз Краузе ушел в рейд с мотострелковым батальоном и две недели ни слуху, ни духу от него. Такая заваруха была, что он едва жив остался! И долго не задерживайся. Газету распространил, собрал материал для следующего номера и сразу назад. Работы в редакции много. Если вопросов и просьб нет, забирай всё необходимое и отправляйся в авиаотряд – там найдешь попутный вертолет.

С тех пор как на аэродроме расположилась 201-я дивизия, в здании гражданского аэропорта Кундуз были размещены службы советской авиационной части. Узнав у диспетчера, что все вертолеты в уезд Кишим уже ушли и остался последний борт, я направился по крутой лестнице вниз, в помещение, где жили летчики отдельной вертолетной эскадрильи.

Расположение вертолетчиков было похоже на бомбоубежище: узкий длинный коридор, в котором очень тесно были расставлены солдатские кровати. Дневной свет скудно проникал сюда через маленькие окна под потолком. Было душно и пахло сигаретным дымом.

– Приятного аппетита! – сказал я, обращаясь к группе летчиков, закусывающих за столом. – Я ваш сосед из дивизионной газеты. Наша редакционная машина стоит рядом с вашей ТЭЧ (технико-эксплуатационная часть), и мне надо сегодня добраться до района боевых действий подразделений нашей дивизии в уезде Кишим. Диспетчер сказал, что ваш вертолет должен

туда лететь. Попутчика возьмете?

– Да. Сейчас отправимся, – ответил мне высокий худощавый летчик в летном комбинезоне без знаков различия. – Вот закончим ужинать и полетим.

Говоривший со мной авиатор оказался командиром вертолета, который должен был лететь в район Кишима. Он перехватил мой подозрительный взгляд на стол, где стояли стаканы с подозрительной прозрачной жидкостью, и сказал с усмешкой:

– Главное для нас – взлететь, а уж в воздухе никаких фонарных столбов нет – долетим, не волнуйся. Тебе чаю налить?

Деликатно отказавшись от угощения, я спросил, когда вылет.

– А вот сейчас чай допьем и вперед! Можешь идти и занимать место.

Решив не мозолить лишний раз глаза летчикам, я пошел на взлетную полосу, где стоял Ми-8, на котором мне предстояло лететь. Через несколько минут пришел экипаж.

В вертолете кроме меня пассажиров не было, и я пересел поближе к кабине летчиков и с удовлетворением обнаружил установленный впереди вертолета курсовой пулемет и прикрученные по стеклянным бокам бронещитки, которые хоть как-то прикрывали летчиков сбоку. У ног командира и штурмана лежали бронежилеты. Летчики надеялись, что «брони́ки» прикроют их от пуль душманов снизу.

Частые ранения и гибель летчиков на Ми-8 в ходе боевой работы в Афганистане заставили авиационное начальство модернизировать вертолеты этого типа. В ТЭЧ прибыла бригада мастеров, которые с утра до поздней ночи трудилась над улучшением бронировки кабин и устанавливали курсовые пулеметы. Наверное, в Министерстве обороны наконец поняли, что по отдельным вражеским снайперам, затаившимся на земле, тратить десятки реактивных снарядов слишком накладно. Достаточно пулемета в кабине летчиков, из которого техник вертолета мог вести прицельный огонь по наземному и воздушному противнику. Установка курсового пулемета на Ми-8 оказалась в условиях горно-пустынной местности Афганистана своевременной и очень полезной.

Прапорщик-техник бойко заскочил в салон вертолета, втянул за собой лестницу и закрыл люк. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее стали раскручиваться лопасти винта, и Ми-8 стал выруливать на взлетную полосу. Не

доезжая до полосы несколько метров, машина качнулась, как-то неестественно накренилась и остановилась.

– Что такое? – выругался командир. – Техник, посмотри, что там случилось?!

Техник открыл люк и выскочил наружу.

– Всё! Прилетели – шасси повреждено.

Командир в ответ с улыбкой сказал, обращаясь ко мне:

– Повезло тебе, старлей! Если бы это случилось при посадке – нам была бы крышка… Ну да ладно, починим. Серьезная поломка? – спросил он у прапорщика.

– Да нет, – ответил тот, – сейчас быстренько позову помощников, и всё исправим в лучшем виде!

«Плохая примета… А может быть, наоборот – повезло», – подумал я.

– Ну что, старлей, пойдем чай допивать? У нас там еще немного в чайнике осталось, – предложил мне командир, выскакивая из вертолета.

Отказавшись от «продолжения банкета» и взвалив вещмешок с газетами за спину, я снова пошел в диспетчерскую – узнать, есть ли еще варианты добраться по воздуху до Кишима.

– Можно с пересадкой через другой аэродром, но на ночь глядя я бы не советовал, – «обрадовал» меня диспетчер. – Да не волнуйся, сейчас быстренько исправят шасси, и полетите.

Делать было нечего, я вздохнул и пошел снова к летчикам. Через некоторое время в комнату отдыха пришел техник с сообщением, что всё в порядке – можно лететь.

– Ну вот видишь, а ты волновался. Полетели, журналист, – сказал мне командир.

Мы снова заняли свои места, вертолет вырулил на взлетную полосу и после небольшого разбега поднялся в воздух. Сначала земля быстро мелькала в иллюминаторах, потом всё медленнее и медленнее, и, наконец, после подъема на четырехкилометровую высоту стало казаться, что винтокрылая машина совсем неподвижна в прохладном воздухе. Подо мной медленно проплывали горы. Мы летели долго, как мне показалось. В небе было еще светло, когда мы подлетали к аэродрому, но когда стали приземляться, оказалось, что на земле уже совсем темно.

Приземлились мы удачно. Горы острыми зубцами окружали аэродром. Зайдя к коменданту, я узнал, что офицеры 201-й дивизии находятся в небольшой палатке на краю взлетной полосы. Командование дивизии уже отбыло к месту боевых действий. Меня встретил дежуривший в комендатуре офицер разведотдела (к сожалению, забыл его имя).

– О! Вот и подмога пришла! – увидев меня, радостно произнес он и тоном, не допускающим возражений, заявил: – Товарищ старший лейтенант, вы пойдете со мной проверять караулы. Посмотрите, как несут службу наши бойцы, и хорошую статью про них напишете.

Я не стал возражать и, положив привезенную мной пачку газет на табурет у дверей, пошел за разведчиком.

Как тесен мир! Через пять лет мы встретимся с ним (уже будучи слушателями военных академий) в Москве на Красной площади во время парада в честь 40-летия Великой Победы.

Пройдя по боевому охранению и проверив караульную службу, уже глубоко за полночь мы вернулись к штабной палатке и расположились на ночлег. Тут же, не раздеваясь, в обнимку с автоматом я забылся тревожным сном на выделенной мне кровати с матрасом без подушки.

Проснулся рано утром от громких криков и ругательств переводчика из разведотдела дивизии. Выйдя наружу, чтобы умыться, я увидел, что между палатками бегал невысокий, странного вида офицер. Странность его заключалась в том, что на голове у него была панама с очень широкими полями. Обычная солдатская панама казалась большой от того, что лицо переводчика было очень худым. От этого под панамой он был похож на гриб. Позже я узнал, что это был лейтенант Касымов – «двухгодичник». Его призвали на два года в армию после окончания педагогического института. По национальности он был азербайджанец, родом из Баку. Рано утром на попутном вертолете он должен был вылететь в район боевых действий.

– Какое несчастье! Проспал я! – переводчик бегал вдоль палаток и громко сокрушался. – Проспал! Как же так?! Ну как же так?! А вертолеты сегодня туда будут летать? – с надеждой спрашивал он офицеров из штаба.

Те пожимали плечами и пытались успокоить переводчика:

– Не мечись, успокойся. Давай умывайся, позавтракай, потом решим, что тебе делать.

За завтраком офицеры мне рассказали, как этот сугубо гражданский человек попал в Афганистан. После окончания педагогического института его призвали на два года в армию. Но о предстоящей службе в Афганистане ему сказали только тогда, когда он надел военную форму и принял присягу. Все его попытки предъявить справки о серьезной болезни желудка и необходимости соблюдения строгой диеты не помогли, его местные начальники из военкомата все равно отправили на войну.

Район боевых действий в провинции Баглан. Переводчик разведывательного отдела лейтенант Касымов (в центре) и начальник разведки 201-й мсд (справа), если мне не изменяет память, подполковник Рыженко

Немного пообщавшись с переводчиком, я понял, что этот «двухгодичник» – честный, добрый и открытый парень, который никогда не прячется за спины товарищей. У него постоянно болел желудок, поэтому он всегда носил с собой бутерброды и термос с чаем в большом черном портфеле. Представьте себе: небольшого роста, очень худой азербайджанец со смуглым лицом, в мешковатом камуфляже, на голове – широкополая солдатская панама, а в руках большой штатский черный портфель. В таком виде он ходил и на боевые рейды!

– Надо же! Из первого состава разведотдела дивизии в живых он остался только один, – рассказывали мне об этом переводчике офицеры. – Как наши

вошли в Афганистан, погибло уже два состава разведотдела дивизии, а его пули не трогают, всех офицеров пережил. Везунчик!

Плотно позавтракав, мы разместились в трех бронетранспортерах (БТР).

– Ты внутрь не залезай, сиди сверху, – сказал мне тоном бывалого вояки офицер-разведчик, – если вдруг подорвемся или шарахнут гранатометом, выживет тот, кто сидит на броне. Но держись крепко – дорога плохая, не вывались.

– Ничего, – ответил я, – бывало и хуже. – И крепко взялся за открытый люк машины.

Колонна разведчиков движется по узкому ущелью в район боевых действий

Мы двинулись к району боевых действий. Примерно через час наша бронегруппа медленно въехала в узкое ущелье. В душе у меня появилось нехорошее ощущение: то ли от нависших сверху гор, то ли от невозможности маневра в этом узком месте между уходящими вертикально вверх каменистыми

скалами. Очень высоко над нами виднелся только небольшой кусочек ярко голубого неба.

Впереди ехал БТР с разведчиками. За ним двигался наш бронетранспортер. Уже на выходе из ущелья под нашим БТРом вдруг сработал фугас. К счастью, заряд оказался не самый мощный – у бронемашины заклинило лишь рулевое управление. Нас, сидящих наверху, как ветром сдуло! Мне даже не удалось сразу понять, что произошло. Очнулся на камнях – в ушах звон. Сильно болит запястье левой руки – при падении на ней порвался металлический браслет от ручных часов. Что произошло? Не понимаю.

Обычно в Афганистане душманы старались подбивать из гранатометов или взрывать фугасами первые и последние машины в колоннах, но в этот раз почему-то «повезло» именно нашему экипажу.

Саперы обезвреживают фугас направленного действия, заложенный душманами в скалах у дороги

Меня слегка подташнивало от контузии, и сильно болело запястье левой руки. С соседнего бронетранспортера подбежал какой-то офицер и потряс меня за плечо. Сквозь звон в ушах слышу:

– Всё в порядке? Живой? Ну, повезло вам, ребята! Если бы фугас был помощнее, ничего от вас не осталось бы. Механики! Занимайтесь машиной! Всем офицерам штаба – пересесть на другой БТР, – приказал офицер и, глядя на меня, спросил: – Нужна медицинская помощь?

От помощи я отказался. Нашел между камней свои часы и с трудом залез в шедший за нами БТР. Кто-то принес и положил рядом на пол мой испачканный в глине вещмешок с пачками газет. Звон в голове стал меньше, но разговоры рядом сидящих бойцов мне были по-прежнему еле слышны.

Проверив оружие и боеприпасы, я с облегчением подумал: «Слава Богу, всё оказалось на месте». Даже в момент взрыва я не выпустил из рук свой автомат.

С трудом объехав поврежденную боевую машину, мы продолжили движение. Добрались до скал, спешились, навьючили на себя весь свой скарб, а я еще и газеты.

Подъем в гору с оружием и полным боезапасом – серьезное испытание не только на выносливость, но на твердость характера и силу духа

– Товарищ старший лейтенант, поможете связистам? – обратился ко мне офицер связи.

Посмотрев на нагруженных под завязку молоденьких солдат, я сжалился над ними и повесил себе на плечо еще и аккумуляторы к радиостанции.

Медленно поднимаемся вверх. С каждым шагом становится всё тяжелее и тяжелее. Учащается сердцебиение, сбивается дыхание. Мышцы ног отказываются работать. Мы поднимаемся все выше и выше, снизу доносятся выстрелы – там, в долине, ведут боевые действия части нашей дивизии. Поднимаемся на командно-наблюдательный пункт (КНП), где уже, видимо, давно находился начальник штаба 201-й дивизии полковник Д. Я. Стасюк.

Доложив ему о прибытии, я попросил разрешение развезти газету по частям.

– Сейчас не время, – прохрипел мне в ответ начштаба, – идут активные боевые действия, газету распространите позже. Пока побудьте на наблюдательном пункте. Если возникнет необходимость, поступите в распоряжение моего помощника, – сказал он, поднимая к глазам бинокль и наблюдая за ходом боя через проем поднятой одной из сторон палатки КНП, обращенной в сторону ведущих бой подразделений.

По его внешнему виду было видно, что начальник штаба измучен бессонной ночью: красные глаза, на лице щетина. Он уже не кричал, а хрипел в рацию. Голос был сильно осипший.

Начальник штаба 201-й мсд полковник Д. Я. Стасюк

– Разберитесь, что случилось с батальоном Кадырова, – обратился начальник штаба к рядом стоящему офицеру штаба. – Он не выходит на связь. Вот растяпа! Ему же было приказано постоянно докладывать о продвижении батальона. Пошлите вертолет, чтобы узнать, что там происходит!

Начальник штаба не знал, что разведчики майора А. К. Кадырова попали в западню. В узком ущелье душманы в первую очередь перебили связистов и почти всех офицеров, тем самым лишили разведбат связи. Затем, убив всех попавших в огневой мешок разведчиков, моджахеды под огнем оставшихся в

живых разведчиков все-таки собрали часть оружия погибших советских воинов и ножами добили раненых.

Выйдя из штабной палатки на край боевой позиции охранения КНП, я остановился около солдата. Он держал в руках СВД (снайперская винтовка Дегтярева).

– Ну, как винтовка, пристреляна хорошо? – обратился я к бойцу.

– Да, неплохо бьет, товарищ старший лейтенант, кучно, – ответил приветливо солдат.

С детства я был неравнодушен к оружию. Еще ребенком за несколько минут мог собрать самодельное настоящее малокалиберное ружье, состоящее из оконного шпингалета, резинки и шестимиллиметровой металлической трубки.

Увидев СВД в руках снайпера, я не удержался и попросил у солдата подержать в ее руках. СВД – великолепный снайперский комплекс. Винтовка отлично зарекомендовала себя во всех локальных войнах и военных конфликтах XX века.

Армейская снайперская винтовка СВД – одна из лучших винтовок мира этого класса

Последний раз из СВД я стрелял года три назад, когда служил в учебной танковой дивизии в поселке Десна, что близ Киева. Эта снайперская винтовка очень понравилась мне своим изяществом и утонченным совершенством формы корпуса и приклада. Холодная вороненая сталь этого смертоносного

механизма завораживает. Любой, взявший в руки СВД, сразу ощущает ее податливую приемистость и удобство в обращении. Винтовка становится как бы частью стрелка. Гладкий курок спускового механизма комфортно укладывается в основание передней фаланги указательного пальца. Правый глаз уже поймал и цепко удерживает на вершине уголка прицельной марки центр цели. Из подсознания стрелка, как будто помимо его воли, помчался нервный импульс, предназначенный только для тех мышц, которые равномерно в течение 7–8 секунд плавно начинают сокращаться. В какой-то момент между ударами сердца, когда в теле на мгновение замерли все нервные окончания, неожиданно для самого снайпера курок срывает «шептало» (часть спускового механизма) с боевого взвода, боек ударяет по капсюлю, и сгусток огненной плазмы посылает пулю к цели.

Непосвященному может показаться, что после выстрела девять граммов смертоносного металла с момента отделения от дульного среза ствола летят в вихре природных случайностей. Однако непредсказуемость полета пули – это проблема лишь для дилетантов. Скорость ветра, влажность воздуха, угол возвышения цели и многое, многое другое, известное только снайперу, будет не мешать, а помогать пуле неизбежно встретиться с целью в точно рассчитанном снайпером месте.

С неохотой отдаю снайперскую винтовку солдату. Взяв лежащий на бруствере бинокль, наблюдаю за разгорающимся внизу боем. Сверху хорошо видно, как подразделения продвигаются к небольшому кишлаку, расположенному у основания скалистых гор. Казалось, что горы близко от нас, но это был обман зрения. На самом деле до них было достаточно далеко.

Мотострелки выдвигаются на боевую позицию

Под нами в нескольких сотнях метров располагался другой кишлак, где также шел бой. Вдруг в мое поле зрения попала едва видимая из-за редкого кустарника фигурка афганца. Он, крадучись, приближался с тыла к нашим атакующим мотострелкам. Приглядевшись, я увидел в его руках снайперскую винтовку. Вражеский снайпер скрывался в кустарнике позади левого фланга мотострелкового подразделения, ведущего бой у первых домов кишлака. Скорее рефлекторно, чем сознательно, я выхватил снайперскую винтовку из рук рядом стоящего солдата, дослал патрон в патронник и прицелился в едва различимую в кустах фигуру душмана. «От боевых порядков наступающей роты до нашего КНП чуть больше семисот метров, – лихорадочно думал я. – Душман немного позади наших солдат. Значит, до него получается примерно семьсот метров. Кусты над головой бандита почти не шевелятся… Боковой ветер слабый, можно не учитывать…». На остальные поправки нет времени. Медлить нельзя – под угрозой жизнь молодых ребят. От волнения учащенно бьется сердце, что сильно мешает прицеливанию. Делаю два глубоких вдоха. Прекращаю дышать и, как учил меня в Свердловской спортивной школе мой наставник заслуженный тренер РСФСР по пулевой стрельбе Геннадий Григорьевич Лавринов, начинаю отсчет времени эффективного наблюдения глаза за целью: «Один..., два…, три…». Указательный палец привычно плавно наращивает давление на курок.

«Четыре…, пять…, шесть…».

Душман вдруг остановился, присел на колено и прицелился. Счет пошел не на секунды, а на мгновения. Из-за большой дальности мне едва удается удерживать прыгающую вершину уголка прицела в пределах малоразмерной цели.

«Семь…, восемь…».

Выстрел СВД поднимает облако пыли. В ушах звон, на зубах хрустят песчинки. После моего выстрела вражеского снайпера больше не было видно. По крайней мере, он себя больше никак не проявлял. Однако я на всякий случай продолжал вести наблюдение за ходом боя в бинокль.

Из палатки КНП выглянул подполковник.

– Кто стрелял?

– Тут снайпера душманов увидел, – опустив бинокль, ответил я.

– Попал?

– Точно не знаю, но, похоже, уложил. В общем, пока его работы не видно…

Подполковник перевел взгляд на посыльного солдата и приказал ему вызвать к начальнику штаба командира минометного взвода.

Еще раз внимательно осмотрев место, где был вражеский снайпер, и убедившись в том, что угроза с тыла нашим бойцам миновала, я вслед за подполковником зашел в палатку.

Полевой командно-наблюдательный пункт дивизии

Через минуту на КНП прибежал худощавый лейтенант в неказисто

одетой форме и доложил о прибытии. Как оказалось, он был призван в армию после окончания гражданского вуза на два года, и это было его первое участие в боевых действиях.

Начальник штаба подозвал лейтенанта к столу, на котором была расстелена карта.

– Ну-ка, дорогой, разворачивай свои минометы и аккуратненько, чтобы наших не задеть, положи мины во-о-о-о-т сюда, где у них пулемет, у крайнего дома, справа, – показал он минометчику.

– Есть! – ответил лейтенант и поспешил к своему взводу.

– Почему майор Кадыров не выходит на связь? Ведь он грамотный офицер… Что случилось? Непонятно…, – устало говорил полковник Стасюк.

За сопкой раздался минометный выстрел. Все вышли из палатки и стали смотреть на место ведения боя, рассчитывая увидеть там разрыв от мины. Но его не было, зато взрыв раздался совсем в другом месте и относительно недалеко от нас.

– Это пристрелочный, – прокомментировал кто-то из находящихся на КНП офицеров и добавил: – Второй будет там, где надо!

Однако от второго выстрела разрыв произошел уже совсем близко от места расположения нашего командно-наблюдательного пункта.

– Немедленно прекратить стрельбу из минометов! Этот горе-артиллерист нас всех угробит! – начал ругаться начальник штаба и, обращаясь к своему помощнику, приказал: – Ко мне этого… двухгодичника! Хотя нет, не надо, сейчас не до него… Потом с ним разберусь. Пусть только больше не стреляет!

– Товарищ полковник! – обратился офицер штаба, вернувшись от связистов. – Летчики докладывают, что видят разведчиков сверху: они передвигаются, но почему не выходят на связь – непонятно.

– Что-то тут не так, – задумчиво сказал полковник Стасюк, – пошлите на вертолете офицера из разведотдела, пусть он на месте посмотрит.

Вернувшийся через час офицер доложил начальнику штаба, что батальон понес большие потери: погиб практически весь личный состав одной роты и большая часть второй роты.

– Ведь чувствовал, что здесь что-то не так! – со злостью в голосе сказал начальник штаба. – Все в вертолет, летим туда!

На скалистом ровном плато недалеко от КНП дивизии приземлились два

вертолета Ми-8 и Ми-24. Срочно был сформирован десант и распределен по вертолетам. Заняв место в Ми-8, я думал, что мы сразу полетим к батальону майора Кадырова, но по приказу полковника сначала наш вертолет должен был доставить десант к месту боя другого подразделения.

Над местом боя. Летчики ищут место приземления для высадки десанта

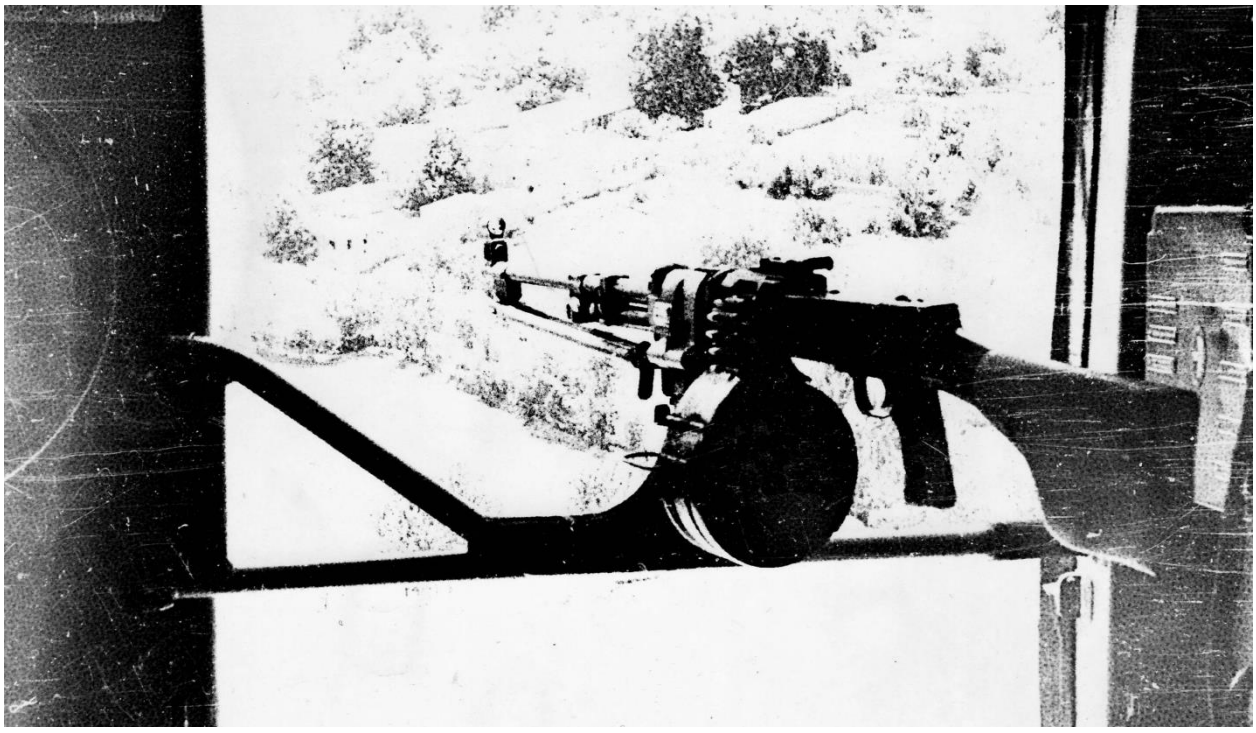
Прилетев в назначенный район, мы по спирали стали медленно спускаться между гор на плато. Вертолет завис в метре над землей, и солдаты один за другим быстро десантировались. Во время высадки никто и не заметил солдата небольшого роста, притулившегося в глубине корпуса вертолета за какими-то ящиками. Видимо, во время полета он задремал и проспал высадку десанта. Командир вертолета, не удостоверившись в том, что все солдаты покинули вертолет, начал подъем. Проснувшийся солдат кинулся к раскрытому настежь люку, на котором была закреплена турель с пулеметом. Мне едва удалось схватить его за шиворот, когда мы уже поднялись метров на сорок-пятьдесят над землей, иначе он бы разбился насмерть. По национальности солдат был казах или якут. Мы с летчиком-механиком с трудом его удерживали, а он все рвался к люку и кричал на ломаном русском языке: «Мне надо к своим! Мне надо к своим!» Снижаться на вертолете снова было нельзя – по нам начал вести стрельбу пулемет с господствующей высоты.

– Оттащите его от люка! – ругался из кабины командир, голос которого

был едва слышен сквозь шум от натужного рева двигателя вертолета. – Надо быстрее уходить отсюда, сейчас нас собьют к чертовой матери!

Подняться вертикально вверх в этом месте было невозможно, надо было снова подниматься по спирали вверх. Вокруг нас были горы, с которых нас легко можно было сбить даже из простой винтовки, не говоря уж про крупнокалиберное оружие или зенитные ракеты. Казалось, что мы поднимаемся очень медленно и с нависающих над нами гор душманы вот-вот в упор расстреляют наш вертолет. К счастью, этого не произошло. Лишь с отдаленной вершины к нам потянулись огни трассирующих пуль, выпущенных, очевидно, из крупнокалиберного пулемета. Бортмеханик был в кабине летчиков и стрелял из курсового пулемета. Бросившись к бортовому пулемету, я развернул его в сторону вражеского пулеметчика и дал длинную очередь. Но пули, не достигнув цели, упали вниз в ущелье. До огневой точки врага было слишком далеко. Зато трассирующие пули, выпущенные из крупнокалиберного пулемета, проходили совсем близко от вертолета, то справа, то слева. Летчики каким-то образом ухитрялись петлять в воздухе.

Вертолет сделал очередной резкий вираж, и я завис над широко раскрытым люком. В горячности боя я забыл про страховочный ремень, который должен надевать стрелок бортового пулемета. Вцепившись обеими руками в турель пулемета, я несколько мгновений висел над широко распахнутым люком. Центробежная сила не дала мне выпасть наружу, однако я на всю жизнь запомнил это ощущение свободного полета без парашюта над пропастью…



Вертолет только что вышел из зоны обстрела крупнокалиберного пулемета моджахедов

Наконец мы поднялись выше горного хребта и стали быстро удаляться от позиции расчета крупнокалиберного пулемета душманов. Обстрел вертолета продолжался до тех пор, пока пули не перестали до нас долетать. Набрав высоту, мы взяли курс на место засады, где приняли бой разведчики батальона майора Кадырова.

Прапорщик-бортмеханик сел рядом с понурившим голову солдатом в глубине вертолета и пытался его успокоить. Бойца можно было понять: товарищи высадились на поле боя, а он оказался, по сути дела, дезертиром и мог попасть под трибунал. Солдата было жаль, но единственное, что я мог сделать, – подтвердить его командиру, что он не предумышленно остался в вертолете, а просто заснул. Позже я так и поступил.

Вскоре наш вертолет произвел посадку на небольшой участок плоскогорья недалеко от группы офицеров из штаба дивизии, рядом с ними было сложено оружие погибших разведчиков, которое душманы не успели забрать с места засады.

Тут же, на большом камне, сидел с почерневшим то ли от боя, то ли от горя лицом майор Алибек Кадыров и писал объяснительную записку об обстоятельствах гибели разведчиков его батальона.

– Я даже сообразить ничего не успел! – взволнованно рассказывал еще

недостаточно пришедший в себя после боя офицер из особого отдела. Он был прислан в разведбат на период операции и в момент засады оказался в боевых порядках разведчиков.

– Только в ущелье втянулись, – возбужденно говорил он, жестикулируя трясущимися руками, – вдруг мощный огонь со всех сторон! Патроны в автомате и пистолете закончились моментально, стал зарываться в землю с помощью ножа, потом и его где-то потерял. Пришлось окапываться… вилкой – последним «оружием» солдата.

В подтверждение своих слов офицер показывал всем нам стальную вилку с изогнутыми в разные стороны зубцами.

Поодаль на плащ-палатках лежали раненые. Их готовили к отправке на вертолетах.

Пока эвакуировали раненых и погибших разведчиков, я попросил одного из выживших офицеров разведбата нарисовать схему боя, в котором он только что участвовал. Мы уселись прямо на камни. Чистой бумаги без записей в моей офицерской сумке не оказалось, и я предложил офицеру оборотную сторону листа, где по иронии судьбы была напечатанная на пишущей машинке моя очередная заметка о «мирной» службе военнослужащих одной из частей 201-й мсд.

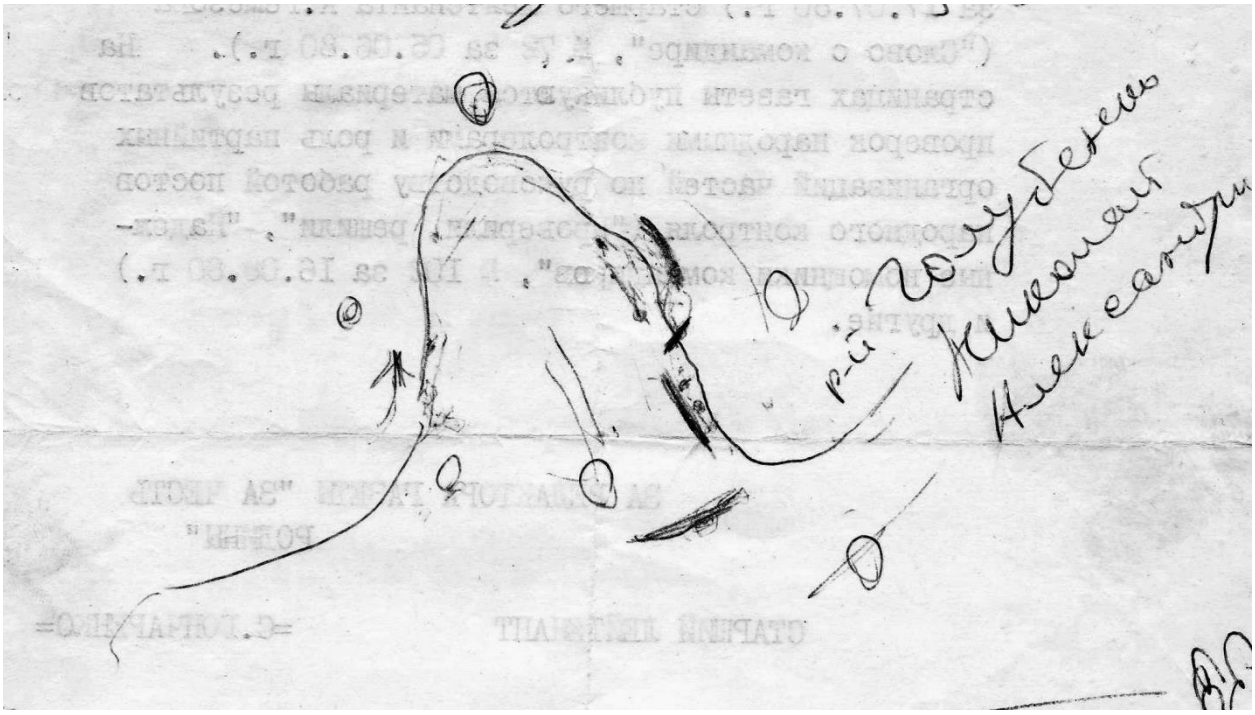


Схема боя в Машхадском ущелье, собственноручно нарисованная участником боя – одним из немногих выживших офицеров 783-го орб

Разведчик стал рисовать схему боестолкновения с отрядом моджахедов, при этом возбужденно жестикулировал и рассказывал о действиях в бою своего подразделения.

– Шли по ущелью в колонне. Между бойцами – два метра. Первая рота шла 150–200 метров впереди. Вдруг по нам спереди ударил пулемет, и был ранен командир. Вторая очередь скосила сразу нескольких солдат. И началось!..

Офицер нервно тыкал авторучкой в рисунок схемы боя, в те места, где гибли солдаты его подразделения, и обозначал кружками расположение пулеметных гнезд душманов.

– Эх, не успело боевое охранение выйти на господствующие высоты, – с сожалением сказал разведчик, заканчивая свой рассказ. – Да и перед засадой мы заночевали в «неправильном» месте, обозначив тем самым дальнейшее направление нашего движения.

– Мужики! – обратился к нам хриплым, но бодрым голосом то ли прапорщик, то ли офицер с ранением в грудь. – Дайте закурить!

Но медбрат, который только что его перевязал, посоветовал не давать ему сигарет. Пришлось ему отказать, и раненый, опираясь на медбрата, побрел к вертолету, на ходу отпуская шутки по поводу своей временной небоеспособности.

Майор Кадыров, положив на колено планшет, продолжал писать объяснительную. Солдаты приносили к месту сбора оружие и военное имущество погибших разведчиков.

Простреляннная насквозь радиостанция и оружие погибших разведчиков 783-го орб

Все офицеры штаба дивизии понимали, что Кадырову грозит суд военного трибунала, и жалели комбата. Особенно его жалели те из офицеров, кто непосредственно участвовал в реальных боевых действиях в горах, кому довелось осуществлять тактические маневры в условиях горной местности. Боевые офицеры понимали, что Кадыров попал в сложную и противоречивую тактическую ситуацию. Противоречивость ее состояла в том, что в соответствии с боевым приказом он должен был ускоренным маршем пройти по Машхадскому ущелью и помочь мотострелкам 149-го гв. мсп, попавшим в засаду у кишлака Яварзан. Но, выслав боевое охранение на господствующие высоты и дожидаясь, пока охранение достигнет вершин и окопается, комбат потерял бы очень много времени и не успел бы выполнить точно в срок боевую задачу. Наказание майору Кадырову за это с учетом боевой обстановки могло быть очень суровым. Поэтому комбат принял компромиссное решение: выслать боевое охранение и одновременно, не дожидаясь, когда оно займет позицию на господствующих высотах, начать продвижение по ущелью основных сил батальона. Возможно, замысел майора Кадырова удался бы, и батальон не попал в засаду. Однако комбат допустил роковую ошибку в выборе места для ночного привала батальона и тем самым раскрыл противнику дальнейший

маршрут следования батальона.

Дело в том, что накануне вечером батальон подошел к развилке двух ущелий, и майор Кадыров приказал остановиться на ночлег не перед развилкой ущелья, а в одном из них, тем самым обозначив дальнейшее направление движения подразделений. Комбат не знал (но как командир должен был это предполагать!), что за действиями его батальона в это время наблюдали разведчики отряда афганских моджахедов полевого командира Вазара Хистаки.

Поняв, в каком направлении с утра будет двигаться советское подразделение, душманы ночью заняли огневые позиции впереди наступающего батальона в змеевидном месте ущелья. На изгибах высохшего русла реки поставили пулеметы так, что ущелье простреливалось, как на ладони, спереди и сзади.

Казалось, что советские воины обречены, и выйти из такого огневого мешка живыми никому не удастся. Но «духи» просчитались. Полностью в огневой мешок попала только одна рота, и частично вошло второе подразделение разведбата. Несмотря на то, что первыми выстрелами вражеских снайперов были убиты почти все офицеры, наши воины сражались отчаянно и оказали сильнейшее сопротивление врагу.

Участник боя старший лейтенант Сергей Мигунов, будучи трижды ранен, продолжал руководить боем. В критический момент офицер собрал оставшихся в живых семерых разведчиков и пошел с ними на прорыв. Из окружения со старшим лейтенантом Сергеем Мигуновым удалось прорваться, к сожалению, лишь трем разведчикам. Позже за проявленные мужество и героизм в бою старший лейтенант Сергей Мигунов и другие разведчики были представлены к правительственным наградам.

В том далеком 1980 году на весь мир с едва скрываемым ликованием и злорадством радиостанция Центрального разведывательного управления США «Голос Америки» вещала, что афганским моджахедам «впервые удалось уничтожить целую советскую воинскую часть».

Много лет спустя екатеринбургский военный журналист Владислав Майоров в своей книге напишет о подвиге моего земляка, свердловчанина, сержанта Сергея Власова, погибшего в том тяжелом бою у афганского кишлака Шаеста.

...«Духи» нависали над разведвзводом черным крылом. Они были всюду, и всюду – кинжальный огонь. Сержант Власов, наиболее опытный из бойцов, приказал: «Раненым отходить в укрытие». А сам с парнишкой из Ленинграда встал насмерть на пути моджахедов. Но он был еще жив и крикнул Саше Гужову, пытавшемуся вернуться: «Назад! У тебя жена и маленький ребенок. Ты уцелеешь! Я прикрою». Солдаты, раненые и контуженые, укрылись под небольшим мостом через горный арык. Короткая жизнь Сережи отсчитывала последние мгновения. Уже лежал убитый парнишка-ленинградец с гранатой в руке. Сам сержант Власов, раненный в голову и расстрелявший остатки патронов, ждал подходящих к нему душманов. Бережно разжал пальцы своего погибшего товарища и взял гранату… В далеком Свердловске младшая сестренка Света и мама готовили ужин семье. Они думали о Сереже, он думал о них. «Духи» обступили «шурави» в зверином предвкушении расправы. И тогда русский солдат сорвал кольцо гранаты…

Когда Саша Гужов приехал в Свердловск, он встал перед родителями Сергея на колени: «Сережа спас мне жизнь». Через год после гибели Сергея командир 2-й разведроты старший лейтенант Марчук написал его родителям: «Сережа нами не забыт, мы помним его и всех, кто погиб в том бою с мятежниками. Спасибо вам за воспитание Сережи – настоящего человека и патриота своей Родины».

Память о Сергее достойна его подвига. Комсомольский билет войскового разведчика сержанта Сергея Власова, награжденного посмертно орденом Красной Звезды, хранится в Центральном музее Вооруженных Сил России. Сотни тысяч людей за эти годы узнали, что был такой парень с Урала, внук фронтовика, сражавшийся до конца и не сдавшийся врагу. В родном профессиональном училище Сергея «Кулинар», что на улице Луначарского в Екатеринбурге, есть памятная доска, посвященная ему. Один из его наставников и педагогов, ныне директор училища Александр Михайлович Бабкин вспоминает: «Сережа Власов успешно осваивал учебную программу, был скромен, трудолюбив. Узнав об обстоятельствах его гибели, мы были потрясены: это настоящий герой! Несколько поколений наших учащихся знают о подвиге этого удивительного паренька, которого мы никогда не забудем».

Да, в августе 1980 года в Машхадском ущелье уезда Кишим у высоты 3408 погибло много воинов 783-го орб и приданных ему на период операции бойцов 3-го мотострелкового батальона 149-го гв. мсп (49 военнослужащих погибли, 48 получили ранения различной степени тяжести, один скончался от ран уже в госпитале), но никто не струсил, не сдался. Бок о бок бесстрашно

сражались солдаты – представители почти всех национальностей Советского Союза. Разведчики майора Кадырова выдержали бешеный натиск превосходящего противника и тем самым вновь продемонстрировали непобедимость и мужество отважных советских воинов.

Иной скептик может зло ухмыльнуться и сказать, мол, пропаганда всё это, «совковый» пафос! Нет, господа! Все мы ощущали себя воинами не своих маленьких автономных или союзных республик, а многовековой России. Однажды в одном из боев мне довелось стать свидетелем совместной атаки советских мотострелков-таджиков и солдат афганской армии, которые по национальности тоже были таджиками. Душманы тогда оказали сильное сопротивление и открыли ураганный огонь из пулеметов по объединенной группе советских и афганских войск. Афганские таджики проявили себя, мягко говоря, нерешительными солдатами. Их офицеры пытались поднять в атаку своих подчиненных, но безуспешно. И тогда с непонятными мне криками в атаку пошли советские таджики, все как один в едином порыве в считанные минуты опрокинули противника.

В Афганистане каждый из нас, зачастую неосознанно, понимал, что мы – солдаты Великой державы – СССР и по негласным законам наших предков мы не можем, не имеем право отступать!

Соколы Кундуза

«Майор В. К. Гайнутдинов – мужественный и бесстрашный воздушный боец. Однажды возглавляемая им группа из 12 вертолетов выполняла сложную задачу по огневой поддержке одной из частей 201-й дивизии. Группа совершила 48 боевых вылетов. Летчики осуществляли прикрытие и огневую поддержку мотострелков, ведущих тяжелый бой с противником; вертолетчики вскрывали засады и сборные пункты мятежников, уничтожали их своим бортовым оружием. В разгар боя вертолет капитана Б. Копчикова получил повреждение от огня противника и произвел вынужденную посадку. Экипаж майора Гайнутдинова пришел на помощь товарищам. Всем бортовым оружием летчики не давали приближаться душманам к сбитой винтокрылой машине до тех пор, пока не был эвакуирован весь экипаж сбитого вертолета…»

(Из наградных документов на заместителя командира части по

летной подготовке, летчика I класса, майора Вячеслава Карибуловича Гайнутдинова)

Хочу отдельно рассказать о боевой работе наших соседей – авиаторов части, дислоцированной на кундузском аэродроме.

Боевые рейды частей и подразделений 201-й мсд проводились практически ежедневно, поэтому на аэродроме движение и суета начинались с раннего утра и продолжались до поздней ночи. Садились и взлетали боевые вертолеты с десантом или боеприпасами. Из Союза на больших грузовых самолетах привозили солдат и офицеров, снаряжение, оружие и военное имущество.

Вертолет Ми-8 – самый массовый вертолет афганской войны

Преклоняюсь перед мужеством и отвагой пилотов вертолетов Ми-8. По сути, это гражданский вертолет. В начале афганской войны слабо вооруженный, без брони, этот вертолет выполнял функции боевой машины.

В редакцию часто заходили летчики. Это были герои-романтики, влюбленные в небо, для которых небо – это и жена, и семья, и вся жизнь. С одним из них я познакомился, когда к нам в редакцию пришла в гости группа наших соседей-авиаторов. Его фамилию, к сожалению, время стерло из моей памяти. Он, кажется, был замполитом авиаторов. Это был лихой парень. Посещая нашу редакцию, он много рассказывал о подвигах своих друзей, товарищей по оружию.

Однажды мой знакомый предложил мне слетать с ним на вертолете и испытать чувство полета. По военной специальности я танкист и понимаю, что «рожденный ползать, летать не может», но искушение было слишком велико, и я охотно согласился.

В День авиации мы полетели с ним на прогулку над окрестностями кундузского аэродрома. Ощущения от полета на Ми-24 трудно передать словами! Авиатор посадил меня в переднюю кабину вертолета, где сидит штурман-стрелок. Кабина этого винтокрылого монстра представляет собой выпуклый прозрачный «кокон», откуда даже боковым зрением не видно корпуса машины, и возникает полное ощущение того, что ты самостоятельно летишь в небе! Ощущаешь себя при этом свободно парящей птицей.

Великолепный, изящный, с всесторонне продуманной, рациональной компоновкой и хорошей броней, Ми-24 был в то же время страшной, уничтожающей всё на своем пути машиной смерти. Вертолеты этого типа – быстрые, маневренные, с мощным вооружением – были настоящим кошмаром для душманов. Ми-24, который американцы называют «совершенной машиной уничтожения», и сегодня является одним из лучших вертолетов мира.

Вертолет Ми-24 («крокодил») – один из лучших боевых вертолетов мира, гроза афганских моджахедов

Видимо, для усиления этого впечатления летчик сделал крутой вираж, затем «горку» и резко пошел вниз. Мне показалось, что мы чуть-чуть не коснулись травы на земле! Потом вертолет взмыл вверх, мы еще раз прошли по кругу над аэродромом. Затем прошли на бреющем полете вдоль дороги, по которой шли гуськом несколько афганцев. От шума вертолета, летящего прямо над ними, они разбежались в разные стороны. В ответ на эту «шалость» я помахал кулаком сидящему позади авиатору, шутливо осуждая его за то, что тот напугал местных жителей. Афганцы же, поняв, что им ничего не угрожает, вернулись на дорогу, а мы полетели обратно на аэродром и благополучно приземлились.

Поблагодарив летчика за экскурсию в небо, я пошел вдоль взлетной полосы в расположение редакции. Вдруг раздался оглушительный взрыв. Повернув голову в сторону взрыва, я увидел за палатками, где предположительно располагалась редакция, черный гриб из пыли и дыма. В душе у меня неприятно защемило. «Неужели в очередной раз солдаты принесли в свой прицеп боеприпасы?» – с ужасом подумал я и ускоренным шагом пошел в расположение редакции. Но, к счастью, я ошибся, взрыв произошел значительно дальше нашего расположения. Недалеко от аэродрома, за боевым охранением на равнине упал вертолет. Позже я узнал, что командиром этого вертолета оказался майор Вячеслав Гайнутдинов.

Однажды при выполнении боевой задачи с группой десантников на борту майор Гайнутдинов посадил вертолет на неразведанном аэродроме в районе действий мятежников. Успешно высадив бойцов спецназа, летчик-снайпер нанес НУРСами (неуправляемый реактивный снаряд) точный и неожиданный удар по опорному пункту противника, чем обеспечил успешное выполнение боевой задачи тактическим десантом.

Вылеты на разведку были обычной работой летчиков. Был случай, когда экипаж вертолета майора Гайнутдинова попал в очень трудную ситуацию. Вместе с офицерами разведотдела дивизии летчики проводили облет местности, контролируемой мятежниками, и были обстреляны. Вышли из строя навигационное оборудование и основная гидросистема, была пробита лопасть несущего винта. Однако мужественный летчик сумел привести боевую машину

на свой аэродром, произвести посадку и доставить командованию соединения ценную информацию.

Герой Советского Союза майор В. К. Гайнутдинов

Спустя всего три месяца после этого случая майор Гайнутдинов, выполняя учебный полет над аэродромом, попал под огонь крупнокалиберного пулемета душманов. Как нам потом рассказали летчики, на его вертолете была перебита хвостовая часть. Вертолет потерял управление и упал рядом с аэродромом. Вот так погиб один из первых Героев Советского Союза в Афганистане майор Вячеслав Гайнутдинов.

Приказом Министра обороны СССР Герой Советского Союза майор В. К. Гайнутдинов зачислен навечно в списки 1-й эскадрильи 181-го отдельного вертолетного полка.

Прием у губернатора провинции Кундуз

«Командиру в/ч п.п. 79942
майору Набко Н. К.

Донесение

При следовании на оперативный аэродром в район Пули-Хумри в составе комендатуры рядовые А. Бусыгин и В. Старкин были обстреляны бандой мятежников. В результате обстрела были выбиты стекла в автомобиле МАЗ-500 ТЗ-7,5 рядового В. Старкина, но, сохранив мужество и самообладание, рядовой В. Старкин ответил огнем из автомата, отразил удар противника и помог своим товарищам уничтожить врага. Поставленная боевая задача была выполнена своевременно и с высоким качеством.

Командование батальона представило рядового Старкина к награждению медалью «За отвагу», рядового Бусыгина – медалью «За отличие в воинской службе II степени».

Заместитель командира в/ч п.п. 79942
по политчасти майор Остапец М. Г.»

Осень в Афганистан пришла как-то незаметно: здесь почти нет деревьев, с которых опадает листва. Жара днем практически не спадает, как и летом. Наши войска продолжали вести боевые действия в провинции Баглан. Приближался один из самых значимых советских праздников – 7 ноября. Губернатор провинции Кундуз, который одновременно возглавлял местную ячейку НДПА, в честь праздника Великой Октябрьской социалистической революции пригласил группу офицеров 201-й мотострелковой дивизии на банкет. Мне было поручено осветить это торжественное мероприятие в нашей газете. Взяв фотоаппарат, авторучку и блокнот, я с приглашенными офицерами из штаба сел в БТР и выехал из военного городка в направлении города Кундуза.

Готовясь к официальной встрече с руководством провинции, я сходил в расположение БАПО (боевой агитационно-пропагандистский отряд). Там оказался лейтенант Салахетдинов, он помог мне выучить несколько афганских слов и выражений, с помощью которых я смог бы пообщаться с представителями местной власти. Язык дари не является родственным славянскому, поэтому он показался мне довольно сложным для произношения. Тем не менее «краткосрочные курсы» по изучению языка мне очень помогли потом в общении с афганцами на приеме у губернатора.

К первому контрольно-пропускному пункту мы прибыли значительно раньше, чем предполагалось. Надо сказать, что место проведения праздника

очень хорошо охранялось. Вокруг резиденции губернатора было создано три плотных кольца на дистанции прямой видимости. Первое кольцо состояло из ополченцев – членов НДПА. Второе – из местной полиции «Царандой». Третье было непосредственно вокруг резиденции и состояло из работников службы государственной безопасности, которая называлась «ХАД».

Возглавлял делегацию офицеров 201-й мсд сам командир дивизии полковник В. А. Степанов. Преодолев эти три кольца оцепления, мы направились в празднично оформленный дом. Пройдя сквозь красивые большие комнаты, мы вошли в большой, ярко освещенный зал, где были накрыты столы. На столах было много того, чего в полевой жизни мы не видели: плов, люля-кебаб, всевозможные фрукты и деликатесы. Там же стояла водка «Российская». Именно тогда я впервые увидел бутылки с надписью «Фанта» и «Кока-кола». Для нас эти напитки были в диковинку, в Советском Союзе они широко не продавались. Оказалось, что и «Фанта», и «Кока-кола» хорошо сочетаются с крепкими напитками и отлично утоляют жажду.

Командир 201-й мсд полковник В. А. Степанов

Первым выступил губернатор провинции Кундуз, он поздравил всех присутствующих с днем Великой Октябрьской социалистической революции, пожелал здоровья и успехов в оказании интернациональной помощи афганскому народу. С ответным словом выступил полковник Степанов. Он

поблагодарил губернатора за помощь и содействие в размещении личного состава дивизии и произнес тост за дальнейшее укрепление дружбы и боевого братства между нашими народами. Оба выступления были отмечены бурными аплодисментами. После этого выступили еще несколько ораторов, и настало время дегустации всего, что было предложено.

Особо хочу отметить восточный плов. Честно говоря, раньше я никогда не ел такой вкусной пищи! С чем это связано, не знаю. Видимо, приготовление на открытом огне, в специальном казане, особые приправы и мастерство повара сделали из обычного риса просто произведение кулинарного искусства. Плов был очень рассыпчатый и вкусный, не очень жирный, вперемешку с зеленью и кусочками нежнейшего ароматного мяса. Люля-кебаб, который я там попробовал, также не шел ни в какое сравнение с аналогами, приготовленными в лучших ресторанах СССР. Поедание его вызывает ни с чем не сравнимое ощущение наслаждения и гастрономического счастья.

На приеме у губернатора провинции Кундуз в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции командир 201-й мсд полковник В. А. Степанов (третий справа)

Рядом со мной за стол сел смуглолицый офицер в форме афганской

армии. Вдруг он заговорил на чистом русском языке. Удивившись, я спросил у него, где он так хорошо научился говорить по-русски. Оказалось, что этот офицер не афганец, а мой земляк-свердловчанин! Он был военным советником и проходил службу в одной из местных афганских частей. Мы выпили с ним за наш город, за свердловчан и вообще за Урал и уральцев. Под хорошую выпивку и закуску земляк оживленно рассказывал нам о порядках и традициях в вооруженных силах Афганистана, о народных обычаях и нравах племен, проживающих в зоне ответственности нашей дивизии.

Довольно быстро было выпито всё спиртное, и банкет официально завершился. Участники вечера разбились на отдельные группы. Командир дивизии и губернатор вместе вышли из зала, а офицеры продолжили общение, что называется, по интересам. Присоединившись к группе местного руководителя ХАДа, мы вышли из здания и прошли в его апартаменты в одноэтажном доме, где продолжили общение за праздничным столом.

Когда спиртное вновь закончилось, кто-то из участников застолья предложил пополнить «боезапас». Это сделать вызвался мой земляк.

– Нет проблем! – сказал он. – Я знаю здесь все места, где продается рисовая самогонка! – И, обратившись ко мне, предложил: – Станислав! Составишь мне компанию?

Честно говоря, эта идея мне не очень понравилась, но показаться трусом не хотелось. Поэтому мне ничего не оставалось, как согласиться на эту авантюру.

Надо отметить, что сами афганцы рисовую самогонку не употребляли. Производили ее местные жители исключительно для продажи советским военнослужащим. Иногда это было смертельно опасным для здоровья: нет, сама-то самогонка была довольно хорошая, только ее любителей смерть поджидала в Кундузе буквально за каждым углом. Даже днем советским военнослужащим в одиночку ходить по Кундузу было опасно. Офицеры и солдаты пропадали бесследно. Участь их была печальна. Они либо попадали в плен, и их продавали в рабство, либо их тела уже без головы находили в расщелинах гор.

Но, как говорится, «пьяному море по колено». Мы бойко заскочили в УАЗик моего земляка и, миновав все три кольца оцепления, поехали в темноте по Кундузу. Афганцы, стоявшие в оцеплении, с недоумением смотрели на двух

сумасшедших русских, которые без охраны направились куда-то по темным и безлюдным улицам незнакомого им города.

После посещения нескольких нелегальных алкогольных точек, где могла продаваться самогонка, мы наконец-то нашли то, что искали. Мой земляк радостно показал два пакета, в каждом из которых было по пол-литра рисовой самогонки. Пакеты были завязаны узлом. К большому удивлению сотрудников охраны банкета мы вернулись обратно целыми и невредимыми и продолжили банкет.

– Русские парни и на необитаемом острове, пожалуй, найдут водку, – то ли в шутку, то ли всерьез подвел итог нашей бесшабашной «вылазке» в ночной Кундуз один из пировавших с нами офицеров ХАДа…

В расположение части все мы возвратились уже глубокой ночью. Впечатления от праздника остались очень яркие, так как афганские офицеры за праздничным столом много и откровенно рассказывали об афганском народе и истории этой многострадальной страны.

В повседневной жизни мы мало общались с гражданскими лицами, представителями афганских властей и чиновниками, поэтому общение на подобного рода мероприятиях помогало нам лучше узнать своих коллег и понимать специфику их работы. Активисты НДПА и офицеры народной армии Афганистана были убеждены в том, что их деятельность помогает афганскому народу стать счастливым и свободным от какого-либо насилия. Они искренне верили, что совместными усилиями мы способны остановить молох гражданской войны и установить мирную жизнь для всех афганцев. Северный дружественный сосед – СССР пришел в Афганистан не как захватчик, а как их помощник.

Многие офицеры вооруженных сил Демократической Республики Афганистан учились в военных учебных заведениях СССР и знали русский язык, поэтому легко находили общий язык с советскими военнослужащими

Очень жаль, что судьба этих честных и мужественных людей после вывода наших войск сложилась трагично. Многие из них погибли или были вынуждены эмигрировать из страны, чтобы избежать террора радикальных исламистов.

Командировка в Ташкент

«Начальнику политического
отдела в/ч п.п. 84397

Донесение

Колонна со строительными материалами (старший колонны майор Савченко В. В.) в 11 часов местного времени совершала марш из населенного пункта Термез (СССР) в населенный пункт Кундуз (ДРА). В районе нас. пункта Баглан колонна была обстреляна мятежниками.

Водитель рядовой Насруллаев Хайдаржан Лутфуллаевич, старший машины зам. командира батареи (4 бат.) по политчасти лейтенант

Токарев Евгений Иванович ехали в замыкании колонны.

При обстреле колонны оба приняли участие в отражении нападавшего противника. После того, как колонна двинулась дальше, одиночным выстрелом мятежника был тяжело ранен водитель рядовой Насруллаев Х. Л. в левую сторону лица. Автомобиль ЗИЛ-131 пошел под откос, и только благодаря лейтенанту Токареву Е. И., который взял управление машиной на себя, были спасены водитель и старший машины, а также сам автомобиль. Лейтенант Токарев Е. И., не замечая, что он сам легко ранен в левую лопатку, обогнал колонну с тяжело раненным Насруллаевым Х. Л., взял другого водителя и в 20 часов 40 минут доставил его в медсанбат.

Рядовой Насруллаев Х. Л. был уже в агонии и через 10 минут скончался в медсанбате.

Водитель рядовой Насруллаев Х. Л. 1960 г. рождения (12 февраля), узбек, член ВЛКСМ с 1978 года, образование 10 классов, в СА с ноября 1978 г., военную присягу принял 17.12.1978 г., призван Папским РВК Наманганской области Узбекской ССР. Состав семьи – отец Насруллаев Лутфило (1932), мать – Эрмина (1935), брат – Алижан (1955), Валижан (1958), Собир (1965), Охил (1969), Шухрам (1972), сестра – Саодат (1962).

В этой же колонне был ранен в левую щеку старший машины сержант Дехканов Абдула Хашимович, рана неопасная (ранена мякоть лица).

Сержант Дехканов А. Х. 1958 г. рождения (19 июня), узбек, член ВЛКСМ с 1978 г., образование 10 классов, призван 10 мая 1979 г., военную присягу принял 3 июня 1979 г., проживает в поселке… Ходженийского района Ленинобадской области. Состав семьи: Шерматова Ойбиби (1937), брат – Дехканов Ботур (1960 г.р.).

Заместитель командира в/ч. п.п. 53349
по политчасти майор Ю. Мельниченко»

Расходные материалы, полученные мной для типографии, еще когда мы были в Термезе, заканчивались. И мне необходимо было ехать в командировку в Ташкент за бумагой, краской и запасными частями к оборудованию типографии.

– Поезжай в автобат, – инструктировал меня Николай Бурбыга, – там получишь КАМАЗ. Только хорошо проверь его – путь неблизкий: по территории Афгана, потом по территории Союза. На складах ТСП (технические средства пропаганды) ТуркВО получите все необходимое. Возьми с собой второй подсумок с патронами: что-то в последнее время часто стали

обстреливать наши колонны. Будь предельно осторожным и внимательным!

– Постараюсь все сделать, как надо, – заверил я редактора и пошел в автобат. Там мне выделили машину и предоставили водителя – веселого, разговорчивого солдата-кавказца.

Выехали рано утром в составе колонны из десяти КАМАЗов. Остальные машины шли в Ташкент за различными грузами и продуктами. Сев в кабину, я первым делом спросил у водителя:

– Ты проверил и почистил свой автомат?

– Так точно, товарищ старший лейтенант! Вот, можете проверить, – ответил водитель с характерным кавказским акцентом.

Действительно, автомат был закреплен рядом с водителем на специальных держателях и просто сиял чистотой.

– А как ты собираешься стрелять на ходу, если мы наткнемся на засаду? – Спросил я солдата.

– Вот так… – ответил он и, ловко присоединив рожок обоймы, высунул в открытое боковое окно ствол автомата. – Одной рукой держу «баранку», а другой веду огонь по врагу, – пояснял свои действия солдат.

Уверенные манипуляции водителя с автоматом мне понравились. Но про себя подумал: «Ну, это мы сейчас не под пулями, а как он себя поведет в реальной боевой обстановке?..»

До Баглана наша колонна грузовиков доехала без происшествий. На окраине я обратил внимание на ряды разрушенных домов, как будто прошел метеорит вдоль квартала. На этом участке дороги местные душманы очень часто нападали на советские грузовики с армейским грузом, и тогда в придорожных кварталах происходили скоротечные бои с переменным успехом.

Не прошло и пяти минут движения нашей колонны по Баглану, как вдруг справа и слева по нам ударили автоматные очереди. К счастью, часть пуль прошла рикошетом, а остальные только насквозь пробили тент машины, нас не задело. Я вскинул автомат и через открытое окно, почти не глядя, стал стрелять короткими очередями по развалинам домов, из которых велся огонь по нашей колонне. Сквозь грохот выстрелов я слышал щелканье затвора автомата водителя, но выстрелов не было. Наша колонна на предельной скорости мчалась вперед через перекрестия огненных нитей от трассирующих пуль. Через несколько секунд огонь прекратился, ни одна машина не получила

серьезных повреждений, потерь личного состава в нашей колонне тоже не было. Проехав Баглан, мы остановились в поле и стали осматривать машины.

Во время боя оружие моего водителя так и не выстрелило ни разу.

– Ты же сказал, что подготовил свой автомат! – еще разгоряченный боем, я едва сдерживал себя от возмущения халатностью солдата.

– Так точно! Автомат я подготовил, но забыл почистить обоймы к автомату, – оправдывался водитель. – Они как были в пыльном подсумке, так там и лежали. Вот и заклинило подачу патронов.

Одним словом, если бы нашу машину подбили, нам пришлось бы обороняться только одним моим автоматом и пистолетом…

В «сочных» выражениях я высказал водителю всё, что думал о нем, о его автомате, о его командирах и о порядке, а точнее беспорядке, в части, где он проходил службу. Немного успокоившись, мы расселись по местам, и колонна двинулась дальше. До границы с Союзом доехали без происшествий и, минуя пограничников, двинулись по родной земле.

По обе стороны дороги снова увидели родную картину: доски, разнообразный стройматериал, без присмотра лежащий вдоль дороги, чего в Афганистане не увидишь никогда. Это для афганцев – все равно что золото разбрасывать. В свое время я обратил внимание на то, что на афганском рынке даже обычную мелкую щепу продают на вес, как урюк и апельсины. Все дорожные знаки на трассах сделаны из металла или бетона. Дерево в Афганистане – это не только дефицитный строительный материал, но и драгоценное топливо. Афганцы умудряются даже на маленьких грядках выращивать тонкие и высокие деревья неизвестной мне породы. Ствол этого растения достигает в диаметре 7–10 см. Такие жерди они потом аккуратно срезают и используют в строительстве, как балки в глинобитных домах.

На родной земле в первом же придорожном кафе я купил две бутылки лимонада – для себя и водителя. Мы оба с жадностью выпили напитки, утолив сильную жажду, и продолжили путь в Ташкент.

Столица солнечного Узбекистана после восстановления от землетрясения была в то время, пожалуй, одним из красивейших городов Советского Союза. Построенный фактически заново Ташкент весь утопал в зелени. Самобытная архитектура домов, необычная планировка, чистота на улицах, доброжелательность жителей, богатый базар – всё это значительно выделяло

его среди других советских среднеазиатских столиц. На рынке Ташкента тогда можно было купить всё что угодно: от обуви до фруктов. По вечерам на площадках многих кафе и ресторанов ярко горели прожектора. Большой популярностью у офицеров и прапорщиков, приезжавших в столицу Узбекистана, пользовались рестораны «Голубые купола», «Заравшан», «Дустлик».

Определив солдат на постой в казарму на местных военных складах, офицеры нашей колонны пошли ужинать в «Заравшан». Стоящий на входе в ресторан швейцар сразу определил в нас «военных из-за речки» – так называли офицеров и прапорщиков, приезжавших в Ташкент из Афганистана. Он проводил нас к очень радушному метрдотелю, который посадил нас на самые лучшие места перед сценой. На сцене уже выступали артисты. В ресторане было немного посетителей. За соседним столиком сидели девушки и заинтересованно на нас посматривали.

Мы сразу поняли, с какой целью эти девицы находятся в ресторане. Офицеры, которые уже раньше бывали в Ташкенте, рассказывали нам о таких девушках. По внешнему виду они легко вычисляли военных, прибывших из Афганистана. «Афганцы» были очень загорелыми, и на них была надета выгоревшая на солнце полевая форма. А еще работники питейных заведений Ташкента и девушки «легкого поведения» знали, что у таких военных, как правило, имелись немалые суммы денег в рублях и чеках.

В Афганистане зарплату советским военнослужащим и гражданскому персоналу выдавали чеками Внешпосылторга

Чеки – это валюта советских времен. Чек, как обычная денежная ассигнация, представлял собой бумажную купюру номиналом от копейки и выше. Все военнослужащие и гражданские лица, находящиеся за границей, получали тогда две зарплаты – в чеках на руки и в рублях на книжку. Чеками можно было расплачиваться в магазинах на территории воинских частей и посольств. Чеки можно было обменять на рубли в специальных обменниках на территории Союза или реализовать через сеть магазинов «Березка». Чеки в Ташкенте котировались очень высоко, как доллары. Но если за использование долларов предусматривалось уголовное наказание, то чеки официально были разрешены к обмену. И хотя чеки по номиналу должны были обмениваться один к одному, неофициально у спекулянтов в Ташкенте их курс был один к двум, а в других городах СССР и того больше.

Догадываясь о целях ресторанных девиц, мы не стали с ними знакомиться и, поужинав, удалились в свои гостиницы. На следующий день предстояла большая работа по погрузке необходимых материалов, а на второй день надо было ехать обратно. Все прошло благополучно, и через два дня колонна двинулась обратно к границе с Афганистаном.

На границе таможенник цепким взглядом осмотрел мою фигуру и буквально впился своими глазами мне в зрачки, чтобы вовремя уловить волнение, которое, наверное, непроизвольно охватывает контрабандистов при проверке перевозимого ими запрещенного груза.

– Что везем, непредусмотренное правилами? – спросил он, не отрывая глаз от моих зрачков.

– Ничего запрещенного в кузове и у меня лично не имеется, – ответил я, глядя прямо ему в глаза.

Таможенник осмотрел кузов, выборочно вскрыл некоторые упаковки с бумагой и спросил:

– А что у вас в заднем кармане брюк?

Он явно брал меня, как говорится, «на пушку», так как в карманах у меня ничего не было.

– А за поясом тоже ничего нет?

– Ничего нет.

Не обнаружив ничего незаконного и не добыв «конфиската», таможенник разочарованно, с обиженным лицом дал «добро» на пересечение границы, и мы

въехали на территорию ДРА.

«Вши едят ваших солдат, товарищ полковник!..»

«Начальнику политического
отдела в/ч п.п. 84397

Донесение

о гибели рядового Галоева Станислава Кезоевича, 1960 года рождения, осетина, образование 8 классов, заряжающего, призванного в ряды Советской Армии осенью 1978 года Ардомским РВК Северо-Осетинской АССР, проживающего в г. Орджоникидзе.

Находясь в составе 2-го артиллерийского дивизиона войсковой части, полевая почта 39696, в районе Каракурама (20–30 км северо-восточнее Кишима), в обеденное время увидел, что на реке, на берегу которой располагается дивизион, проплывает тело солдата из числа мотопехотинцев, охраняющих расположение дивизиона и строительство дороги.

Рядовой Галоев С. К. поспешил ему на помощь с целью спасти утопающего. Успел схватить тело, но сам сорвался в реку на месте паромной переправы. Течение подхватило рядового Галоева С. К., он пытался спастись, однако через 200–300 метров его затянуло в воронку. После этого, по заявлению командира дивизиона майора Глущенко В. М., рядовой Галоев на поверхности не показывался. Все поиски положительных результатов не дали.

Донесение составлено по сообщению командира дивизиона майора Глущенко В. М., переданного по радиостанции.

ВрИО командира в/ч п.п. 39696
подполковник Поветкин»

Наша колонна грузовиков снова была на земле Афганистана. Старшие машин и водители как-то внутренне подобрались и внимательно наблюдали из окон автомобилей за бегущим мимо нас горным ландшафтом. На полпути в Кундуз мы решили на ночь остановиться в одном из укрепленных пунктов. Машины поставили на стоянку, а водителей разместили на ночлег в палатке личного состава охраны.

Кто-то из местных офицеров предложил нам помыться в

импровизированной полевой бане, которая была уже натоплена. Мы с радостью приняли его приглашение. Баня после длительной поездки в душной кабине грузовика была очень кстати. Освещение в бане было тусклым, помещение тесновато, но попарились все равно хорошо. В темноте я перепутал форму и надел китель старшего лейтенанта, который только что вернулся с длительного боевого рейда по прочесыванию кишлаков в районе действий отрядов мятежников. То, что на мне чужая форма, я обнаружил только тогда, когда рассвело, а я в составе колонны был уже в пути. Ничего особенно страшного не было в том, что я перепутал одежду и ехал в чужой, довольно старой форме – в редакции у меня была запасная. Но до самого Кундуза я испытывал незнакомый мне ранее странный зуд по всему телу.

Прибыв в редакцию, я отдал солдатам распоряжение по разгрузке машины и ушел в свою палатку переодеться. Сняв одежду, я с ужасом увидел на ней множество белых насекомых, которые целый день мной питались! До этого мне никогда не приходилось видеть платяных вшей. Тут же я снял с себя всё. Осторожно, чтобы не выпало ни одно насекомое, свернул одежду в тюк, вынес во двор, облил бензином и сжег. Для самоуспокоения я достал из своей тумбочки два флакона одеколона и вылил их содержимое на себя. Затем тщательно растер все тело и помылся водой с мылом. Переодевшись в свежую форму, я пошел в типографию, рассчитывая найти там редактора и доложить ему о результатах моей командировки.

– О! Вовремя ты приехал! – сказал, увидев меня, старший лейтенант Бурбыга. – К нам прибыл командующий армией генерал-лейтенант Ткач и начальник политуправления Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Родин с комиссией. Вечером в штабной палатке будет совещание с командирами частей и офицерами штаба дивизии. Ты там будешь представителем от нашей редакции. И еще, подготовь отчет о работе редакции за последние месяцы. Так что садитесь сейчас за составление отчета, а мы с Григорием закончим печатать газету. Возьмешь часть тиража с собой на совещание и раздашь офицерам.

Что ж, отчет так отчет. Дело привычное. За несколько лет партийно-политической работы в войсках я в совершенстве освоил этот особый «литературный» жанр – «канцелярщину». Сочинив отчет о работе редакции газеты «За честь Родины» в 1980 году, я отдал его редактору и отправился в

штабную палатку, где было запланировано подведение итогов проверки 201-й мсд.

Встреча офицеров проверяющих комиссий из вышестоящих штабов в Советской армии всегда была важным событием в жизни воинских частей. Все понимали, что члены комиссии обязательно найдут недостатки в работе командиров, поскольку качество работы самой комиссии оценивали именно по количеству обнаруженных недостатков. Поэтому проверяющие старались вовсю. Не «трясли», пожалуй, только нашу редакцию – мы отделывались, как правило, только одним отчетом.

Увидев в штабной палатке очередной выпуск газеты «За честь Родины», генерал-лейтенант Ткач решил посетить нашу редакцию. Борис Иванович с интересом осмотрел походную типографию и похвалил редактора за всестороннее освещение жизни подразделений и частей дивизии. На прощание командующий армией пожелал офицерам редакции успехов в работе и благополучного возвращения домой.

Командующий 40-й армией генерал-лейтенант Б. И. Ткач слушает доклад старшего лейтенанта Н. В. Бурбыги о работе редакции дивизионной газеты «За честь Родины»

На совещании по поводу результатов проверки руководство 201-й мсд подверглось резкой критике. После доклада очередного офицера штаба дивизии генерал-лейтенант Родин стукнул кулаком по столу:

– Что вы, товарищ полковник, тут несете?! Педикулез, педикулез… Нашли тут ученые словечки! Вши, товарищ полковник, вши едят ваших солдат и офицеров! Заладили одно и то же: педикулез, педикулез… Вши – они и есть вши! Называйте вещи своими именами!

И, повернувшись в сторону начальника политотдела дивизии, генерал продолжил «разнос»:

– А как вы награждаете солдат и офицеров? Люди из рейдов не выходят, а в награду получают шиш с маслом! А у вас, я смотрю, почти все штабисты награждены орденами, хотя многие из них, я знаю, ни разу не участвовали в боевых действиях! Даже женщины, работники штабов, награждены медалями. Я запрещаю впредь отмечать работников тыла боевыми наградами! Награждать ими можно только тех, кто принимает непосредственное участие в боевых действиях! И еще. Мне тут доложили, что в одной из воинских частей два солдата из кухонной команды, два «дембеля», решили сходить в рейд вместе с солдатами из боевых подразделений. Но только солдаты-то действительно занимались прочесыванием местности в поисках душманов, а эти тыловые подонки залезли в дом местного жителя и занялись мародерством. Негодяев этих надо немедленно отдать под суд! И я буду ходатайствовать, чтобы их расстреляли перед строем части!

Досталось от генерала Родина и другим начальникам. Разговаривая же с солдатами при посещении им расположения подразделений дивизии, он был подчеркнуто внимателен и заботлив.

– Как служите, сынки? Как кормят, какие вопросы или обращения ко мне есть? – говорил Родин молодым солдатам спокойным, по-родительски доброжелательным голосом, предварительно выгнав из палатки их командиров. – Говори, не стесняйся.

И бойцы как на духу рассказывали генералу-политработнику обо всех своих проблемах и нуждах.

Раздав по заслугам командирам и начальникам, комиссия на самолете улетела проверять другую дивизию. Жизнь в 201-й мсд снова вошла в прежнее русло.

В войсках дивизии некоторые офицеры и прапорщики успешно осваивали азы коммерции. Правда, сводилось это к банальному бартеру. Кто-то из наиболее предприимчивых прапорщиков умудрялся отправлять в Советский

Союз даже машины в салонах вертолетов. Поговаривали даже, что был случай продажи патронов. Правда, когда наши особисты арестовали прапорщика, замеченного в подобном преступлении, тот заявил, что специально продавал вареные в кипятке патроны и тем самым подрывал боеспособность врага. Однако эти объяснения не убедили офицеров-контрразведчиков, и «коммерсантов» под конвоем отправили в Союз.

Приближался новый 1981 год. Все готовились к его встрече. В редакции по-новогоднему оформили свою палатку, выменяли на типографскую краску несколько кусочков сыра. Редактор где-то достал хорошее сухое вино, так как не любил крепкие спиртные напитки, а спирт тем более. Кроме этого, на новогоднем столе были баклажанная икра, колбаса, сало, очень вкусные соленые помидорчики, присланные прапорщику Сапеге родными из Белоруссии.

У себя в редакции мы решили встречать Новый год по московскому времени. Настроили наш радиоприемник на московскую волну и во время боя курантов подняли тост за удачное возвращение из афганской командировки и за встречу с близкими. Под бой курантов небо над расположением частей 201-й дивизии осветилось яркими вспышками ракетниц, фейерверков и автоматно-пулеметными очередями-трассерами. Это световое представление повторялось каждые два часа. С наступлением нового года в каждом часовом поясе военнослужащие, родом из той местности, где наступал новый год, выходили из палаток и стреляли в воздух из всего, из чего можно было выстрелить. Наверняка, афганцы, живущие в соседних кишлаках, недоумевали, почему у «шурави» Новый год через каждые два часа? Они и не представляли себе, что наша страна так широко раскинулась на территории земного шара, что ее пересекают несколько часовых поясов!

«Голубой Дунай»

«Начальнику политического отдела
в/ч п.п. 84397

Сведения о раненых в/ч п.п. 82869

	сержант Болдюк Виталий Васильевич	*2 мсб, 5 мср*	*ранен в бедро*
	мл. сержант Бобров Евгений Петрович	*2 мсб, 5 мср*	*ранен в живот*
	рядовой Кинаш Зиноид Петрович	*2 мсб, 6 мср*	*ранен в руку*
	рядовой Юргишин Тарас Степанович	*2 мсб, 5 мср*	*ранен в ногу*
	рядовой Манжос Владимир Васильевич	*2 мсб, 5 мср*	*ранен в грудь*
	рядовой Ковальчук Леонтий Владимирович	*2 мсб, 5 мср*	*ранен в руку*
	младший сержант Гергель Степан Степанович	*2 мсб, 6 мср*	*ранен в ногу*
	рядовой Бойко Юрий Александрович	*рота связи*	*ранен в плечо*
	старший лейтенант Лычкин Александр Иванович	*ком. бат*	*ранен в руки, в плечо*
0	*лейтенант Пестов Виктор Владимирович*	*Зам. ком. роты*	*ранен в бедро*
1	*Рядовой Бондарев Анатолий Иванович*	*разведрота*	*ранен в спину*
2	*рядовой Католик Владимир Ильич*	*2 мсб, 6 мср*	*ранен в ногу*
3	*рядовой Заводский Владимир Петрович*	*2 мсб, 6 мср*	*ранен в голову*
4	*рядовой Чернуха Владимир Артемович*	*2 мсб, 6 мср*	*ранен в плечо*
5	*сержант Ильчук Анатолий Макарович*	*2 мсб, 6 мср*	*ранен в плечо*
6	*рядовой Джафаров Сади Джафар-Оглы*	*2 мсб, 4 мср*	*ранен в плечо*
7	*Младший сержант Горянский Анатолий Владимирович*	*2 мсб, 6 мср*	*ранен в ключевую область*

8	*рядовой Олейник Василий Иванович*	*2 мсб, 4 мср*	*ранен в плечо*
9	*Ахуидов Эйгоб Исмаил-Оглы*	*2 мсб, 2 мср*	*ранен в ногу*
0	*Рустанов Видади Ислам-Оглы*	*2 мсб, 2 мср*	*ранен в плечо*

(Подпись автора документа отсутствует)

Наступил новый 1981 год. Трудясь над очередным номером газеты, я почувствовал сильное недомогание и головную боль. Не обращая внимания на плохое состояние здоровья, я продолжал работать. Однако вскоре понял, что больше не в состоянии трудиться. Пришлось работу прекратить и лечь спать. В середине ночи я проснулся от ощущения нарастающей опасности: мозг неадекватно реагировал на окружающую действительность. Ко мне вдруг пришло понимание того, что если сейчас не обращусь к врачу, то сойду с ума от головной боли.

В редакционной палатке было темно и тихо. Все сотрудники редакции спокойно спали на своих местах. С трудом одевшись в темноте, в полубредовом состоянии я пошел в сторону полевого госпиталя. Шатаясь от нахлынувшей на меня вдруг физической слабости, я дошел до расположения медиков и остановился у крайней палатки. Она оказалась как раз приемной инфекционного отделения.

В палатке меня встретил огромного роста солдат. На петлицах его формы были почему-то не медицинские эмблемы, а стройбата. Запомнились его огромные руки. На толстых пальцах были давно не стриженные, ломаные ногти, а под ними черная каемка грязи. Солдат предложил присесть на кушетку и засунул мне под мышку градусник: температура зашкаливала за сорок градусов.

– Очень хочу пить, – с трудом произнес я, – есть у вас здесь вода?

– Нет воды, товарищ старший лейтенант, за день всю выпили. Кипяченую воду принесут из столовой только утром, – как бы извиняясь, произнес солдат.

– А это что за вода в ведре у дверей? – спросил я, с трудом двигая сухими губами.

– Это хлорная вода для дезинфекции.

– Сверху вроде прозрачная. Ничего, может, годится для питья, – сказал я и, не дожидаясь ответа санитара, припал к краю ведра и начал пить жадно и много. Я пил воду, предназначенную для дезинфекции, с удовольствием, наслаждаясь каждым глотком, как будто это был самый чудесный прохладительный напиток. Сверху, над мутной хлоркой, было только сантиметра три прозрачной воды, которую я всю выпил. Мне показалось, что я никогда раньше не пил столь вкусную и великолепную воду.

До сих пор всякий раз, когда я посещаю какой-либо плавательный бассейн и чувствую запах хлорки, то сразу вспоминаю ту первую ночь в инфекционном отделении полевого госпиталя в Афганистане. Ту чудесную прохладную воду с… огромной концентрацией хлорки!

Утолив жажду, я попросил солдата позвать дежурного врача, но тот с сожалением посмотрел на меня и сказал:

– Вы знаете, суток двое-трое никого из врачей не будет.

– Почему?

– Вчера мы получили спирт. После этого врачей не бывает, как правило, два-три дня. Давайте, я сделаю вам обезболивающий укол и уложу спать. Судя по признакам, у вас тиф, – поставил мне неутешительный «экспресс-диагноз» медбрат.

Мне уже было все равно. После укола мне сразу стало легче, и медбрат проводил меня в палатку для больных, где на грязных матрасах, без постельных принадлежностей, одетые в комбинезоны и куртки, лежали вперемежку солдаты и офицеры, заболевшие тифом.

Пробираясь в темноте в поисках свободной койки, я лбом наткнулся на что-то твердое, которое сразу зашипело. Оказалось, что головой я прикоснулся к раскаленной трубе печки, а шипение было вызвано сгоранием кожи на моем лбу! То ли от обезболивающего укола, то ли от моего полуобморочного состояния боли я не почувствовал. Обойдя печку, я нашел свободную кровать, упал на нее и забылся тяжелым сном.

Утром я проснулся от стука котелков. Лежащий на соседней кровати прапорщик, увидев, что я проснулся, спросил:

– Ну что, товарищ старший лейтенант, есть будете?

– Нет, – ответил я и снова забылся сном.

В полудреме я услышал, как сосед говорил с кем-то обо мне:

– Ну-у-у, значит, это наш брат-тифозник! Те, у кого не тиф, а просто дизентерия, в первый же день бегут за едой. А тут и диагноз ставить не нужно: у этого старлея настоящий тиф.

Пролежав в беспамятстве до вечера, я очнулся и понял, что если не умру от тифа, то умру от голода. И в очередной раз услышав стук пустых котелков, с которыми сгрудились у термоса больные, я заставил себя встать и пойти к месту раздачи пищи. От высокой температуры сознание было нечетким, и я видел только то, что было примерно в метре впереди меня.

Пошатываясь, еле передвигая ноги, я подошел к месту раздачи пищи. Там собралась большая группа выздоравливающих больных. Естественно, более здоровые отталкивали только поступивших, слабых больных. Для возмущения не было ни моральных, ни физических сил. Получив свою порцию ароматной гречневой каши с тушенкой, я с трудом пошел обратно в палатку для инфекционных больных.

Инфекционным отделением называлась большая палатка, отдельно стоящая в стороне от полевого госпиталя. Вокруг палатки были вбиты колья с закрепленной на них колючей проволокой. Все солдаты и офицеры 201-й дивизии старались обходить подальше эту палатку, чтобы не заразиться тифом или еще чем-нибудь «экзотическим». В Афганистане тиф, несмотря на тяжесть, считался обычной болезнью, как ОРЗ. Многие им переболели. С этим заболеванием даже в Союз не отправляли. По-иному относились к гепатиту, в простонародье – желтуха. Как только у военнослужащего становились желтыми белки глаз, его сразу же отправляли на «большую землю», то есть в СССР.

Однажды, когда я уже выздоравливал, мне довелось наблюдать, как только что поступивший в госпиталь с тифом прапорщик вдруг стал собирать вещи. На вопрос, куда это он собрался, прапорщик равнодушно ответил, что опаздывает на автобус в Советский Союз. Мы поняли, что у него начинается помутнение рассудка, и силой уложили в кровать.

Да простит меня читатель XXI века за столь жуткие подробности нашего пребывания в Афганистане, но такая нам, первым вошедшим в эту страну, выпала доля. Так уж в России-матушке издревле повелось: в начале любого дела всё идет «наперекосяк», но потом постепенно всё выправляется и налаживается к лучшему.

Врачи появились в нашей тифозной палатке не через двое-трое суток, как предполагал дежурный солдат инфекционного отделения, а через сутки. Военные эскулапы подтвердили диагноз медбрата и выдали мне порцию таблеток. Через пару дней я почувствовал себя уже вполне здоровым – у меня была легкая форма заболевания.

Надо отдать должное военным медикам частей, переброшенных в Афганистан. Им было особенно трудно организовывать лечебный процесс в полевых условиях, обеспечивать необходимую стерильность, обустраивать бытовые условия больных и раненых военнослужащих. На первых порах не хватало элементарного – мелочей быта и полевой мебели, но главное – не хватало практического опыта. Однако военные медицинские работники поистине героически умудрялись в условиях полевой жизни организовывать лечение и реабилитацию раненых, с каждым днем совершенствуя работу полевого госпиталя.

Врачи кундузского медсанбата оказывают медицинскую помощь местным афганским жителям

В то же время в рутине будней, когда военные врачи ежедневно боролись за жизни раненных в бою солдат и офицеров, проблема большого количества инфекционных заболеваний отходила как бы на второй план.

Неудовлетворительная организация лечебного процесса в инфекционном отделении продолжалась до тех пор, пока в нашу палатку однажды не

заглянули старшие офицеры из штаба дивизии. Увидев, до какой степени запущен процесс лечения в инфекционном отделении полевого госпиталя, штабисты решили навести здесь «уставной порядок». По линии командования и политотдела дивизии они проинформировали своих начальников о том, что они увидели в инфекционном отделении.

К чести руководства госпиталя, реакция на критику была незамедлительной. В тот же день в инфекционном отделении появилась вторая отопительная печь. Больные получили возможность раздеться и лечь на чистое постельное белье. Под тент палатки была натянута белая ткань, а на пол положен деревянный настил. Стало светло, уютно, чисто и комфортно. Больные стали выздоравливать в нормальных, цивилизованных условиях.

Выписывал меня из полевого госпиталя майор медицинской службы, по национальности туркмен. Веселый, общительный мужчина с чувством юмора:

– Ох, товарищ журналист! – говорил он мне, заполняя выписной эпикриз. – К чему только не прибегают порой солдатики. Вот недавно мы разбирались с одним бойцом из Азербайджана. Он выпил мочу больного желтухой только для того, чтобы раньше времени его отправили в Советский Союз и уволили с военной службы! И не побрезговал ведь. Кошмар!

В палатку заглянул медбрат:

– Товарищ майор, тут больной поступил.

– Ну и что, что больной, – сказал с акцентом врач, – дай ему одну таб-лэт-ку, сразу выздоровеет.

– Так это очень тяжелый больной…

– Ну, дай ему тогда двэ таб-лэт-ки, – ответил со смехом майор. – Шутка такая, – пояснил он мне и уже серьезно сказал медбрату: – Отведи его сейчас в палатку. Я скоро приду, осмотрю больного и сам дам ему таб-лэт-ки.

Получив из рук майора эпикриз, я пошел вдоль взлетно-посадочной полосы в редакцию. На ней стоял готовый к вылету пассажирский самолет с больными желтухой на борту. Поравнявшись с авиалайнером, я взглянул на его иллюминаторы. На меня равнодушно смотрели солдаты и сержанты, прапорщики и офицеры. У всех были одинаково желтые белки глаз. Позже летчики рассказали мне, что такие рейсы с аэродрома Кундуза повторялись чуть ли каждые двое суток.

Продолжив свой путь, я оказался возле большого холодильника, где

хранили тела погибших советских военнослужащих. Этот печальный воинский объект резко отличался от других армейских сооружений, которые, как правило, имели защитную окраску. Холодильник был почему-то покрашен в голубой цвет, поэтому солдаты прозвали его «Голубой Дунай», а про погибших говорили: «Их увезли в «Голубой Дунай»…».

На рабочей площадке у «Голубого Дуная»

Возле «Голубого Дуная» два солдата укладывали в цинковый гроб тело очередного погибшего воина в парадной форме и не обращали на меня никакого внимания. Рядом с гробом стоял солдат с паяльной лампой, чтобы заварить швы на этой печальной «посылке». Они уже привыкли к своей работе, для них это была ежедневная операция.

Такова была трагическая и беспощадная действительность тех дней.

Отпуск на Родину

Начальнику политического отдела
в/ч п.п. 84397

Политическое донесение

1. Докладываю, что вся партийно-политическая работа в части направлена на поддержание высокой боевой готовности, укрепление воинской дисциплины и готовности немедленно вступить в бой.

2. Частью выполняются следующие боевые задачи:

– охрана дороги Кундуз – Ширхан,

– выполнение задач по боевому охранению северного городка (гарнизон частей 201-й мсд на северной окраине Кундуза. – Прим. авт.),

– охрана моста в городе Талукан.

3. Отмечаю инициативные, грамотные действия воинов разведывательного взвода – командир взвода лейтенант Валеев Ф. Х.

При ночном патрулировании г. Талукан боевые машины взвода были обстреляны с нескольких сторон автоматно-пулеметным огнем в районе аэродрома. Умело маневрируя, разведчики ответным огнем подавили огневые точки противника и восстановили порядок в городе.

По просьбе афганских властей разведывательный взвод оказал существенную помощь афганской воинской части в боевых действиях против местных незаконных вооруженных формирований мятежников.

Отличились:

– наводчик-оператор БМП рядовой Первых В. А., который лично уничтожил несколько мятежников,

– наводчик-оператор БМП рядовой младший сержант Вахитов, который огнем из БМП прикрывал афганскую минометную и артиллерийскую батарею,

– командир БМП младший сержант Богатырев С. В., который помог вынести с поля боя раненого афганского командира.

4. Отмечаю оперативные, инициативные действия партийно-комсомольского актива части во время боевых действий:

– лейтенанта Доброва О. В., исполняющего обязанности секретаря партийной организации батальона,

– младшего сержанта Никитина В. Ю. – секретаря бюро ВЛКСМ 3-й артиллерийской батареи,

– рядового Первых В. А. – комсгруппорга (руководитель комсомольской группы взвода. – Прим. авт.) разведывательного взвода,

– рядового Останина М. С. – агитатора 1-го танкового взвода,

– рядового Березина Ю. П. – агитатора разведывательного взвода.

Заместитель командира в/ч п.п. 86997
по политической части капитан Есипов»

В Афганистане каждый советский военнослужащий после ранения или тяжелой болезни имел право на месяц отпуска. Краткосрочный отпуск после лечения в госпитале получил и я.

Когда в Союз улетал очередной грузовой самолет, в него загружали ящики с различными грузами, и если оставалось место, то летчики забирали

попутных пассажиров – командировочных и отпускников.

Ожидая окончания заправки грузового самолета, летящего в Советский Союз, я стоял в группе офицеров и прапорщиков у большой пирамиды груза, предназначенного для отправки на «большую землю». Брезентовые мешки и ящики разной величины были уложены в четыре ряда штабелями. Рядом стояли несколько больших ящиков. Пока летчики готовили самолет к полету, прапорщики и офицеры перекуривали рядом с самолетом. Недалеко от них стояли несколько больших ящиков. Неожиданно ветер изменил свое направление, и мы вдруг почувствовали странный, сладковатый и как бы дурманящий, но очень неприятный запах. Сначала было неясно, откуда он исходит, но потом, увидев на больших ящиках написанные карандашом фамилии, мы с ужасом поняли, что в них перевозилось. Деревянные ящики, которые мы приняли за обычный груз, оказались упаковкой цинковых гробов с телами погибших воинов. Цинковый гроб с телом погибшего военнослужащего помещали в большой деревянный ящик, на крышке которого сверху писали просто фамилию. Без звания, без имени, без отчества.

Груз «200»

Подавленные суеверным ужасом, мы сразу отошли подальше от печального груза «200», поближе к самолету. Нам предстояло лететь в Союз с телами павших в Афганистане офицеров и солдат…

Это обстоятельство сразу омрачило приподнятое настроение отпускников. Мы никак не могли отделаться от печальных мыслей о непредсказуемости нашей судьбы. Наверное, каждый из нас думал, что, может быть, в одном из таких ящиков кто-то из нас тоже может однажды улететь из Афганистана. Позже самолеты, на которых перевозили гробы с телами погибших военнослужащих, стали называть «черными тюльпанами».

Через много лет в Свердловске на площади у Окружного дома офицеров откроют мемориал павшим в Афганистане 240 воинам-уральцам. Мемориал получит название «Черный тюльпан». Он станет, пожалуй, самым большим и величественным памятником в России не только воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане, но и тем, кто не вернулся из Чечни и многих других горячих точек мира.

Мемориальный комплекс «Черный тюльпан» в Екатеринбурге

Ежегодно 27 декабря и 15 февраля – в дни официального начала и окончания интернациональной миссии Советской армии в Афганистане – у «Черного тюльпана» собираются боевые товарищи. Они вспоминают своих друзей, погибших в Афгане и Чечне, в гражданских войнах на территории бывших советских республик СССР, в локальных войнах и военных конфликтах по всему миру. Но это будет позже, а пока наш транспортник, взлетев резко вверх по крутой траектории, взял курс на Ташкент.

Утром в Кундузе я не позавтракал и к обеду очень сильно проголодался. Поэтому после посадки самолета в ташкентском аэропорту и прохождения

таможенного досмотра я сразу отправился искать столовую. В кафе аэропорта посетителей не оказалось, а в меню значилось только одно блюдо – пельмени «Русские». Попробовав один пельмень, я с тоской и сожалением отодвинул от себя тарелку. Вкус этого кулинарного «шедевра» был отвратительным. В пельменях вместо мяса оказался только крупно нарезанный лук. Что имели в виду узбекские повара, назвав эти пельмени «Русскими», остается только догадываться…

До отлета моего самолета в Свердловск было достаточно много времени, и я вышел во двор аэропорта. Недалеко от центрального входа я наткнулся на большую очередь пассажиров, стоящих в ожидании порции настоящего узбекского плова. Потрясающий, великолепный и манящий запах плова растекался по всей территории аэропорта. Он словно одурманивал головы пассажиров, и они, повинуясь древнему инстинкту, стекались к большому чугунному казану. Торговец пловом с мастерством заправского бармена, не глядя, клал в порционную тарелку каждый раз точно по восемь сочных кусочков вырезки говядины. Потом большой ложкой поддевал из казана дымящийся плов и резким взмахом отправлял его по высокой изогнутой траектории прямо в порционную тарелку с мясом, которую он держал в другой руке. От этого трюка плов становился рассыпчатым и казался объемнее. Затем торговец переворачивал содержимое порционной тарелки на обычную тарелку, посыпал зеленью и вручал очередному покупателю. Только одной порцией я насытился на целый день.

Вскоре объявили посадку на мой рейс «Ташкент – Свердловск», и самолет взмыл в ясно-голубое небо Узбекистана.

Свердловск встретил меня хмурыми облаками, промозглой погодой и грязным мокрым снегом. Все пассажиры, выходившие со мной из самолета, поеживались от холода и порывистого ветра. Но мне после жарких афганских ветров и палящего солнца уральский ветерок казался освежающим и родным. На душе было светло и радостно – я снова был в городе моего детства. Из самолета я вышел в расстегнутой шинели и с удовольствием подставил свою грудь холодному ветру. И только в здании аэропорта я застегнулся на все пуговицы, как требовали правила ношения военной формы одежды.

В аэропорту Кольцово меня ожидали мой отец Петр Григорьевич и жена Людмила. Мы обнялись, поцеловались и на «Москвиче» отца поехали домой. О

своем отпуске я заранее оповестил родных телеграммой, и моя мама, Лидия Гавриловна, к нашему приезду с утра накрыла праздничный стол.

Мои родители были обычными советскими людьми. Отец – служащий, мама работала на заводе. Картина афганской войны была бы неполной, если не вспомнить, как жили в начале 80-х годов граждане СССР.

Шел предпоследний год так называемого «брежневского застоя». Иностранцы, приезжавшие в то время в СССР, говорили: «У русских в магазинах нет такого разнообразия продуктов, как у нас, но у них дома в холодильниках есть всё…». То, что холодильники в советских семьях не пустовали, – в этом зарубежные гости были правы.

Колбаса в СССР была высококачественным продуктом

В начале 80-х годов даже в маленьких магазинчиках самых отдаленных населенных пунктов советской страны можно было купить все необходимые и недорогие продукты, причем достаточно высокого качества. Например, банка консервированных кальмаров стоила 40 копеек, булка хлеба – 18 копеек, коробка спичек – 1 копейка. В Советском Союзе была монополия на производство алкогольных напитков. За их качеством, как и за качеством всех продуктов питания, зорко следили государственные контролирующие органы.

Кадры фото- и кинохроники с пустыми прилавками, что кочуют сейчас по интернету, снимались гораздо позже, когда по экономике СССР прокатилась бульдозером «перестройка» М.С.Горбачева и антинародные экономические «реформы» Б.Н.Ельцина.

К сожалению, после перехода России от социалистической системы экономики к рыночной, стало почему-то модным называть жизнь в Советском Союзе «трудной» и «голодной». Ныне либералы – в прошлом советские диссиденты, и вкупе с ними некоторые быстро «перекрасившиеся» в другой цвет бывшие руководящие партаппаратчики КПСС и ВЛКСМ внушают современным молодым людям, что жизнь при социализме была «тяжелой» и «ужасной».

Это неправда.

В 1917 году после Великой Октябрьской социалистической революции Россия сделала резкий разворот в сторону социальных преобразований. Впервые в истории человечества была воплощена в жизнь идея о всеобщей справедливости, равенстве и братстве, равного счастья для всех граждан без исключения. До Великой Октябрьской социалистической революции осуществление на практике идей философов Томмазо Кампанеллы, Френсиса Бэкона, Жан Жака Руссо, Томаса Мора и других мыслителей считалось невозможной «утопией». Однако большевикам это удалось. Впервые за всю историю человечества Конституция встала на защиту прав трудящихся! Власть имущие во всем мире, наконец, поняли, что мир меняется, и уже нельзя относиться к трудящимся, как к бесправным рабам. И чтобы не потерять все свои деньги в пожаре революции, капиталисты других стран были вынуждены делиться своей прибылью с пролетариатом и решать социальные проблемы простых людей.

Вероятно, это очень хорошее свойство человеческой памяти – забывать всё плохое и до старости помнить всё хорошее, что было в юности. Поколения советских людей, родившихся и выросших в СССР, хорошо помнят это время. К мелким бытовым неудобствам мы привыкли с детства и не обращали на них никакого внимания.

Сейчас, беседуя со школьниками и студентами, я рассказываю им о некогда существовавшей, теперь уже почти сказочной стране – СССР. В этой стране не было каких-либо больших или неразрешимых проблем. Подавляющее

большинство советских граждан жили спокойной, размеренной жизнью. И у нас в памяти осталась страна, в которой каждый житель мог сам выбрать свой жизненный путь и достичь любой поставленной перед собой цели.

В начале 80-х. Плата за жилищно-коммунальные услуги была настолько мала, что являлась практически символической. По всей стране велось интенсивное строительство жилых домов. Квартиры были небольшие, но их было достаточно, чтобы расселить многочисленные молодые семьи, в которых, как правило, через год рождались здоровые младенцы. Кстати, к концу афганской войны коэффициент суммарной рождаемости в СССР превышал норму.

В СССР было много качественных товаров самого широкого ассортимента

Советские граждане не беспокоились о том, как организовать досуг своих детей. Почти в каждом дворе были оборудованы мини-стадионы и спортивные площадки, где подростки проводили все свое свободное время. Дети бесплатно занимались в различных спортивных секциях и спортшколах, постоянно участвовали в районных, городских, областных и всесоюзных соревнованиях. В общеобразовательных школах старшеклассники сдавали спортивные нормы ГТО («Готов к труду и обороне»).

Летом школьники разъезжались по многочисленным бесплатным спортивно-оздоровительным лагерям и турбазам. А их родители уезжали к морю в Краснодарский край или на Крымский полуостров в дома отдыха и санатории за счет профсоюзных организаций.

Молодежь была здоровой. Все медицинские услуги были доступными и бесплатными. Когда молодые люди приходили на медицинскую комиссию в военкомат, то признавались негодными к воинской службе лишь единицы.

Перед юношами и девушками, когда они оканчивали школу, была полная свобода выбора: они могли поступить в любой институт страны и совершенно бесплатно получить всестороннее и глубокое образование. Они могли выбрать любую рабочую профессию – в СССР была большая сеть профессионально-технических училищ. Весь учебный процесс в вузах и техникумах («техникумами» тогда назывались средне-специальные учебные заведения) был направлен на подготовку всесторонне образованного, высококлассного специалиста, способного к самосовершенствованию в своей будущей профессии. Поэтому в Советском Союзе рабочие, педагоги, врачи, инженеры и ученые были настоящими профессионалами своего дела.

Во всех средствах массовой информации и пропаганды велось постоянное разъяснение принципов и правил поведения советских граждан, прописанных в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Брать взятки и тем более их вымогать было постыдным деянием и очень опасным. Коррупционерам и казнокрадам в Советском Союзе грозило не только всенародное общественное осуждение, но и большой срок тюремного заключения или даже смертная казнь.

А в начале 80-х удельный вес основных секторов реальной экономики в Советском Союзе был намного более высокий, чем у так называемых экономически развитых стран Запада. По объему промышленного производства и сельскохозяйственной продукции СССР занимал первое место в Европе и второе место в мире после США. Несомненно, афганская война явилась ощутимым грузом для советской экономики. Тем не менее, после окончания войны в Афганистане, даже несмотря на начавшийся развал советской промышленности в конце 80-х годов, доля СССР в мировом промышленном производстве была вполне сопоставима с долей США.

Афганская война «пришла» к советским людям «непрошеной гостьей». В 80-е годы прошлого века родные и близкие воинов-интернационалистов жили в постоянном тревожном ожидании окончания этой войны и возвращения домой своих сыновей и мужей. Чтобы не травмировать родных тем, что мне довелось увидеть и пережить в Афганистане, я не рассказывал им подробности моей

службы. Больше говорил о красотах далекой восточной страны и особенностях национальных традиций и обычаев афганцев.

После нескольких тостов отец сделал мне «нахлобучку» за то, что однажды я прислал жене письмо, на конверте которого адрес был написан не моей рукой. Дело в том, что когда я был в командировке районе боевых действий у афганского города Кишима, то повредил кисть руки, поэтому мне было трудно подписать конверт со своим очередным письмом жене. И я опрометчиво попросил это сделать своего сослуживца, не подумав о том, что подумают родные, получив конверт, подписанный… не моим почерком. Во время афганской войны родители и жены военнослужащих, находившихся в Афганистане, каждый раз, открывая свои почтовые ящики, с замиранием сердца ждали либо желанное письмо от сына или мужа, либо похоронное извещение о его смерти.

Что пережили родные и близкие «афганцев», ожидая от них известий, знают только они сами. Через много лет, уже после кончины отца, я узнал от жены, что он, будучи убежденным атеистом, втайне от всех домочадцев хранил в папке с моими письмами из Афганистана репродукцию иконы Божьей Матери и молился за меня – единственного сына.

Мой отец тоже воевал. В Великую Отечественную войну он прошел путь от рядового автоматчика до лейтенанта – командира артиллерийского подразделения. Принял участие в двух войнах и мой дед, старшина пехоты Григорий Назарович. Воевать пришлось и моему прадеду Назару Михайловичу, а также прапрадеду Михаилу Моисеевичу. На пожелтевших от времени фотографиях они стоят в военной форме, молодые и бравые воины. Все они были солдатами России, которую из столетия в столетие пытались завоевать враги всех мастей и национальностей: то французы, то англичане, то немцы.

Отпуск подходил к концу. Мне, уже привыкшему к мирной жизни, очень не хотелось расставаться с любимой женой и родителями. Но там, в далеком Афганистане, меня ждали боевые товарищи и мои обязанности ответственного секретаря дивизионной многотиражки. С тяжелым сердцем, попрощавшись с женой и родными, я на самолете вновь улетел в Афганистан.

Глава 3. Маршбросок по северным провинциям Афганистана

«Это есть наш последний и решительный бой…»
(Из коммунистического гимна «Интернационал»)

В Афганистане весна – как на Урале жаркое лето. Днем довольно сильно припекало солнце, но в горах было прохладно. Начали просыпаться от зимней спячки не только насекомые, но и душманы. Участились нападения вооруженных бандформирований на советские подразделения и трубопровод, который проходил по зоне ответственности 201-й мсд.

В составе руководства дивизии произошли перемены. Были неожиданно отправлены на «большую землю» начальник политотдела и начальник штаба дивизии. Вместо полковника Д. Я. Стасюка в должность начальника штаба дивизии вступил полковник В. И. Назаренко. Новый начальник штаба соединения сразу произвел на офицеров управления дивизии очень хорошее впечатление. С первых дней службы в 201-й мсд полковник Назаренко проявил себя настоящим профессионалом и хорошим знатоком штабной работы. Свою службу в новой должности он начал с наведения порядка в частях и подразделениях соединения. В штабе офицерам было приказано почистить сапоги, привести в порядок свое обмундирование и всем своим видом показывать пример всем военнослужащим дивизии. Полковник Назаренко был достаточно строг, но в то же время внимателен и корректен с подчиненными. И благодаря этим качествам быстро заслужил авторитет и уважение офицерского состава соединения.

Вскоре по приказу командира дивизии полковник Назаренко возглавил группу офицеров, которая должна была осуществить инспекционную поездку по территории ответственности 201-й дивизии. Маршрут ее проходил по всей северной части Афганистана. В инспекторскую группу должны были войти офицеры из всех служб штаба дивизии, в том числе политработники политотдела соединения. Все старшие офицеры политического отдела соединения, очевидно, были заняты важными делами, поэтому в качестве представителя политического органа дивизии было решено отправить в командировку меня. В политотделе знали, что я скоро подлежу замене и

отправке в Советский Союз, но, видимо, решили напоследок «осчастливить» меня командировкой. Заодно, мол, и материал для дивизионной газеты соберет из отдаленных гарнизонов.

Утром, как самый младший по званию, я занял скромное место в конце строя инспекционной группы, состоявшей исключительно из старших офицеров штаба соединения. Подполковник из оперативного отдела начал зачитывать список офицеров инспекционной комиссии и назначать из их числа старших машин.

Походная колонна состояла из нескольких бронетранспортеров и одного бензозаправщика. Когда очередь дошла до назначения старшего на бензозаправщик, возникла пауза. Строй затих. Всем было понятно, что многокилометровая поездка на бензозаправщике по районам боевых действий вполне может закончиться гибелью машины вместе с офицером и водителем. Почему-то я сразу понял, что старшим на бензозаправщике буду именно я. По жестокой логике войны, наверное, я был «менее полезен» в этой поездке, чем другие офицеры штаба. Поэтому мое назначение старшим на бензозаправщик меня не удивило.

Беспокоило только то обстоятельство, что приближался день моей замены. А длительная, многокилометровая поездка на бензозаправщике по территории, на которой активно действовали бандформирования моджахедов, сводила к минимуму мои шансы вернуться на Родину живым и невредимым.

После распределения офицеров по машинам и короткого инструктажа начальник штаба дивизии отдал приказ на начало движения, и колонна вытянулась вдоль дороги.

«Ну что ж, чему быть – того не миновать…», – подумал я, закинул на плечо вещмешок с газетами и пошел к своему бензозаправщику.

Баглан проехали без происшествий.

– Сегодня у душманов, наверное, выходной, – невесело пошутил по этому поводу водитель. – Надо же, ни одного выстрела!

– Не каркай, – ответил я, – впереди еще сотни километров пути!

Выехали на плоскогорье. Лавируя между небольшими сопками, мы всё дальше и дальше продвигались на юг, потом повернули на север Афганистана и поехали по дороге, рядом с которой был проложен трубопровод из Советского Союза. По нему доставлялось топливо для боевой техники. Этот трубопровод

был проложен прямо по земле, точнее по обочине дороги, и представлял собой трубу из металла диаметром примерно 15–20 сантиметров. Эту трубу моджахеды постоянно подрывали, поэтому на шоссе были размещены на небольшом расстоянии посты наблюдения. В их задачу входила охрана трубопровода, и в случае подрыва – проведение мероприятий по его восстановлению.

Ремонт поврежденного трубопровода

Когда мы двигались вдоль трубы, я стал было считать места подрывов – их было хорошо видно по большим пятнам копоти на асфальте. Но после двадцати сбился со счета и прекратил это занятие. Судя по большому количеству подрывов, у инженерных подразделений работы было предостаточно.

Впереди на дороге за сопками замаячили клубы пыли и дыма, и послышалась стрельба. Сначала колонна замедлила движение, потом снова увеличила скорость. Через некоторое время, завернув за очередную сопку, мы увидели несколько поврежденных гражданских машин. Недалеко от них громко что-то кричали на своем языке несколько афганцев-водителей. С трудом наш переводчик понял, что они подверглись нападению со стороны какого-то бандформирования: машины были разграблены, продукты все отобраны, некоторых водителей бандиты забрали с собой.

Полковник Назаренко отдал по рации распоряжение командиру ближайшего взвода охраны прибыть к месту происшествия, и мы продолжили движение дальше.

Через пару часов мы снова натолкнулись на такую же картину. Но водителей и напавших на колонну бандитов здесь уже не было. Рядом с разбитыми и разграбленными машинами валялись коробки. Вскрыв их, бойцы нашли изюм. Солдаты забросили в каждый БТР по коробке с лакомством (не пропадать же добру), и мы поехали дальше. Такого изюма я никогда не ел. В советские времена на рынки европейской части СССР изюм привозили из среднеазиатских советских республик, как правило, грязный, в песке и пыли, в плохой упаковке. Афганский же изюм был идеально чистым, упакован в целлофановый пакет, а на коробке был указан не только адрес производителя, но и имя хозяина предприятия. Изюм несколько подсластил наше дальнейшее путешествие.

Расположение взвода охраны трубопровода

Подъехав к очередному взводу охраны трубопровода, мы с полковником Назаренко зашли в землянку, выкопанную в глинистой почве. Землянка была очень глубокая и, несмотря на палящее солнце, там было прохладно.

Нас встретил бородатый лейтенант – командир взвода. Заметно было, что он не брился и не мылся довольно давно. На груди у него был орден Красной Звезды. Видимо, лейтенант прошел суровую боевую школу и, как говорится, побывал в переделках. То ли для красоты, то ли для тепла к каждой стенке его землянки были прилеплены дорогие персидские ковры ручной работы. Возле

входа стояли два ведра, доверху заполненные дорогими японскими часами.

– Откуда у вас такие богатства, лейтенант? – спросил строго начальник штаба.

– Да вот, товарищ полковник, – уверенно начал докладывать лейтенант,– практически каждый день местные бандиты нападают на наши колонны и машины афганских торговцев. Часто подрывают бензопровод, грабят свои же афганские большегрузы. Мы, к сожалению, не всегда вовремя успеваем на помощь. У разграбленных бандитами машин остаются вещи, разбросанные вдоль дороги. Вот насобирали и храним. Ждем, когда кто-нибудь обратится, тогда и вернем вещи их владельцам.

Начальник штаба подозрительно посмотрел на лейтенанта и жестко произнес:

– Разберемся… А сейчас показывайте, как обустроились!

Полковник с лейтенантом пошли по расположению взвода охраны. Все огневые точки были оборудованы тактически грамотно, и боевое охранение службу несло бдительно. Похвалы лейтенант так и не дождался. Но был доволен уже тем, что высокое начальство не наложило на него за что-нибудь взыскание.

Осмотрев место дислокации взвода охраны, мы снова заняли свои места в машинах, и колонна двинулась дальше. Через некоторое время мы подъехали к участку дороги, который входил в узкое ущелье. Над нами возвышались горы. Место было очень неприятное. В груди появился неприятный холодок предчувствия беды. Всматриваясь в горные вершины, нависающие над дорогой, я пытался увидеть возможные огневые точки душманов, но ничего подозрительного не заметил. Колонна замедлила свой ход и осторожно миновала это опасное место. Выйдя в долину, мы увеличили скорость и поехали дальше.

Колонна БТР на марше

Через полчаса начальнику штаба по рации доложили, что следующая за нами колонна машин подверглась нападению именно в том ущелье, которое мы только что благополучно проехали. Нас бандиты почему-то не тронули, наверное, потому, что наша колонна состояла только из бронетранспортеров (мой беззащитный бензозаправщик не в счет) и могла стать моджахедам не по зубам. А следующая колонна была из грузовых машин и показалась для бандитов легкой добычей. Полковник связался по рации с командиром ближайшего от места засады подразделения, но они уже приняли по рации призыв о помощи и мчались к месту засады.

А мы снова продолжили свой путь.

«Дедовщина» по-афгански…

Наконец мы прибыли в 395-й мотострелковый полк, дислоцированный в 128 километрах от Кундуза у города Пули-Хумри.

Выполняя боевые задачи в своей зоне ответственности, 395-й мсп должен был контролировать три дороги от Пули-Хумри: до Кундуза, до северного входа на перевал Саланг и до города Ташкурган (ныне Хульм). Кроме этого, подразделения полка, образуя боевую основу гарнизона Пули-Хумри,

обеспечивали режимную зону вокруг важных крупных складов армейского значения, сформированных при 59-й армейской бригаде материального обеспечения, и защищали его военный городок, а также военный городок 58-й отдельной автомобильной бригады, дислоцированной там же.

В расположении полка везде ровным строем стояли палатки. Солдаты и офицеры обустроили свой быт на славу. Здесь я впервые увидел интересное сооружение в виде небольшого бассейна. Вода туда поступала из родника и была проточной. Поэтому, находясь в воде, можно было помыться с мылом, и через несколько секунд вода снова становилась кристально чистой.

Полковник Назаренко распределил офицеров для проверки служб полка. Мне предстояло проверить работу партийно-политического актива этой части. Секретарь ВЛКСМ (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи) полка ввел меня в курс дела. Мы беседовали в ленинской комнате одного из подразделений части.

Ленинская комната воинского подразделения Советской армии

В Советской армии в каждой роте, батарее было специально оборудованное и красочно оформленное помещение, в котором проводились лекции, беседы с военнослужащими, здесь же они проводили свой культурный досуг в свободное от службы время, читали книги и писали письма родным и близким. В каждой такой комнате в обязательном порядке был предусмотрен стенд, посвященный жизни и деятельности В.И. Ленина – организатора

Великой Октябрьской социалистической революции в России и основателя СССР. Обязательным было и наличие стенда с портретами членов Политбюро ЦК КПСС – высшего руководящего органа Советского Союза.

Позже, среди членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС появится и портрет Б.Н.Ельцина. В большой политической игре он сумеет переиграть своих коллег по Политбюро и встанет один на вершине государственной власти. По словам очевидцев «беловежского сговора», в 1991 году после доклада по телефону президенту США Джоржу Бушу о ликвидации СССР Б.Н.Ельцин подошел к карте СССР и, опершись двумя руками на то место на карте, где было изображение Советского Союза, произнес: «Все. Теперь надо мной никого нет…». Кстати, мой отец Петр Григорьевич знал Б.Н.Ельцина еще тогда, когда он был первым секретарем свердловского обкома КПСС. И, когда летом 1991 года его избрали первым президентом РСФСР, отец сокрушенно произнес: «Конец России!..». Он имел в виду крушение не РСФСР, а СССР - как геополитической единицы. Я тогда отцу не поверил, но его слова, к сожалению, оказались пророческими.

Фальсификаторы истории, а то и просто «гибкие» чиновники, которые стараясь быть в политической «струе», как Борис Николаевич в молодости, несмотря ни на что пробиваются к вершинам власти и пытаются внедрить в сознание россиян «величие личности Б.Н.Ельцина» путем присвоения ему титула «первого президента России». Имя «первого президента России Б.Н.Ельцина», например, присвоили, несмотря на «недовольный ропот» профессуры, Уральскому федеральному университету. Приставка «первый президент России» имеется у огромного сверкающего и величественного здания «Ельцин – центра» в Екатеринбурге, его именем чиновники называют улицы. И делается это для того, чтобы подменить понятия «РСФСР» (только части СССР) на «Россия». При этом умалчивается тот факт, что РСФСР являлась хоть и большой, но только частью России - этой огромной геополитической структуры, созданной многими поколениями правителей Великой Российской Империи, и которую в угоду личных амбиций президент РСФСР Б.Н.Ельцин в одночасье расчленил на части. Потом в 1993 году устроил расстрел из орудий танков здание Верховного Совета России, когда народные депутаты пытались остановить начатую Б.Н.Ельциным кампанию по развалу экономики России. Затем была кровавая бойня на Северном Кавказе. По

свидетельству помощников Б.Н.Ельцина, он имел возможность еще до вооруженного конфликта договориться с бывшим советским генералом Джохаром Дудаевым, приехавшим в Москву из Чечни для беседы. Но Б.Н.Ельцин высокомерно отказался от встречи с представителем чиченского народа. В результате, из-за личностных «особенностей» первого президента РСФСР, десятки тысяч российских солдат и офицеров, а также русских и чеченских мирных граждан, погибли в огне «чеченской войны».

Исторический парадокс: титул «спасителя России» пытаются присвоить человеку, который Россию и разрушил!

Но вернемся в 1980 год. Осмотрев ленинские комнаты части, полистав планы партийно-политической работы, ознакомившись с деятельностью партийно-комсомольского актива полка и проверив журналы учета посещаемости политзанятий, я задал полковому комсомольскому вожаку самый «больной» для любого войскового политработника вопрос:

– Расскажите о состоянии воинской дисциплины в вашей части, и имеются ли в подразделениях признаки «дедовщины»?

– Нет, ну что вы! Какая у нас может быть «дедовщина»? – заверил меня комсомольский секретарь. – Мы живем дружно, старослужащие у нас не притесняют молодых солдат. Да и в боевой обстановке, сами понимаете, это довольно проблематично – оружие есть у каждого. Обидчик во время боевых действий может «случайно» и пулю в спину получить. Поэтому «дедовщины» у нас нет…

Едва успел комсомольский вожак закончить эту фразу, как рядом с палаткой, где мы беседовали, раздались автоматные очереди.

Ошеломленные, мы выскочили наружу и увидели, как один стриженый наголо солдат с автоматом наперевес бегает за сержантом и стреляет в него. Было очевидно, что солдат с автоматом был молоденький, а убегающий – уже старослужащий. К счастью, солдат был еще недостаточно обучен и не научился метко стрелять, поэтому все автоматные очереди прошли мимо старослужащего-обидчика. Новобранца быстро разоружили и успокоили, а дело передали на расследование офицерам из штаба части.

В дальнейшем судьба этого солдата мне неизвестна, но, судя по всему, инцидент удалось замять, так как никому не хотелось иметь ЧП – ни в полку, ни в дивизии. Поскольку никто не пострадал, это дело, по всей видимости, тихо

«спустили на тормозах».

Что и говорить, «дедовщина» в Советской армии всегда была большой проблемой. К сожалению, иногда младшие командиры, особенно в учебных подразделениях, зачастую слишком сильно «закручивали гайки» в процессе обучения и воспитания молодых солдат. Дело порой доходило до рукоприкладства, что шло вразрез с требованиями воинского устава. Иногда некоторых офицеров устраивало то, что сержанты держали «в кулаке» не только молодых солдат, но и весь порядок в подразделении. Эта порочная практика приводила к перекосам. Случалось так, что молодые военнослужащие получали травмы. С «дедовщиной» активно боролись офицеры-политработники во всех частях Советской армии. Где-то это удавалось, где-то – нет. Но проблема эта в войсках всегда продолжала оставаться актуальной.

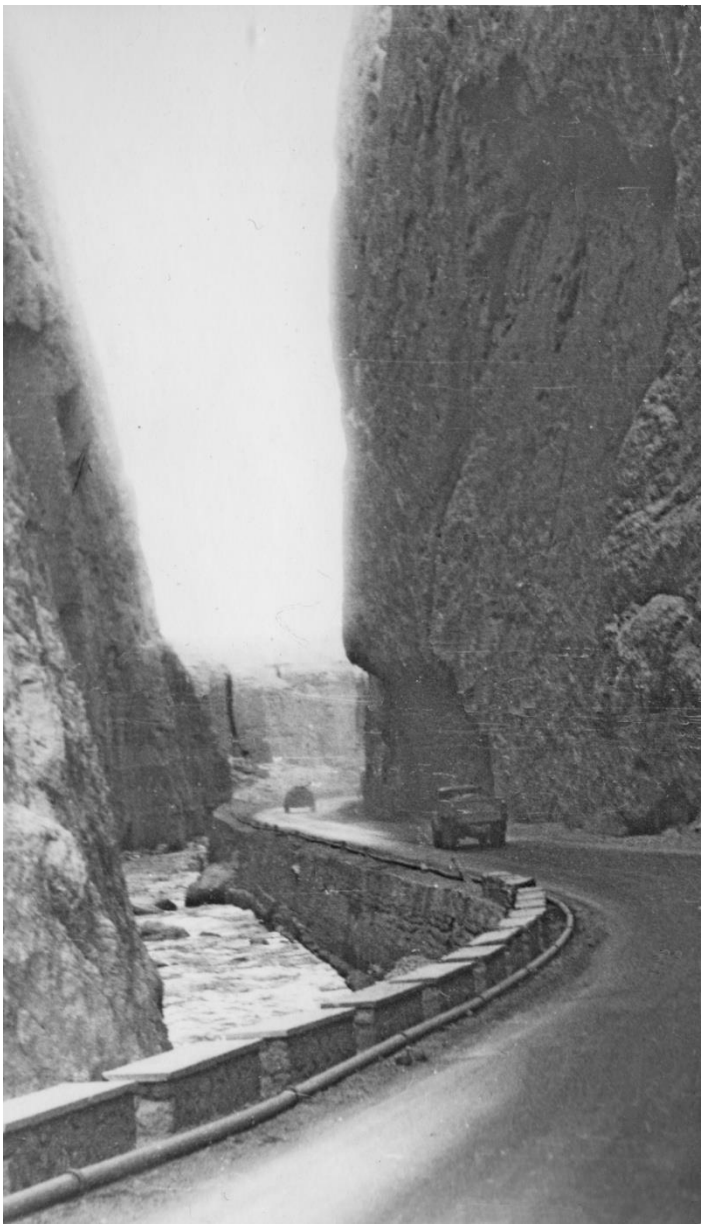
Нельзя сказать, что «дедовщина» – это специфическая особенность только армейской службы. «Дедовщина», я бы сказал, это не армейское, а скорее психологическое понятие. «Дедовщина» возникает в любом обособленном коллективе. И не важно, мужской это коллектив или женский. Не имеет значения и род занятий этого обособленного коллектива людей. Это может быть выездная бригада лесорубов в тайге или вахтовая нефтедобыча. Своеобразная «дедовщина» бывает даже в женской колонии. Всегда в ограниченных людских сообществах появляются лидеры – либо самые умные, либо физически сильные. Эти лидеры и становятся негласными старшими, так сказать, «дедами», которые присваивают себе право отдавать распоряжения, командовать младшими по возрасту, более слабыми духом или умом людьми. В любом случае главная суть «дедовщины» заключается в борьбе за лидерство. Но если в гражданском обществе «дедовщина» менее заметна, то в армии она приобретает уродливые формы и становится постоянной злободневной темой для обсуждений представителями общественности и средств массовой информации.

В армии борьба за лидерство приобретает специфический характер. Порой сержанты требуют от молодых солдат строгого соблюдения норм уставов, а сами допускают их нарушения, небрежно носят военную форму, употребляют спиртные напитки. Ввиду существующей в армии четкой субординации, когда «приказ начальника – закон для подчиненного», очень трудно иногда определить грань между законным и незаконным приказами. В

уставе однозначно прописано требование: подчиненный должен сначала выполнить приказ и только потом, если он не согласен, его обжаловать. На практике же это очень редко получалось. Тем не менее борьба с армейской «дедовщиной» была прямой обязанностью политработников всех уровней. Поэтому в своем подразделении я всегда старался опекать молодых солдат и решительно пресекал попытки «дедовщины» в отношении их.

Смерть по имени «агитгруппа»

Проверив 395-й мсп, наша инспекционная группа продолжила движение на север в сторону города Ташкургана, в районе которого располагался 122-й мотострелковый полк.



В Афганистане добротные дороги построены еще до афганской войны советскими специалистами

От Кундуза до Ташкургана 142 километра. 122-й мсп своей дислокацией и рассредоточением подразделений сторожевыми заставами контролировал дорогу, связывающую Кундуз и Термез. Без преувеличения можно сказать, что эта дорога была афганской «дорогой жизни». По ней шло снабжение из СССР всеми видами обеспечения не только 201-й мсд, но и многих частей 40-й армии.

Так как большую часть дороги мы уже проехали, то путь до Ташкургана показался относительно недолгим, и мы без происшествий благополучно прибыли в расположение мотострелкового полка.

После сытного обеда полковник Назаренко собрал в штабной палатке офицеров инспекторской группы и поставил каждому задачу. В этот раз мне с

офицером одного из мотострелковых батальонов было поручено проверить организацию службы боевого охранения части.

В сопровождение мне дали двух капитанов – замполита батальона и офицера из штаба полка. Замполит был старше нас по возрасту и на правах хозяина машины предложил нам занять места на заднем сиденье, а сам сел рядом с водителем. По пути, беседуя с замполитом (к сожалению, я забыл фамилию этого мужественного человека и настоящего офицера), я понял, что он из той редкой породы людей, которых принято называть «бессребрениками». Он готов был последнюю рубаху с себя снять и отдать солдатам. Заботился о бойцах, как родная мать. Позже, при общении с солдатами его батальона, чувствовалось, что они очень уважают и любят своего замполита. Капитан относился к той когорте убежденных коммунистов, которые, как говорится, не щадя живота своего, могли за идею отдать жизнь. Благодаря таким убежденным людям и была, наверное, одержана победа в Великой Отечественной войне.

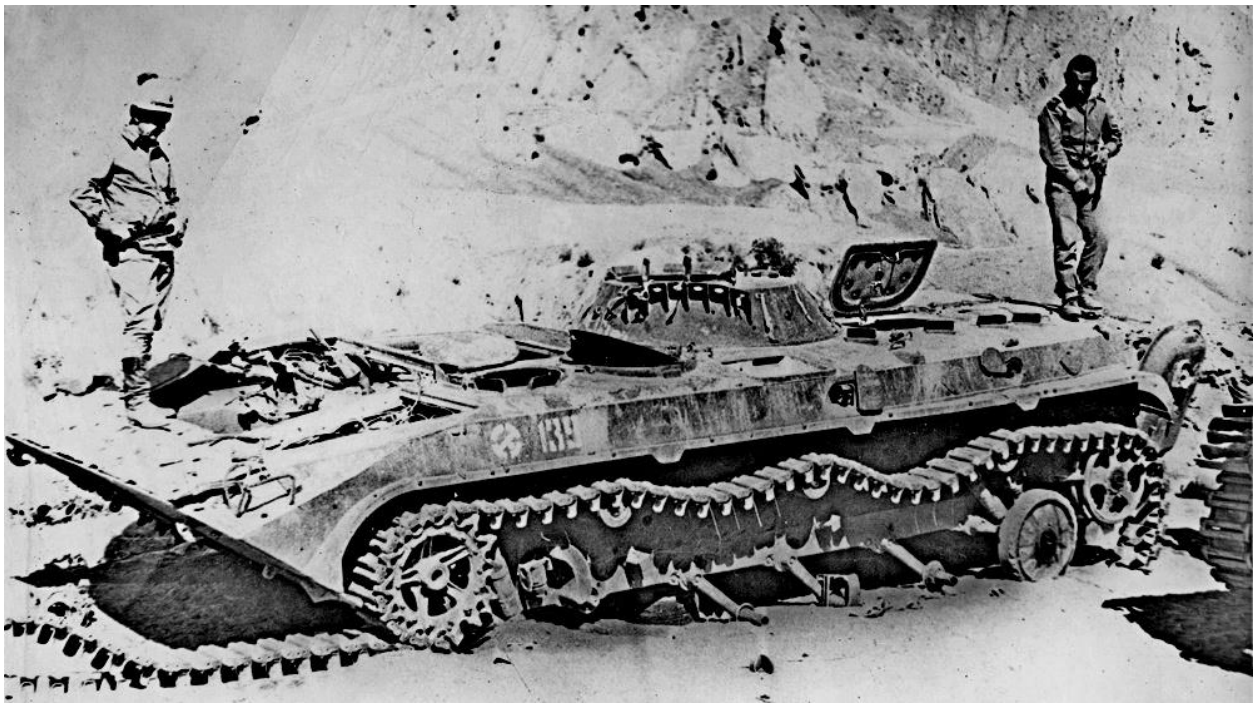
По моим наблюдениям, таких самоотверженных политработников звена «рота», «батальон» в войсках Советской армии было большинство. Например, об одном из таких людей мне рассказал однажды лейтенант Краузе.

В Новосибирском высшем военно-политическом общевойсковом училище наш корреспондент учился вместе с курсантом Евгением Финогеевым. С началом афганской войны оба оказались в Афганистане, где старший лейтенант Финогеев проходил службу заместителем командира мотострелковой роты по политической части. Несмотря на то, что друзья служили далеко друг от друга, они часто переписывались, делились впечатлением от службы и боевым опытом.

Старший лейтенант Е. А. Финогеев

В одном из писем Александру Краузе его товарищ Евгений Финогеев написал: «В газете помещена фотография, где я вручаю рядовому И. Рябикову медаль «За боевые заслуги». Саня, достань эту газету с фотографией. Я ладно, а вот отдам ее солдату, и он пошлет ее матери. Ей будет приятно».

Такие офицеры, как Финогеев, на войне в первую очередь думают не о себе, а о том, как выполнить боевой приказ и сберечь солдат. Именно в этом они видели свое главное предназначение. К сожалению, кавалер ордена Красной Звезды старший лейтенант Евгений Финогеев погиб в бою севернее перевала Саланг, спасая людей и грузы от нападения местных душманов. За этот подвиг политработник Финогеев был награжден орденом Красного Знамени (посмертно).



1980 г. Поврежденная от взрыва противотанковой мины БМП

Таким же, как старший лейтенант Финогеев, был и замполит батальона, с которым мы ехали по пустынному шоссе проверять службу боевого охранения.

Впереди показался одиноко стоящий на дороге автобус.

– Подъезжай к автобусу и остановись немного поодаль, – приказал замполит водителю и, обращаясь уже к нам, добавил: – Зарядите-ка на всякий случай оружие.

Офицер из штаба полка и я вытащили пистолеты, дослали патрон в патронник и снова вложили оружие в свои расстегнутые кобуры.

– Давайте-ка выйдем, – сказал замполит, – только осторожно. Надо узнать, почему автобус стоит на обочине в пустынном месте, – и, повернувшись к водителю, добавил: – Двигатель не глуши. Будь готовым в любой момент рвануть с места.

Выйдя из машины, мы пошли к автобусу. Навстречу нам из открывшейся двери автобуса вышел афганец в гражданской одежде. Видимо, он заметил нас уже давно и был готов к встрече. Афганец довольно хорошо говорил по-русски. Он представился офицером ХАДа и сказал, что с группой партийных агитаторов НДПА едет в город Ташкурган.

Говоря это, афганец вытащил сигарету и попросил зажигалку. Замполит достал зажигалку, дал прикурить. Мы все обратили внимание на то, что сигарета в руках афганца сильно дрожит, и было заметно, что он очень

нервничал. Это обстоятельство сразу вызвало у нас серьезные подозрения: а тот ли он человек, за которого себя выдает?! Кроме этого афганца из автобуса никто не выходил, все шторки автобуса были плотно закрыты, и внутри было тихо.

– А кто в автобусе? – спросил замполит.

– Да так, активисты наши. Едем проводить беседы, читать лекции местному населению.

Вдруг краем глаза я заметил, как одна из шторок медленно приоткрылась, и я увидел, что прямо мне в голову «смотрит» ствол автомата АК-47. Оружие было так близко от меня, что хорошо были видны все потертости на дульном срезе ствола, очевидно, повидавшего виды автомата. Таких устаревших, но по-прежнему надежных «калашниковых» было очень много в бандформированиях моджахедов.

Мне стало не по себе. Обстановка накалялась, чувствовалась неестественность ситуации. Непонятно было, почему автобус был полон вооруженными людьми. «И почему так нервничает возглавлявший их афганец?» – с тревогой подумал я.

Мы обменялись взглядами с замполитом.

«Неужели он не видит, как нервничает «хадовец». И вообще, вооруженные до зубов пассажиры автобуса совершенно не похожи на лекторов и агитаторов!» – с возмущением думал я.

– Политзанятия – дело хорошее, – нарочито равнодушно сказал замполит, – следуйте дальше. – И, повернувшись к нам, скомандовал: – Садитесь в машину, товарищи офицеры!

«Черт возьми! – продолжал я возмущаться про себя. – Неужели он ничего не заметил и не будет досматривать автобус? Похоже, что там бандиты!»

Отряд афганских моджахедов

Мы медленно подошли к УАЗику, сели, и замполит резко сказал водителю: «Гони!»

Водитель тут же дал по газам, и мы помчались по шоссе.

– Вы видели, что в автобусе сидели вооруженные люди? – спросил я замполита.

– Конечно, видел! И жизнь ваша и моя висела на волоске! Если бы кто-то из вас дернулся, нас бы тут же всех перестреляли. Это в лучшем случае… В худшем – взяли бы в плен и сняли шкуру живьем!

Наш УАЗик мчался с бешеной скоростью вдаль от автобуса, набитого вооруженными «путешественниками». И на этот раз смерть прошла мимо.

Приехав в полк, замполит тут же доложил все дежурному по штабу. По рации был отдан приказ всем постам задержать автобус с вооруженным отрядом, но его так и не нашли. Позже выяснилось, что никакого автобуса с лекторами в тот день в Ташкургане не ждали. Скорее всего, это была группа боевиков, переезжавшая с одного места дислокации на другое. Видимо, шум у расположенной недалеко советской воинской части им был не нужен, поэтому душманы на стали в нас стрелять, и мы остались живы.

ППР – совершенная система идеологического воспитания военнослужащих

В 201-й мсд, как и во всей Советской армии, политработники играли большую роль в сплочении воинских коллективов. В боях с моджахедами замполиты часто заменяли погибших или раненых командиров, проявляя при этом тактическую грамотность, самоотверженность и героизм.

Сегодня уже немногие помнят о ранее существовавшей в Советской армии и военно-морском флоте хорошо отлаженной и, как часовой механизм, бесперебойно функционирующей системе комплексного, глубокого и всестороннего идеологического воспитания военнослужащих. Сокращенно эта система называлась ППР (партийно-политическая работа). В шутку солдаты и офицеры между собой эту аббревиатуру расшифровывали так: «поговорили, поговорили и… разошлись». Шутки – шутками, однако, несмотря на многие перегибы, формализм и заорганизованность, система эта работала очень эффективно. Трудно переоценить ее роль как цементирующей основы непобедимости Красной, а затем Советской армии на протяжении всей истории СССР. Главными движителями в ней были политработники: замполиты и пропагандисты подразделений, частей, соединений и объединений, секретари армейских организаций КПСС и ВЛКСМ, культпросвет-работники и, конечно, военные журналисты. Все они на своих местах не только занимались в той или иной степени воспитанием личного состава, но и были носителями и проводниками государственной идеологии в войсках.

На любой войне армия непобедима, если ее солдаты и офицеры объединены победоносной идеей и духовно настроены на победу. Именно на формирование такого боевого духа была нацелена вся система партийно-политической работы в 201-й мсд. Конечно, сегодня, анализируя тот период времени, многое кажется лишним, надуманным, но в целом остается бесспорным тот факт, что система армейских политических органов играла огромную роль в «сколачивании» воинских коллективов. Именно благодаря этой работе Красная армия победила в гражданской войне, а Советские войска разгромили немецко-фашистских агрессоров в Великую Отечественную войну. Тогда каждый красноармеец, а позже советский воин четко и ясно представляли себе задачи и цели, поставленные перед ними государством. Проводниками и носителями этих идей в войсках были красные комиссары, затем офицеры-политработники, объединенные и руководимые стройной

системой армейских политических органов.

В 90-е годы, после расчленения Союза Советских Социалистических Республик, а затем «демонтажа» Б.Н.Ельциным коммунистической системы, в Советской армии были упразднены все армейские политические структуры. Однако, вскоре оказалось, что воспитанием призванных в армию молодых людей заниматься просто некому. Кроме идеологической работы офицеры-политработники занимались еще культурно-просветительской и педагогической деятельностью. В воинских частях Российской армии образовался своего рода духовно-нравственный провал. Армия стала постепенно погружаться в пучину коррупции, воровства и наркомании, что немедленно повлияло на морально-боевое состояние в целом личного состава Российской армии и флота.

Позже, видимо, осознав ошибочность такого решения, руководство Вооруженных сил России пришло к выводу, что в подразделениях все-таки необходимы специально обученные офицеры, которые должны заниматься воспитанием личного состава и готовить военнослужащих к выполнению боевых задач. Без этой работы армия не способна максимально эффективно выполнять возложенные на нее государством задачи.

Во времена Советского Союза в войсках идеологической работой занимались партийно-политические органы, существовала хорошо организованная система подготовки политработников. Были созданы военно-политические училища по всем направлениям воинской деятельности. В них готовили политработников для мотострелковых, танковых, артиллерийских, авиационных, инженерных и других воинских частей. Курс обучения будущих офицеров-политработников строился таким образом, чтобы, прибыв в войска, они были осведомлены не только в области военной науки и техники, но и во всех сферах гуманитарной и общественной деятельности.

Стела центрального входа на территорию СВВПТАУ

Например, в Свердловском высшем военно-политическом танково-артиллерийском училище (СВВПТАУ) кроме физики, электротехники, высшей математики, теоретической механики, сопротивления материалов и других технических предметов нам преподавали философию, логику, психологию, отечественную и зарубежную историю, историю международного коммунистического и национально-освободительного движения, изобразительное искусство, архитектуру, классическую и современную литературу (русскую и зарубежную), полиграфию и оформительское искусство. Все это изучалось на фоне напряженной боевой подготовки: все будущие политработники должны были подавать личный пример в отличном владении всеми видами оружия и техники, обладать тактическими знаниями и навыками на уровне офицеров, закончивших командные военные училища. Поэтому офицер-политработник был не только профессиональным идеологом – агитатором и пропагандистом, но и прекрасно подготовленным офицером по соответствующей боевой специальности. Не случайно многие политработники в последующем стали командирами и известными военачальниками. И сегодня в политической жизни страны активно участвуют бывшие выпускники военно-политических училищ и Военно-политической академии им. В. И. Ленина, переименованной позже в Гуманитарный университет Министерства обороны.

С большой теплотой и благодарностью я вспоминаю начальников СВВПТАУ: генерал-майора Б. П. Уткина, генерал-лейтенанта А. Ф. Коростыленко, генерал-майора К. П. Круглова, а также наших непосредственных наставников – командиров и профессорско-

преподавательский состав училища. Преподаватели нашего военно-политического училища давали курсантам не только прочные и глубокие навыки по военным и гуманитарным дисциплинам, но и формировали у них активную жизненную позицию, воспитывали в будущих офицерах-политработниках человечность и внимательное отношение к людям. Все это пригодилось нам в практической войсковой деятельности на протяжении многих лет. Героями Российской Федерации стали воспитанники училища В. В. Полянский, Н. С. Стволов, А. Г. Монетов.

1971 г. Будущие армейские идеологические работники принимают военную присягу

Изменилась Россия. Мир вступил в новый XXI век. Однако всесторонние навыки и обширные знания, полученные в высших военно-политических училищах, до сих пор помогают выпускникам этих учебных заведений успешно трудиться в государственных и общественных структурах, в политике, в области современных PR-технологий, рекламе и искусстве. Среди них воспитанники СВВПТАУ: первый заместитель председателя комитета по обороне и безопасности Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, лидер Общероссийской общественной организации «Российский союз ветеранов Афганистана» Ф. А. Клинцевич, министр печати и информации Московской области С. Н. Моисеев, заместитель мэра города Москвы А. Н. Горбенко, заместитель руководителя Федеральной службы по надзору за

соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия Н. Ю. Ефремов и многие другие.

В бывших советских республиках выпускники военно-политических училищ занимают высшие посты в министерствах обороны и правительствах своих, уже самостоятельных, стран.

Как летчики меняли вертолет на афганских «невест»

На следующий день вместе с начальником штаба дивизии мы на вертолете отправились в город Шибарган, где располагался танковый батальон 122-го мсп. Вокруг лежали пески. Тонкой ниточкой под нами петляло шоссе, которое тянулось через весь север Афганистана. Батальон этот находился на самом краю зоны ответственности 201-й мсд, и поэтому сюда редко доезжало вышестоящее полковое начальство и тем более из штаба дивизии.

Когда наш вертолет приземлился, я засунул под мышку пачку газет «За честь Родины», «Правда», «Красная Звезда» и пошел с полковником Назаренко в расположение батальона. Мимо нас к вертолету проследовали два местных бородатых старика в цветных халатах. Кивком головы они поприветствовали нас, а мы – их.

Нас встретил комбат и доложил о готовности батальона к проверке. Это подразделение 122-го мсп уже много месяцев находилось в этом районе, и командир очень хорошо наладил быт своего подразделения. В песках были отрыты многокомнатные землянки глубиной около трех метров, так что можно было ходить в полный рост. В жару там было прохладно. Внутри было чисто и аккуратно. На полу лежали коврики, на кроватях – чистое белье, солдаты были аккуратно одеты. Во всем чувствовался порядок. Начальник штаба дивизии остался доволен осмотром расположения танкистов.

– Ну что, комбат, – сказал полковник Назаренко, – устроились вы хорошо, добротно. Должен вас предупредить, что скоро вам предстоят длительные рейды.

Лицо комбата изменилось и приняло озабоченный вид.

– В ближайший месяц, – продолжал полковник,– ваш батальон по плану будет задействован в проведении ряда операций против местных

бандформирований. Необходимо усилить подготовку личного состава, особенно обратите внимание на стрельбу и рукопашный бой. Практика боевых действий показала, что солдатам разных родов войск необходимо уметь вести контактный бой с противником. Как конкретно будет использован ваш личный состав, будет объявлено позже.

Раздача продуктов питания в одном из местных афганских племен

По лицу комбата я понял, что это сообщение было для него далеко не радостным. Перед этим он докладывал полковнику Назаренко, что в зоне ответственности вверенного ему батальона он наладил хорошие отношения не только с представителями местной власти, но даже с вождями своего рода «независимых» племен. Многие предводители таких общин, хоть и были противниками народной власти и даже часто оказывали местным властям вооруженное сопротивление, но на советских военнослужащих нападали редко. Таким образом, здесь сложилась своеобразная ситуация: «вы нас не трогаете, а мы вас не трогаем…». Поэтому комбат воспринял информацию о предстоящих боевых действиях без особого восторга. Он понимал, что «мирное» сосуществование его батальона с местными неофициальными лидерами в ближайшее время может быть нарушено. Вслух же он, конечно, ничего не сказал и заверил, что батальон готов к выполнению любой поставленной задачи. В заключение проверки я попросил комбата распределить по подразделениям привезенные мной газеты, и мы с начальником штаба

покинули расположение батальона.

Подходя к винтокрылой машине, мы снова встретили двух аксакалов. На этот раз они шли от вертолета с тремя женщинами и очень громко чем-то возмущались. Подойдя к летчикам, начальник штаба спросил, чем обидели они афганцев.

Афганские женщины

– Товарищ полковник, – стал объяснять ситуацию командир вертолета, – только вы отошли, как подходят афганцы и жестами, намеками стали предлагать купить наш вертолет. Мы решили пошутить и сказали, что вертолет не продается, но мы можем его поменять на афганских женщин. Нас спросили, сколько женщин нужно. Ну, я и показал на пальцах цифру три, так как нас трое: я, штурман и бортмеханик. Ну, пошутили и разошлись. Мы тут небольшим ремонтом занялись. Смотрим, а они снова к нам идут и ведут с собой трех женщин в парандже! Давайте, мол, нам свой вертолет, как договаривались, а мы вам… женщин. Куда деваться-то, вроде мы сами назначили условие обмена. Хорошо, штурман сообразил: покажите, говорит, свой товар, так сказать, лицом! А этого, оказалось, делать нельзя до уплаты калыма! И тогда мы отказались менять вертолет на женщин. Вот они и были недовольны, что сделка не состоялась!

– Ох, дошутитесь вы у меня! – сказал, смеясь, начальник штаба, забираясь

по приставной лестнице в вертолет.

Винтокрылая машина поднялась в небо, и мы полетели обратно в расположение 122-го мсп. Выполнив план проверки 395-го и 122-го мотострелковых полков, наша инспекторская группа снова погрузилась в БТРы, и мы двинулись в обратный путь.

«Вот пуля пролетела и – ага…»
(Из старой солдатской песни)

Путь домой всегда кажется короче и веселее. Наша колонна наматывала километр за километром и, казалось, что мы очень скоро будем дома. Настроение было хорошее, рассказывали анекдоты. Преодолев горный хребет, мы выехали в долину, и тут вдруг из кустарника, что тянулся в 150–200 метрах справа от дороги, душманы открыли по нам огонь из гранатомета. Точнее, боковым зрением я успел лишь увидеть, как огненный шар полетел в сторону нашего бензозаправщика. К счастью, граната пролетела в нескольких метрах впереди нас и взорвалась в кустах недалеко от шоссе. Мы с водителем вжались в спинки сидений и, казалось, перестали дышать.

Старшие машин наверняка видели, как справа по нам ударил вражеский гранатомет. Однако колонна продолжала движение, лишь немного снизив скорость. Побелевшими кистями рук солдат с трудом вращал большой руль. Не знаю, о чем думал в этот момент водитель, но я почему-то был абсолютно уверен, что второй гранатой душман не промахнется. Кожей, каждой клеткой своего тела я чувствовал, что сейчас, через мгновение, ракета ударит в бензозаправщик и огненный вихрь разорвет наши тела на мелкие горящие осколки.

Ручной противотанковый гранатомет РПГ-7 (в руках боевика в центре) очень часто использовался в отрядах душманов при обстрелах советских колон с грузами

Однажды, будучи еще лейтенантом – замполитом учебной танковой роты, я принял участие в тренировочных стрельбах из гранатомета вместе с гранатометчиками мотострелкового полка на полигоне учебной танковой дивизии, где я проходил службу до Афганистана. В училище нас, будущих офицеров танковых подразделений, обучали стрелять из всех видов оружия сухопутных войск, в том числе из противотанкового гранатомета. Поэтому я охотно принял предложение своих друзей – молодых офицеров-мотострелков поупражняться в стрельбе из ручного противотанкового гранатомета (РПГ) по движущейся цели. Первой гранатой я промахнулся. Снаряд пролетел немного впереди цели. Сделав поправку в упреждении цели, вторую гранату я всадил точно в центр мишени.

Сейчас я сам был целью…

Точнее – целью были мы с водителем на нашем беззащитном бензозаправщике. Сознавая всю беспомощность нашего положения, мы даже не пытались отстреливаться. Мы ждали второго выстрела гранатометчика…

– Притормаживай, притормози, тормози! – закричал я водителю, интуитивно надеясь изменением скорости движения бензозаправщика помешать гранатометчику сделать правильное упреждение в прицеливании по нашей машине. Водитель так резко нажал на педаль тормоза, что идущий за нами БТР чуть не врезался в наш бензозаправщик. Вторая граната снова пролетела перед нами, но значительно ближе, как раз там, где мы должны были

находиться, если бы не сбавили скорость.

Со всех БТРов по кустам ударили крупнокалиберные пулеметы. Душманы огрызнулись автоматными очередями. То ли огонь пулеметов из БТРов не давал противнику лучше прицеливаться, то ли гранатометчики душманов были плохо подготовлены, но все снаряды, к счастью, прошли мимо нас. Огонь из кустарника прекратился так же неожиданно, как и начался.

– Кажется, отделались легким испугом, – выдохнул я, продолжая сидеть, «размазавшись» по спинке сиденья.

Водитель ничего не ответил, только нервно и часто сглатывал слюну, уставившись испуганными глазами в идущий впереди БТР. Наша колонна снова оказалась «не по зубам» бандитам. Мы увеличили скорость и продолжили свой путь. Проехав пару километров и немного успокоившись, мы переглянулись с водителем и оба одновременно с облегчением вздохнули. Вся остальная дорога прошла без происшествий, и я благополучно добрался до расположения своей редакции.

Глава 4. Дорога домой

«Дембельская» командировка в Кабул

В частях дивизии началась плановая замена офицеров и прапорщиков.

В Вооруженных силах СССР военнослужащим, участвующим в боевых действиях, выслуга лет исчислялась месяц за три. То есть воевал один месяц, а в личном деле в графе «выслуга лет» кадровики запишут три.

После двух лет службы в Афганистане происходила замена личного состава. Однако первые замены пошли уже через полтора года. Первым из редакции на Родину после болезни уехал лейтенант Краузе. Прошло всего чуть больше года, но мы, и солдаты, и офицеры, очень сроднились друг с другом. Вместе мы испытали все лишения боевой жизни: зимой мерзли в холодной палатке и сушили у печки-буржуйки постоянно мокрые сапоги и портянки, а летом изнывали от жары и жажды.

Только проводили корреспондента Краузе, как пришло сообщение о моей предстоящей замене.

– Ну вот, Станислав, тебе предстоит «дембельская» командировка в столицу Афганистана, – сказал мне Николай Бурбыга после очередного совещания в политотделе дивизии. – В Кабуле заберешь комплект агитационных материалов, а заодно запчасти к станкам и краску.

Ну что же, командировка так командировка. Дело уже привычное. Почистил свой автомат, проверил пистолет и магазины к нему. Снарядил патронами шесть магазинов к автомату. Четыре магазина – в подсумок, а два положил друг на друга в разные стороны и замотал изолентой. Кстати, такой способ увеличения в два раза объема магазинов к автомату Калашникова стал широко применяться советскими солдатами впервые именно в начале войны в Афганистане. Таким способом можно было связать не только два магазина, но и три, и даже четыре. Сейчас часто можно увидеть по телевидению такую «самоделку» в горячих точках у иностранных солдат, вооруженных «калашами» – клонами легендарного Калашникова, сделанными в Китае, Израиле и еще бог знает где.

Получив КАМАЗ в автобате, я отправился в путь и скоро без происшествий доехал до Кабула.

1981 г. Кабул

Столица Афганистана расположена как бы на дне большой чаши, по всему периметру которой возвышаются горы с острыми вершинами. При посадке на аэродром Кабула воздушные судна вынуждены были низко пролетать над вершинами этих гор. В этот момент самолеты наиболее уязвимы и являлись легкой добычей для переносных зенитно-ракетных комплексов душманов. Поэтому посадка на кабульский аэродром для советских летчиков была всегда очень рискованной.

Кабул – относительно небольшой город, состоящий в основном из одноэтажных домов, сделанных из саманного кирпича. Этот строительный материал повсеместно распространен на востоке, где для обжига глины, смешанной с соломой, вместо печи используется естественный жар, исходящий от солнца.

Многоэтажные дома в Кабуле в небольшом количестве располагаются только в центре города.

1981 г. Кабул

Кода я ехал на машине по Кабулу, то обратил внимание на большое количество народа на улицах. Среди прохожих много женщин. Одеты они были традиционно в длинные рубахи в виде мешка с мелкой сеткой в районе глаз. Такой наряд прикрывал всю фигуру женщины от макушки до пяток и доходящие до щиколоток штаны. Единственное, что могли позволить себе женщины, – варьировать цвета одежды: голубой, черный, бежевый и другие.

Однако не все женщины в афганской столице были одеты таким образом. Некоторые носили европейскую одежду и даже брючные костюмы. Видно было, что это гражданки Афганистана, а не приезжие. Но так было только в столице, где наряду с исламом были в ходу и светские законы. За окраинами же Кабула открытое женское лицо было увидеть невозможно, там главенствовали строгие правила ортодоксального ислама.

Две жительницы Кабула. Одна – представительница ортодоксального ислама (слева), другая – женщина нового Афганистана.
(Фотографировать афганских женщин по местным обычаям не принято, но мне удалось сделать этот снимок из окна автомобиля)

Попав в центр Кабула, я с интересом наблюдал картину бойкой уличной торговли. На асфальте, а где и прямо на земле, на пустых ящиках и старых газетах сидели продавцы и торговали мелкими вещами, продуктами питания, измельченной деревянной стружкой, которую в Союзе зачастую просто выбрасывали. Такого рода торговля на улицах советских городов в 80-х годах была просто невозможна. В СССР борьба с антисанитарией была серьезная, да и убогие прилавки из ящиков могли испортить внешний вид улиц. Поэтому продажа чего-либо с рук в Советском Союзе строго запрещалась.

Тогда, в начале 1980-х, мы и предположить не могли, что всего через десяток лет президент РСФСР Б.Н.Ельцин подпишет так называемое «Соглашение» о расчленении многовековой России, при социалистическом строе менуемой СССР, на несколько частей. После этого начнут закрываться заводы и фабрики, а советские граждане, чтобы выжить, станут так же, как

бедные жители афганской столицы, прямо на улицах продавать свои старые пожитки и мелкую бытовую утварь. Но это случится уже после «афганской войны».

В столице Афганистана меня еще очень удивила практически открытая торговля наркотиками. Создавалось впечатление, что наркоторговцев в афганской столице никто не преследовал. Продавали так называемый «нас» и какой-то наркотик коричневого цвета, который можно было сворачивать в рулончик. Стоимость его зависела от размера рулончика. Для советских людей все это было дикостью, и редко кто отваживался попробовать наркотики. Замеченные в употреблении наркотического зелья военнослужащие строго наказывались в дисциплинарном порядке. Тогда мы и в кошмарном сне не могли увидеть, что скоро после «перестройки» первого и последнего президента СССР М.С.Горбачева и «реформ» Б.Н.Ельцина наркотики широким потоком хлынут из Афганистана в советские города и села.

Дворец Амина

Штаб 40-й армии располагался во дворце Амина – бывшего главы ДРА. Меня поразила архитектура дворца: это было очень красивое здание. Прежде всего, меня, как человека с Урала, удивило разнообразие мраморных камней: были здесь и красный, и синий мрамор, и камни других оттенков, которых я

раньше даже и не видел. Везде были выложены узоры. После штурма дворца Амина в здании был проведен ремонт, и следов от разрушений уже не осталось. Зато не было приведено в порядок другое сооружение, стоящее поодаль, в виде «летающей тарелки». Оно было все испещрено выбоинами от пуль и, наверное, не подлежало восстановлению. В свое время это был ресторанный комплекс, который обслуживал обитателей дворца Амина. Когда я зашел внутрь «тарелки», то увидел печальную картину: кругом валялись кирпичи, битые стекла, куски портьеры с вышитым гербом царских времен Афганистана. Я поднял кусок портьеры с пола, отряхнул от пыли и, сложив вчетверо, положил себе в полевую сумку.

Через много лет этот кусок портьеры и свой видавший виды фотоаппарат «Зоркий-4», с которым я в Афганистане практически не расставался и с помощью которого сделаны почти все фотографии в этой книге, я отдал музею Приволжско-Уральского военного округа (позже – Центрального военного округа) для оформления экспозиции об афганской войне.

Через день, получив на складах запчасти и расходные материалы, я отправился в обратный путь и без происшествий добрался до своего полевого лагеря на окраине Кундуза. Вернувшись в редакцию, я вновь с головой окунулся в работу над газетой, но мыслями уже был на Родине. Скоро предстояла встреча с родными и близкими!

Заменщик

Среди военнослужащих ОКСВ появилось в ходу слово «заменщик». Так на армейском сленге назывались военнослужащие, приезжающие на замену тех, кто прослужил в Афганистане два года. Раненых и больных заменяли досрочно.

Направляемый в Афганистан заменщик приезжал непосредственно в воинскую часть и уже на месте принимал у заменяемого им военнослужащего должность, оружие и имущество, за которое тот отвечал.

Наконец, и я дождался своего заменщика. На смену мне приехал старший лейтенант Алескендер Рамазанов. Мы обменялись с ним коротким приветствием. С виду обычный офицер, но меня насторожил его неуловимый и какой-то «убегающий» взгляд. Мне сразу показалось, что человек он какой-то

скользкий и ненадежный. Но, как говорится, кого прислали, того прислали.

Много лет спустя я гостил на даче у своего знакомого, который служил в Афганистане летчиком, но немного позже меня. Вместе с ним мы пили чай с вкусным клубничным вареньем, вспоминали «афганскую войну». Беседуя со своим боевым товарищем, я обратил внимание на то, что он использует как подставку для горячего чайника книгу с афганскими фото на обложке.

- Кто написал эту книгу? О, это же мой заменщик! – воскликнул я, убирая с «книги-подставки» чайник, и заметив на обложке имя автора.

Тогда я впервые увидел книжку, автором которой оказался офицер, заменивший меня в Афганистане в 1981 году.

- Какой-то странный твой заменщик. - Начал делиться со мной своим впечатлением о книге мой товарищ. - Собрал он в своём «опусе» самое плохое, самое «гнилое», что было в Афгане. Честно говоря, я не дочитал ее до конца – противно стало и обидно за бойцов вашей 201-й дивизии. Твой заменщик описывает нашу службу в Афгане, как-то все в «черных» тонах. Он показывает офицеров и прапорщиков 201 дивизии, да и вообще всех нас, кто воевал в Афганистане, как злодеев и беспробудных пьяниц. А все солдаты и сержанты, у него вроде как грабители и убийцы мирного гражданского населения. Сочинения твоего заменщика напомнили мне скандальное выступление академика Сахарова с трибуны Верховного Совета СССР о том, что во время боевых операций в Афганистане, будто бы наша артиллерия и вертолеты вели огонь по попавшим в окружение своим войскам. Якобы, для того, чтобы наши солдаты и офицеры не попали в плен к душманам. Бред какой-то! И эта ложь тогда была озвучена на всю страну! А сейчас и твой заменщик в своей книге пишет о том, как наши авиаторы будто бы расстреливали беззащитных афганских женщин и детей. Скажи, мне, боевому летчику, каково было читать такую мерзость?

Так получилось, что в 1981 году мы с моим заменщиком общались мало, однако, в его поведении я сразу почувствовал какую-то болезненную амбициозность. Такая черта характера чаще всего бывает у самолюбивых людей, у которых очень низкая самооценка и постоянное стремление к самоутверждению в социуме. Рамазанов до службы в армии окончил краткосрочные курсы офицеров запаса. И вот этот бывший «офицер-любитель» (так он сам себя называет) в своем «творении» называет своих коллег

офицеров, военных профессионалов, «животными». А многих своих сослуживцев, походя, просто обзывает обидными кличками.

По мнению моего заменщика, военнослужащие ОКСВА были в Афганистане «окупантами». Недаром один из офицеров части, в которой до Афганистана служил мой заменщик, узнав о его направлении в Афганистан, заявил сотрудникам особого отдела, что Рамазанова нельзя отправлять в район боевых действий: «Может и перебежать…». Видимо, уже тогда служившие с ним офицеры разглядели в нем человека «специфических» взглядов и моральных принципов. Да и после службы в Афганистане, уже на новом месте, Рамазанов, что называется, не прижился. Как рассказывают бывшие его сослуживцы по газете Туркестанского военного округа «Фрунзевец», мой заменщик проявил себя там так, что позже его перевели в другое место на нижестоящую должность.

Свою службу в Афганистане Рамазанов охарактеризовал в своих «мемуарах» предельно коротко: «Бабы, водка, анекдоты». В пылу «литературного стриптиза» - что вижу, о том и пою, Рамазанов хвастливо и с вожделением рассказывает, как он в Афганистане, угрожая пистолетом на очередной попойке, попытался произвести, как бы сказать, «действия сексуального характера» в отношении женщины - служащей Советской Армии. Судя по тексту «произведения» Рамазанова, вся его афганская «эпопея» - это сплошные пьяные оргии, которые иногда прерывались лишь короткими «перепалками» с «тупыми» начальниками. Мало того, автор даже описывает, как обыденное явление, свое пристрастие к наркотикам.

Безвкусица и пошлость.

Не было такого в 201 мсд вообще, и в редакции газеты «За честь Родины» в частности! По крайней мере, до появления в нашей дивизионной многотиражке моего заменщика Рамазанова.

Кстати, он не первый и наверняка не последний «литератор», который обижен, кажется, на весь белый свет и во всем видит только мерзкое и отвратительное. Такие писатели, как А.И.Солженицин, И.А.Бродский, В.Б.Резун (В.Суворов) и прочие «мастера» грязного слова и пера прославились прежде всего тем, что обмазывали густой грязью свою Родину - Советский Союз, Россию, и всех тех, кто их «особенную» личность, когда - либо обидел. А «обижали» их все: сослуживцы, командиры, начальники, конвоиры, судьи,

государство и так далее по списку. И когда Бог, наверное по ошибке, дает таким «обиженным» людям талант и возможность писать книги, то в памяти потомков остаются несветлые лики наших современников - отважных героев, мужественных и смелых людей, а отвратительные образы жалких и трусливых людишек, которых «угнетают» не менее гнусные и отвратительные «начальники-монстры».

Вот, например, как про воинов-интернационалистов написал Иосиф Бродский в Ш части «Стихов о зимней компании 1980 года»:

«Заунывное пение славянина
вечером в Азии. Мерзнувшая, сырая
человеческая свинина
лежит на полу караван-сарая…».

Вот так! Не больше и не меньше. Для Иосифа Александровича мы в Афганистане были просто «свининой».

Конечно, Рамазанову далеко до перечисленных здесь литературных «глыб». Как говорила незабвенная актриса Фанни Ги́ршевна Фе́льдман (Фаина Раневская): «Талант, как прыщ, не спрашивает на ком выскочить. Может и на дураке выскочить»!.. Тем не менее, я попросил у своего товарища - боевого летчика подарить книжку моего «афганского» заменщика. На память. На дурную память.

«Свобода слова» и «плюрализм мнений» - это, наверное, хорошо. Но, когда подобные «офицеру-любителю» Рамазанову, авторы пытаются опошлить интернациональную миссию Советской Армии в Афганистане и не утруждают себя мыслями о том, что их «творения» могут прочесть дети, родные и близкие живых и погибших наших товарищей, честно и мужественно выполнявших свой воинский долг за пределами Отчизны - это недостойное и презренное занятие!

Конечно, не все было гладко и красиво в нашей жизни в Афганистане. Война есть война. А на войне героизм и подлость часто бывают рядом. Но нельзя же искажать правду о тяжелой и опасной службе Советских воинов в Афганистане и втаптывать их в грязь!

На войне хорошие люди становятся еще лучше и светлее, а плохие – только еще хуже. Пусть Бог и наша память станут судьями тем, кто пытается принизить героизм и ратный подвиг Советских воинов в Афганистане.

К слову, позже, проходя службу в Кушке пропагандистом полка, затем пропагандистом дивизии, иногда мне приходилось встречаться с журналистами, подобными Рамазанову. Как правило, это были младшие офицеры, но с «генеральскими» амбициями. Приезжая в воинские части, они, прежде всего, искали не положительные примеры ратного труда солдат и офицеров, а разного рода «недостатки». И потом со злорадством наблюдали, как местное воинское начальство волнуется и старается всячески «задобрить» их – «больших журналистов» и «влиятельных людей», которые могли со страниц своей газеты либо похвалить какого-нибудь командира, либо показать его в нелицеприятном виде. Пользы от «труда» таких «творческих работников» не было никакой. Они только дискредитировали профессию военного журналиста. К счастью, таких, с позволения сказать, «корреспондентов» мне довелось встречать немного.

Считаю, что в Афганистане мне очень повезло с сослуживцами и коллегами. Все журналисты, которые служили в 40-й армии или приезжали сюда в командировку, с кем мне довелось позже учиться в академии и работать, запомнились как честные, отважные и смелые люди, настоящие профессионалы своего дела. Взять хотя бы военных журналистов Дмитрия Захарова, Игоря Кушелева, Олега Исмагилова, Анатолия Чиркова и многих других.

Майор В. В. Глезденев

Особо хотел бы остановиться на начальнике отдела боевой подготовки и спорта газеты Туркестанского военного округа «Фрунзевец», майоре Валерии Глезденеве. Многие в Афганистане знали этого мужественного человека, читали его великолепные очерки и репортажи. Однажды майор Глезденев, участвуя вместе с мотострелками 201-й мсд в боевой операции, тащил на себе раненого солдата. В другой операции группа, в которой был отважный журналист, находилась в отрыве от основных сил и долго не выходила на связь. Командование части стало беспокоиться, жив ли корреспондент из окружной газеты. И тут все увидели, как Глезденев несет четыре трофейных автомата, добытые им в бою с душманами. Во время войсковой операции, когда он вместе с несколькими солдатами наткнулся на засаду, журналист не растерялся и огнем из своего автомата уничтожил всех нападающих. С большим сожалением позже я узнал, что этот прекрасный человек и талантливый журналист погиб в сбитом душманами вертолете.

Что же касается моего заменщика, то позже от сослуживцев я узнал, что после моего отъезда из Афганистана Рамазанов, стал злоупотреблять спиртными напитками и самоустранился от своих прямых обязанностей. Его работу взял на себя корреспондент, лейтенант Игорь Махно, который сменил ранее уехавшего в Советский Союз лейтенанта Александра Краузе.

Прощай, Кундуз!

Передав все дела своему заменщику, я стал собираться к отъезду на новое место службы – в 88-ю мотострелковую дивизию, дислоцированную в поселке городского типа Кушка, расположенном почти у границы, на самой южной окраине Советского Союза.

Первоначально я подлежал замене в город Белая Церковь ответственным секретарем дивизионной газеты. Однако генерал Родин, случайно находившийся в это время в политотделе нашей дивизии, предложил мне принять должность пропагандиста танкового полка в Кушке. Это назначение давало мне возможность уже через три месяца поступить в академию. Поэтому я сразу согласился на неожиданное предложение начальника политуправления Туркестанского военного округа. Но, как часто бывает, в этом непредсказуемом мире мы планируем одно, а жребий судьбы нам достается другой.

Предполагаемые мной три месяца службы в Кушке растянулись на три долгих года.

И всё же я благодарен той мимолетной встрече в штабной палатке с генералом Родиным. За эти три года службы в Кушке я дослужился до должности пропагандиста дивизии и накопил большой практический опыт агитационно-пропагандистской работы в войсках. Этот опыт мне очень пригодился, когда после окончания отделения журналистики Военно-политической академии им. В. И. Ленина я был назначен начальником отдела окружной газеты, а позже заместителем начальника пресс-службы Уральского военного округа.

Упаковав свои вещи в чемоданы, я тепло попрощался со своими боевыми товарищами: старшим лейтенантом Николаем Бурбыгой, прапорщиком Григорием Сапегой, лейтенантом Игорем Махно, солдатами редакции – Машковым, Стасенко, Евдокимовым. Тяжело было расставаться с сослуживцами – за время, проведенное в Афганистане, мы все стали больше, чем коллеги по профессии или родственники, мы стали братьями по оружию.

Транспортный самолет легко пробежался по взлетной полосе и резко пошел на набор высоты. Видимо, летчики старались как можно быстрее преодолеть зону действия душманских крупнокалиберных пулеметов и ПЗРК (переносной зенитно-ракетный комплекс).

Моджахед изготовился для стрельбы по воздушной цели из ПЗРК американского производства Stinger (в переводе с англ. – «жало»)

Глядя в иллюминатор, я в последний раз увидел кундузский аэродром и палатки подразделений охраны и управления 201-й мсд. Где-то среди них была и палатка нашей редакции. Постепенно Кундуз скрылся в песчаной дымке. Внизу, кажется, снова начал дуть песчаный ветер «афганец». Самолет набрал необходимую высоту и взял курс на север.

Приземлившись в Ташкенте, пассажиры нашего самолета – солдаты и офицеры – сразу попали в «объятия» таможенников. Они с пристрастием досматривали нас и наши вещи, изымая все неположенное.

Мне вдруг вспомнилось, что в одном из двух моих чемоданов была коробка с фотопленками и довольно толстая пачка фотографий с мест боевых действий дивизии. Кроме того, я с тоской подумал, что под фотографиями лежала папка с архивом, в котором, кроме прочих документов, лежали оригиналы боевых донесений политработников частей и подразделений 201-й мсд, а также годовая подшивка газеты «За честь Родины», где на каждом экземпляре газеты была надпись: «Из части не выносить!». В то время вывоз с территории Афганистана каких-либо материалов, связанных с боевыми действиями, был категорически запрещен. Обнаружив фотографии и архив, таможенники должны были все изъять, а меня могли отправить под арест в военную комендатуру. Надо было что-то срочно придумать!

– Кто перевозит с собой оружие, боеприпасы или наркотические вещества? – спросил, обращаясь к нам, таможенник.

Все, кто со мной прилетел, молчали, и только я поднял руку и сказал:

– Совершенно забыл! У меня там один разряженный патрон лежит в чемодане. Разрешите, я у вас его оставлю.

– Да, да, конечно, – оживился таможенник.

Он оставил в покое мой чемодан с фотографиями и с энтузиазмом стал мне помогать искать патрон в другом чемодане. Разумеется, ничего мы не нашли.

– Извините! По-видимому, я все-таки не взял с собой патрон…

Но таможенник уже досматривал другой, не мой чемодан и на мои извинения никак не прореагировал. Так мне удалось сохранить фотографии и документы, рассказывающие о первом годе афганского периода истории 201-й мсд.

Только пройдя пункт таможенного контроля и выйдя из здания аэропорта, я вдруг осознал, что вернулся на Родину. Мне захотелось глубоко, полной грудью вдохнуть воздух своей страны. Афганистан остался позади. Впереди была служба на новом месте. Меня ждала новая, мирная жизнь.

Эпилог

После окончания афганской войны прошло уже много лет. Фотографии, отпечатанные в полевых условиях, пожелтели, а эмульсия на них потрескалась. Но сохранившиеся у меня пленки с негативами навсегда запечатлели ратный подвиг воинов ОКСВА. Афганская война стала для военнослужащих Советской армии суровым испытанием на мужество и стойкость.

Присутствие в Афганистане советских воинов очень осложнило деятельность производителей и поставщиков афганских наркотиков по всему миру. На границах Афганистана с другими странами, особенно с Пакистаном, активно действовали подразделения спецназа ГРУ СССР. Они перекрывали тайные горные тропы контрабандистов, захватывались или уничтожались караваны с оружием и наркотиками. В ответ международная наркомафия начала беспрецедентную по масштабам и цинизму идеологическую и вооруженную борьбу с СССР. Исполнителями ее черного замысла стали агенты «империи зла» – Центрального разведывательного управления США и боевики из числа радикальных мусульманских группировок.

После вывода советских войск из Афганистана поставки наркотиков в Европу увеличились в разы. В своем интервью газете «Известия» французский эксперт в области анализа мирового наркотрафика Ален Лаброусс отметил, что в Афганистане к 1989 году наркопроизводство колебалось в пределах 1000–1500 тонн в год. С уходом советских войск из Республики Афганистан производство наркотического зелья увеличилось почти в два раза и достигло к 1994 году 2500 тонн.

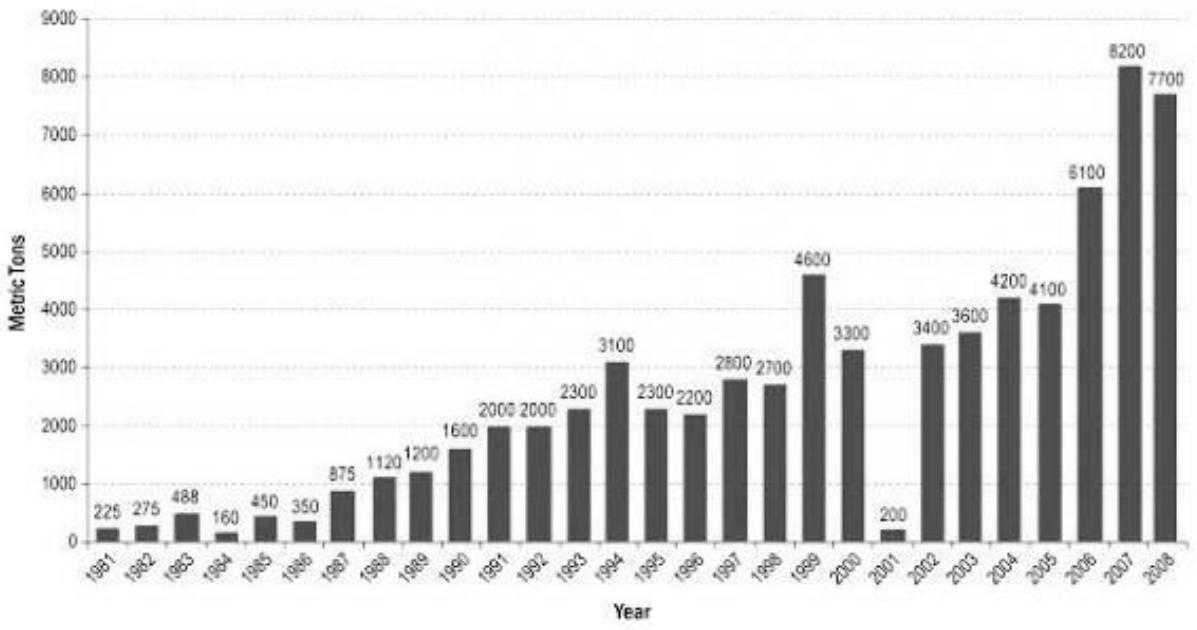


График роста объема производства наркотиков в Афганистане после окончания в 1989 году афганской войны

После расчленения на части СССР сразу были упразднены многие его силовые и государственные органы, контролирующие оборот наркотиков. В результате объем наркотрафика на всей бывшей территории Советского Союза заметно вырос. Наряду с традиционными транзитными путями доставки наркотиков из Афганистана через Пакистан, Иран и далее Турцию и Балканы наркотики широкой рекой потекли через фактически брошенные на произвол судьбы бывшие республики СССР – Таджикистан, Киргизию и Туркмению. Только в 2000 году в Таджикистане российскими пограничниками задержано 3130 кг наркотиков, в том числе около тонны героина.

В 2001 году по плану операции «Несокрушимая свобода» в Афганистан были введены войска коалиции западных стран во главе США. По сути, «войска коалиции» являлись только «массовкой» и прикрывали абсолютно неконтролируемые афганскими властями боевые действия Вооруженных сил США.

После того как американцы основательно обосновались в Афганистане, наркотический трафик стал еще более активным. Посевы опиумного мака увеличились в 26 раз и достигли к 2014 году гигантских размеров – 209 тысяч гектаров. Вот такие «плоды» принесла на землю Афганистана американская «несокрушимая свобода».

Плантации опиумного мака в Афганистане

По оценкам ООН, ныне через Таджикистан, Киргизию, Туркмению, Россию и прибалтийские страны переправляется в Восточную и Западную Европу до 65 % валового объема афганского опиума, морфина и героина.

Почти десять лет советские воины сдерживали в Афганистане производство наркотических веществ, препятствовали проникновению в Европу наркотиков и экстремистских идей наиболее радикальной части мусульманского мира.

Таким образом, Советская армия в 80-е годы XX века стала заслоном между афганскими производителями наркотиков и жителями Европы. А Ограниченный контингент советских войск в Афганистане явился не только вооруженной, но и своего рода идеологической стеной между мусульманским религиозно-политическим движением – ваххабизмом и европейской культурой.

К сожалению, не всем советским воинам довелось выжить в афганской войне. Но в наших сердцах, сердцах родных и близких погибших товарищей навсегда останется память о тех, кто пал в бою при выполнении боевой задачи; о тех, кто умер от ран и болезней в госпиталях; о тех, кто безвестно погиб на чужбине от пыток и болезней в афганских и пакистанских тюрьмах. И какие бы

оценки сегодня не давали иные политологи интернациональной помощи СССР афганскому народу, мы, ветераны войны в Афганистане, с гордостью носим на груди знак Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту». Советские воины девять лет, один месяц и двадцать дней с честью выполняли свой воинский долг вдали от Родины и по праву заслужили боевые награды великой мировой державы – Союза Советских Социалистических Республик.

Об авторе

Гончаренко Станислав Петрович родился в 1953 году в Алтайском крае в семье служащих. В том же году переехал с родителями в Свердловск (Екатеринбург).

Во время обучения в общеобразовательной школе активно занимался спортом, посещал спортивные секции: самбо, бокса, пулевой стрельбы. В 1969 году в соревнованиях «Снайпер Урала» стал чемпионом Свердловской области по пулевой стрельбе.

После окончания Свердловского высшего военно-политического танко-артиллерийского училища проходил службу офицером в Советской армии.

В 1980 году был направлен в Демократическую Республику Афганистан в газету «За честь Родины» 201-й мотострелковой дивизии.

После службы в Афганистане окончил отделение журналистики Военно-политической академии им. В. И. Ленина и руководил отделом в газете Уральского военного округа «Красный боец». В 1986 году вступил в Союз журналистов СССР.

С началом образования пресс-служб в армии и госучреждениях Российской Федерации сформировал пресс-центр Уральского военного округа и до окончания службы в Вооруженных силах РФ был заместителем начальника пресс-центра, затем пресс-службы округа. После увольнения из армии в запас основал и в разные годы возглавлял пресс-службы Свердловского областного общественного движения «Преображение Урала» и Министерства здравоохранения Свердловской области.

Полковник в отставке. Ветеран боевых действий в Афганистане, ветеран военной службы, ветеран труда Российской Федерации, ветеран труда Свердловской области. Кроме многих государственных наград неоднократно награждался Почетными грамотами губернатора и Законодательного Собрания Свердловской области. За многолетнюю работу по патриотическому воспитанию молодежи удостоен знака отличия Свердловской области «За заслуги в ветеранском движении».